

1

Русская речь

1975

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 1, 1975 январь—февраль

В номере:

В. Г. Костомаров, Л. А. Новиков. Институт русского языка имени А. С. Пушкина 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. А. Василевская. Слово в поэзии Никитина 13
Н. В. Водовозов. Радищев — писатель-революционер 20
Р. Н. Попов. Учись читать и слушать стихи 26
Н. С. Авилова. Читая Пушкина 29
А. Ф. Захаркин. «И начнет рассказ свой месяц...» 31
С. В. Белов. Неслучайные слова и детали в «Преступлении и наказании» 37
Н. Г. Бландова. Автор в диалоге своих героев 41
Л. А. Бельская. «Узловая завязь природы» 48
В. Г. Гомазков. Похвала пословице 54

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Беседы о русском произношении 60
Т. С. Коготкова. Слово в терминологическом и не-терминологическом применении 62
А. В. Барандеев. Неупорядоченное написание 66
В. М. Панькин. Омонимия лексическая и синтаксическая 71

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. Н. Сергеев. О доках и докерах 77
В. С. Филиппов. Оркестр, оратория, кантата 81
Б. Ф. Захаров. Корнями обвести 85

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЯЗЫКОВЕДЫ

В. В. Колесов. Яков Карлович Грот	87
В. Б. Премия имени А. С. Пушкина	94

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

О. Д. Кузнецова. Вятский словарь Н. М. Васнецова	97
В. П. Строгова. Нора и понора	101

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

С. А. Высоцкий. Летопись на древних стенах	104
Г. И. Довгалло. Ф. И. Буслаев — собиратель рукописных книг	111
Л. И. Еремينا. Предикативы в древнерусском языке	116

ШКОЛА

П. А. Лекант. Основные аспекты предложения	120
В. В. Бабайцева. О синтаксических единицах	127
Н. В. Чурмаева. Листая учебник	136
Практикум по стилистике	19, 53, 96

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Слово читателям; «Русская речь» советуется; Читатели срашивают; «Русская речь» отвечает: Акселерация; Одиссей и одиссея; До или по?	141
---	-----

На обложке рисунок В. Толстоногова

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Институт русского языка имени А. С. Пушкина

Как язык передовой науки и техники, политики и всемирно известной художественной литературы русский язык широко изучается сейчас во всем мире и во многих странах признается неотъемлемым элементом образования. Он принадлежит к числу других пяти-восьми языков мировой культуры и широчайшего, если не глобального, распространения. Знание русского или английского языка открывает, например, по данным ЮНЕСКО, доступ к 60—70 процентам всей информации, существующей в мире.

Тенденция к изучению русского языка за рубежом несомненна. В 1970—1971 учебном году русский язык преподавался в школах, вузах и на курсах 81 страны, а общее число изучающих его составляло около 15 миллионов. В этом учебном году русский язык преподается в 87 государствах, и число учащихся превышает уже 18 миллионов. Обращаясь к участникам II Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы (Варна, 1973), первый секретарь ЦК ВКП, председатель Государственного Совета НРБ Тодор Живков отметил: «Выход русского языка в последние десятилетия на передний план международной жизни обусловлен объективными факторами, роль которых будет непрерывно возрастать. Русский язык — великий язык великого народа, создавшего и создающего культурные и научные ценности, имеющие огромное значение для прогресса человечества. Русский язык — язык народа и государства, осуществивших колоссальные

социальные преобразования на огромной территории земного шара, оказавших и оказывающих историческое влияние на развитие человеческой мысли, прогрессивных движений и сил на Земле. В новой международной обстановке, складывающейся под воздействием миролюбивой политики Советского Союза и стран социалистического содружества,— в обстановке мира, широких контактов и сотрудничества в области политики, экономики, науки, культуры — русский язык все больше будет утверждаться как один из основных международных языков» («Русский язык за рубежом», 1973, № 4).

Широкое изучение русского языка в мире — не только следствие исторических успехов нашей страны, но и фактор, укрепляющий ее международный авторитет. Последние исследования, в частности немецких и французских ученых, убедительно вскрыли взаимосвязь внешнеполитического престижа нации и меры распространенности ее языка в мире. Широкое изучение русского языка отвечает интересам советского народа и всего прогрессивного человечества, а всемерное содействие распространению русского языка в различных странах мира выступает как важная патриотическая задача, как задача идеологическая.

Советский народ делом отвечает на запросы зарубежных друзей, желающих изучать русский язык. В 216 вузах, 82 техникумах и 180 научно-исследовательских институтах 71 города нашей страны обучается около 38 тысяч иностранных граждан; более 60 тысяч молодых специалистов, получивших за последние годы образование в СССР, успешно работают в своих странах. Все они, конечно, за годы учения хорошо освоили не только свою профессию, но и русский язык — и как средство обучения специальности, и как средство общения с окружавшими их советскими людьми. Немало иностранцев приезжает к нам ежегодно и с единственной целью совершенствоваться в русском языке: это учителя-русисты, занимающиеся на специальных курсах и семинарах (например, в университетах Москвы, Ленинграда, Киева), это студенты, участвующие в летних школах русского языка, это, наконец, деловые люди, туристы.

Преподаванием русского языка иностранцам занято около 3 500 советских специалистов; они работают на кафедрах русского языка для иностранцев в СССР (их сейчас около 200), командированы для преподавания русского языка за границу, пишут учебники русского языка, словари, принимают участие в подготовке технических средств обучения, например кинофильмов в помощь иностранцам, изучающим русский язык, разрабатывают новые методы обучения русскому языку, стремясь достигнуть наилуч-

ших результатов с наименьшей возможной затратой сил и времени учащихся.

Всего же в мире сейчас насчитывается около 120 тысяч преподавателей русского языка. Русский язык преподается сейчас в 1 648 университетах капиталистических и развивающихся стран и во всех вузах социалистических стран Европы. По своему происхождению и родному языку подавляющее большинство этих преподавателей — нерусские, и их владение русским языком обычно нуждается в существенном совершенствовании. Часто они недостаточно хорошо знакомы и с нашей страной, с жизнью и образом мысли советского народа. Это создает острую необходимость постоянно повышать квалификацию зарубежных преподавателей, давать им в руки современное вооружение — полноценные учебники, словари, методические и другие учебные пособия, литературу для чтения.

По имеющимся данным, систематическую переподготовку в СССР и у себя в стране проходит лишь не более 15—20 процентов преподавателей-русистов. Если учесть ожидаемый демографами рост школьников и студентов в конце 70-х годов, который, вероятно, увеличит потребность в русистах на 30—40 процентов, то нетрудно понять, что необходимо принять срочные и радикальные меры для дальнейшего улучшения подготовки и переподготовки преподавателей русского языка как иностранного. И прежде всего — зарубежных преподавателей, так как при всей эффективности посылки за рубеж советских учителей русского языка только наличие квалифицированных местных кадров способно решить проблему.

Существенная роль в решении проблем, связанных с дальнейшим распространением русского языка в мире, принадлежит Институту русского языка имени А. С. Пушкина, созданному на базе Научно-методического центра русского языка при Московском государственном университете. Институт является научно-учебным учреждением и непосредственно подчиняется Министерству высшего и среднего специального образования СССР.

Основными задачами Института русского языка имени А. С. Пушкина являются разработка эффективных методов обучения русскому языку иностранцев и проведение научных исследований в этом направлении, подготовка современных учебников, учебных пособий, словарей, программ, учебных кинофильмов для различных форм обучения, методическое руководство курсами русского языка в СССР и других странах, а также кафедрами русского языка для иностранцев в учебных заведениях СССР, оказание помощи кафедрам и курсам различных стран, где ведется преподавание русского языка. Значительно расширяются между-

народные связи с зарубежными учреждениями и отдельными лицами, связанными с проблемами русского языка за пределами нашей страны.

Новая задача Института — это проведение учебной работы: очного и заочного повышения квалификации преподавателей русского языка из разных стран и стажировки зарубежных студентов-филологов. В учебном отделе будет три факультета с кафедрами практики преподавания русского языка и межфакультетскими кафедрами, которые обеспечат чтение лекционных и специальных курсов по русскому языку, русской классической и советской литературе, по методике преподавания иностранного языка и общественным наукам.

Очное обучение будет осуществляться на двух факультетах: повышения квалификации зарубежных и советских преподавателей русского языка как иностранного и на факультете стажировки зарубежных студентов-русистов. На очном отделении будут повышать свою квалификацию одновременно 1200 человек (со сроком обучения от одного до десяти месяцев). Контингент очного отделения составят главным образом три категории: преподаватели русского языка университетов и других вузов, преподаватели русского языка средних школ и студенты-русисты старших курсов или выпускники университетов и педагогических вузов. Повышение квалификации каждой из этих категорий имеет свою специфику и требует дифференцированного подхода в составлении соответствующих учебных планов и программ, в определении тематики лекций и спецкурсов. Так, при всем сходстве в программах повышения квалификации преподавателей и студентов, у первых большее место займут вопросы методики преподавания русского языка в вузах и школах, совершенствование методов обучения, обмен опытом, у вторых — практическое овладение живыми нормами современного русского литературного языка, педагогическая практика.

Разумеется, Институт сможет в полную силу развернуть свою учебную работу на очном отделении после ввода в эксплуатацию комплекса зданий: учебного корпуса, многоэтажного общежития и подсобных сооружений. Однако первые группы будут приняты уже в 1974—1975 учебном году. Ведется подготовительная работа по составлению и совершенствованию учебных планов, программ, циклов лекций, а также по подбору литературы и материалов для обучения разных контингентов учащихся с помощью технических средств.

Проводится работа по обеспечению необходимыми материалами заочного обучения иностранных граждан, которое откроется в

текущем учебном году (2 500 заочников со сроком обучения от одного года до двух лет). Заочное обучение русскому языку будет в первую очередь развернуто по трем направлениям: повышение квалификации зарубежных преподавателей, обучение чтению на русском языке специалистов-нефилологов (врачей, юристов, математиков, физиков и т. д.), начальное обучение основам русского языка всех желающих. Полный профиль контингента заочного обучения может быть выявлен путем установления «обратной связи» с потенциальными учащимися.

Лицам, зачисленным на заочное отделение, будут регулярно высылаются выпуски-задания соответствующего содержания, составляющие единое целое. Каждый из выпусков включает тексты, фонетический, грамматический, лексический, страноведческий и иной материал, подлежащий усвоению, упражнения (с ключом), задания и проверочные работы, которые должны быть выполнены и высланы на контроль в Институт. Звучащие приложения к выпускам в виде пластинок или магнитных пленок дадут представление учащимся-заочникам о произносительных нормах и интонации современного русского языка. В помощь заочникам организуются передачи радиокурсов русского языка, тесно связанных по содержанию с выпусками-заданиями. Дальнейшее расширение системы заочного обучения предполагается связать с организацией консультационных пунктов непосредственно в странах, где будет существовать такая форма обучения. В этих пунктах сотрудники Института совместно с другими советскими преподавателями смогут проводить установочные сессии, консультации, а также принимать зачеты и экзамены.

Важное значение в современных условиях приобретает расширение и дальнейшее совершенствование научно-методической и научно-исследовательской работы в Институте. Научные отделы Института организуются не по аспектам языка, как в бывшем Научно-методическом центре, а по формам, средствам и методам обучения. Это позволит более эффективно вести научную и методическую работу, лучше учитывать специфику изучения русского языка в той или иной форме обучения и при написании учебников и пособий, полнее и целенаправленнее обобщать опыт работы. Сектор форм и содержания обучения филологов-русистов, сектор форм и содержания обучения студентов-нефилологов, сектор форм и содержания обучения в школах, сектор проблем краткосрочных форм обучения, сектор подготовительных форм обучения (студентов-иностранцев на подготовительных факультетах вузов СССР) образуют один научный отдел. Во второй входят: сектор методов обучения и теории учебника, сектор лингвостранове-

дения, сектор учебной лексикографии и сектор технических средств обучения; при отделе организуется лаборатория технических средств, которая будет проводить экспериментальную работу и обеспечивать учебный процесс в Институте.

Главной задачей секторов научных отделов является подготовка программ, учебников и учебных пособий для разных форм обучения иностранцев как за рубежом, так и в Советском Союзе (в том числе и в самом Институте), разработка эффективных методов преподавания русского языка как иностранного, создание различного типа учебных словарей, пособий по страноведению, разработка методических основ создания и применения технических средств обучения, наконец, обобщение передового опыта преподавания русского языка и проведение научно-исследовательской работы в этом направлении. В связи с научной работой, не имеющей, однако, в Институте иной самодовлеющей цели, кроме как необходимой основы для практического написания учебников и организации более эффективного обучения языку, будет открыта аспирантура для советских и зарубежных граждан по профилю «русский язык как иностранный».

В планах Института предусмотрена работа, уже начатая в Научно-методическом центре русского языка при МГУ: написание учебника русского языка для ученых-нефилологов, интенсивного курса для краткосрочных форм обучения (типа кружков и курсов Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами), учебника для лицеев и гимназий, учебника для подготовительных факультетов советских вузов, серии пособий для студентов-филологов, серии градуированных книг для чтения. Продолжается работа над «Словарем сочетаемости слов русского языка» и на базе его картотеки — над составлением дифференцированных русско-иностраных словарей словосочетаемости. Начата работа над «Лингвострановедческим словарем», раскрывающим специфические русские и советские реалии. Продолжается выработка принципов для составления толкового и тематического учебных словарей русского языка.

В рамках Института будет продолжена и активизирована хорошо зарекомендовавшая себя форма совместной работы советско-иностраных авторских коллективов. Сейчас 27 таких коллективов работают над созданием учебников и учебных пособий; в дальнейшем эту форму международного сотрудничества предполагается применить и в научно-исследовательской работе, главным образом в сопоставительных исследованиях русского языка с другими языками.

Вместе с другими действительными членами Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы от Со-

ветского Союза и в тесном контакте с зарубежными членами Ассоциации Институт готовится к проведению мероприятий, предусмотренных планом деятельности МАПРЯЛ на 1974—1976 годы. Главное внимание уделяется подготовке II Международной олимпиады школьников по русскому языку из зарубежных стран (Москва, 1975) и III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы «Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы» (Варшава, 1976).

В целях обеспечения централизованного выпуска учебной литературы по русскому языку для иностранцев создано специализированное издательство «Русский язык».

Институт русского языка имени А. С. Пушкина и издательство «Русский язык» как головные организации в области пропаганды русского языка остро нуждаются в помощи других учреждений, прежде всего академических и университетских. Перспективы в области сотрудничества кажутся здесь весьма благоприятными. Проблемами распространения русского языка и литературы в современном мире усиленно занимается академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР академик М. Б. Храпченко, являющийся президентом МАПРЯЛ. Группа ученых Института русского языка АН СССР во главе с его директором членом-корреспондентом АН СССР Ф. П. Филиным живо интересуются этими проблемами, выступают со статьями в журнале Института «Русский язык за рубежом» и с докладами на семинарах и конференциях. В качестве примера можно привести замысел выпустить в ближайшие годы серию «Русские книги», которая отразила бы основные вехи литературного развития в России и СССР, обеспечив иностранцев, овладевших и овладевающих русским языком, полноценной литературой для чтения. Подготовка этого издания будет осуществляться компетентной редакционной коллегией под руководством академика М. Б. Храпченко. Другой пример: группа сотрудников Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР занята подготовкой Толкового словаря русского языка для иностранцев; совместными усилиями Института русского языка АН СССР и Института русского языка имени А. С. Пушкина подготовлена монография «Русский язык в современном мире».

Полное удовлетворение «спроса» на русский язык в различных странах и дальнейшее его распространение в мире предполагает решение ряда актуальных теоретических и практических задач объединенными усилиями вузовских и академических учреждений.

Исследовательская проблематика может быть сформулирована и изложена в виде следующих планов.

■ Необходим тщательный анализ функционирования русского языка не только в СССР, но и за его пределами. В нашей лингвистике накоплен большой опыт анализа существования разных языков, в том числе и языков глобального распространения, за пределами исконной территории. В то же время русский язык изучен в этом отношении совершенно недостаточно: мало работ даже по специфике его использования в союзных республиках СССР, а имеющиеся носят в основном историко-методический характер.

Совершенно очевидны разные политико-социологические факторы, определяющие распространение и укоренение русского языка в разных странах мира и в разных группах стран мира. Например, в странах СЭВ, объединенных задачами политической и экономической интеграции, русский язык играет совершенно иную роль, нежели в развитых капиталистических государствах. Развиваясь по нормативам и стандартам, свойственным системе образования и вообще особенностям структуры жизни в этих последних, распространение русского языка в них, в свою очередь, отлично от его укоренения в развивающихся странах Востока, Африки, Латинской Америки, где интерес к русскому языку не отличается стабильностью: то вспыхивает, то угасает в зависимости от тех или иных конъюнктурных изменений. Упомянутые процессы совершенно не изучены, а главное — не известна их связь с собственно языковыми проблемами. Советские и зарубежные ученые сейчас часто и метко указывают на высокую общеобразовательную ценность русского языка, на его структурную развитость и на его коммуникативно-информативное равноправие с английским, немецким, французским, испанским и другими мировыми языками. Однако собственно лингвистическая суть этих утверждений остается нераскрытой. А именно здесь следует, видимо, искать основания для научного подхода к обоснованию наиболее разумной и действенной языковой политики в разных странах.

■ Исследования такого рода тесно связываются с задачами пропагандистской или культурно-разъяснительной деятельности, на важность которой неоднократно указывал академик В. В. Виноградов. Можно напомнить, что французы, возведя распространение французского языка в ранг государственной политики и подкрепив эту акцию научно-методическими и организационно-учебными мероприятиями, сумели не только сохранить, но и поднять упавший было после последней мировой войны престиж своего языка; громадную роль при этом играла именно разъяснительно-пропагандистская работа, издание десятков увлекательных книг и брошюр о французском языке.

Применительно к русскому языку такая литература остро дефицитна, а имеющиеся издания малоинтересны. Здесь нужны интересные и доступные брошюры. Уменьшение объема книг не должно сопровождаться снижением их научной достоверности и ценности. Книги, выпущенные за последние годы в научно-популярной серии издательства «Наука», вселяют уверенность в реальность выполнения такой задачи.

■ Крайне необходима серьезная разработка темы «Русский язык и советская культура». Современная методическая мысль не признает преподавания иностранного языка в отрыве от знакомства с духовным миром, идеалами, образом жизни, социальными институтами людей, говорящих на данном языке как на родном. Некоторые мысли по этой проблеме высказаны в книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» (М., 1974). Сейчас можно лишь вновь констатировать отсутствие фактических материалов, необходимых для реализации страноведческого или, лучше сказать, лингвострановедческого аспекта в преподавании русского языка иностранцам. Находит повсеместную поддержку идея лингвострановедческого словаря как первой попытки специального пособия в этой области.

■ По-прежнему важной и недостаточно исследованной проблемой методики остается учет специфики родного языка лиц, изучающих русский язык. Конфронтация русского и других языков на основе новых современных методик может дать много интересных и конструктивных выводов для практики преподавания языка. Изучение русского языка с позиций иного языкового мышления, иных языковых структур должно занять достойное место в нашей науке, если она хочет реально помочь нуждам преподавателей-практиков, обучающих русскому языку иностранцев. Важно также изучить специфику разных форм русско-иноязычного двуязычия, его психологических, культурных и особенно структурно-языковых последствий.

■ Среди общих принципов, получивших в XX веке в науке о языке широкое признание, особое значение имеет идея системности. Такая интерпретация языка имеет основополагающее значение для лингвистического обоснования методики, для составления учебников, для организации учебного процесса. Провозглашенные в методике принципы минимизации языкового материала и концентризма в его подаче пока все-таки лишены научной основы.

Одной из важных задач академических специалистов является создание эталонных книг и справочников, на основе которых методисты могли бы создавать современные учебники и учебные пособия по русскому языку различных типов. Вновь и вновь возникает мысль о функциональной грамматике русского языка, о «грамматике смыслов», об удобной справочной морфологии (напомним грамматику немецкого языка «дуден»), о нормативно-стилистическом и нормативно-системном описании русской лексики или наиболее активной ее части, об описании словоупотребления, типовой сочетаемости слов.

■ Успешно развивающееся в последнее десятилетие исследование литературного языка повседневного общения уже нашло свое отражение в учебниках и методиках русского языка как иностранного. Однако это отражение, как правило, сведено к учету лексического своеобразия и отчасти фонетического. Синтаксические явления, обладающие своей нормой, пока почти вне поля зрения методистов. Видимо, острѐ необходимо доступное всестороннее описание разговорной речи и ее стилей.

■ Специалисты академических институтов и высших учебных заведений могли бы взять на себя очень важную задачу общелингвистического просвещения советских и зарубежных преподавателей русского языка как иностранного. Можно составить «библиотеку зарубежного филолога-русиста», которой пользовались бы и студенты, изучающие русский язык как специальность в зарубежных университетах, и учителя при самостоятельной работе по повышению своей квалификации, своего научного уровня. В таких книгах необходимо достойно показать роль отечественных ученых не только в разработке проблем русского языка, но и общего языкознания.

Таковы некоторые из актуальных проблем, которые могли бы успешно разрабатываться академическими и университетскими научными центрами в содружестве с Институтом русского языка имени А. С. Пушкина и издательством «Русский язык».

*В. Г. КОСТОМАРОВ,
Л. А. НОВИКОВ*

ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СЛОВО В ПОЭЗИИ НИКИТИНА

Среди поэтов некрасовского направления Ивану Саввичу Никитину (1824—1861) принадлежит почетное место.

Трагичен и краток был жизненный путь Никитина. Отец его — владелец свечного завода — был человеком деспотичным, крайне крутого нрава. После смерти матери Никитину пришлось покинуть семинарию, где он учился,

и стать приказчиком в свечной лавке отца, затем торговать на рынке с лотка, а позже — содержать постоянный двор.

Отвратительная обстановка торгашеской среды угнетала поэта, преследовала его всю жизнь. Позже он признавался, что ему с детских лет пришлось испытать все, что «грязного есть в жизни самой бедной — и горе, и разгул, и кровавый пот трудов, порок и плач нужды, оторванной и бедной» (цитируется по изданию: И. С. Никитин. Сочинения. М., 1955).

И только могучая русская природа, которую любил поэт и которую воспел в своих лучших стихотворениях, только чтение лучших русских и зарубежных поэтов да минуты творческого вдохновения скрашивали его убогую жизнь.

Мало прожил Никитин. Однако литературное наследство, оставленное им, значительно, он стал подлинно народным поэтом.

Любимые образы Никитина — крестьяне (старики, женщины, дети), простые рабочие, ремесленники, крепостные слуги, одинокие бобыли, представители городской бедноты. Этим образам из простого народа он противопоставляет хозяев жизни: помещиков, торговцев, старост, урядников.

Палитра Никитина сравнительно скромна, а поэтические приемы кажутся традиционными. Однако в рамках известной традиционности Никитин сумел создать свою собственную поэтическую систему, отличающуюся своеобразной структурой и реалистичной манерой изложения.

Мотивы скорби, уныния, тоски, описания безрадостной жизни, мотивы осуждения бюрократическо-полицейского государства и презрения к угнетателям, мешающим народу свободно жить, переплетаются в произведениях поэта с глубокой верой в народ. С исключительной силой изображается красота и удаль русской природы в таком стихотворении, как «Ярко звезд мерцанье»:

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.
Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет — приседает,
Соловьем свистит.

Темы родины и народа — основные темы поэзии Никитина.

Глубоким патриотизмом проникнуты все стихотворения Никитина. В своей гражданской лирике он продолжает традиции Пушкина, Лермонтова и декабристов и опирается на песенную традицию Кольцова. Так, в стихотворении «Русь» рисуются мощь и величие родной страны, ее огромные природные богатства, глубокая любовь к родине и готовность ее сынов к патриотическому подвигу:

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.
Стать за честь твою
Против недруга.
За тебя в нужде
Сложить голову!

Формированию молодого поэта способствовало чтение работ Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Передовые взгляды Никитина, формировавшиеся под воздействием Добролюбова и Чернышевского, своеобразная форма его стихотворений привлекли внимание Некрасова, который неоднократно приглашал поэта сотрудничать в «Современнике».

Хотя Никитин в большинстве своих произведений не поднимался до революционных выводов, его поэзия расшатывала основы крепостнического строя. Обращаясь к родной стране, Никитин писал:

Нет в тебе добра и мира,
Царство скорби и цепей,
Царство взяток и мундира,
Царство палок и плетей.

«Тяжкий крест несем мы, братья...»

Чтобы усилить идейное звучание стихотворения, автор прибегает к приему единоначатия каждой строки, построению каждой строки по одной и той же синтаксической модели, к введению таких слов, как скорбь, плети, палки, взятки.

Стремясь найти выход из тяжелого положения, он обращается к молодому поколению:

Медленно движется время,—
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди!

Молнии нас осветили,
Мы на распутьи стоим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Рыхлая почва готова,
Сейте, покуда весна:
Доброго дела и слова
Не пропадут семена...

«Медленно движется время...»

Легко заметить, что данное стихотворение представляет собою монологическую ораторскую речь с обилием восклицательных конструкций и отточий, свидетельствующих о прерывистой, взволнованной интонации. Много в нем и синтаксических конструкций, в составе которых довольно часто встречаются глаголы повелительного наклонения: веруй, надейся, жди, зрей, сейте и другие.

В поэзии Никитина органически слиты эпическое и лирическое начало, четко определены две стилевые струи: ораторско-патетическая и интимно-лирическая, близкая к фольклору, для которой характерны постоянные эпитеты, сравнения, антитезы, употребление категории субъективной оценки.

Антитезы являются любимым поэтическим приемом Никитина. Некоторые стихотворения поэта представляют собою развернутые антитезы, в других — противопоставление носит скрытый характер:

У тебя весна без зелени.
А любовь твоя без радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь с голодом при старости.

«Ах ты, бедность горемычная...»

Песни те веселые
Свистом покрываются,
После песен в три ручья
Слезы проливаются.

Бесталанная доля

Излюбленными приемами поэта являются анафоры и параллельные синтаксические конструкции:

Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна.

«Ехал из ярмарки ухарь-купец...»

Близка к фольклору система никитинских обращений: сокол мой ясный, мой соколик, полно, касатик, как живешь, мой свет; приложения: грусть-кручина, зима-матушка, счастье-веселье, кормилица-земля, горемыки-детки.

В стихотворениях Никитина нередко встречаются и тавтологические выражения: мукою мучуся, трубы трубят; парные глаголы: шарить-искать, судить-рядить; существительные с суффиксами субъективной оценки: кручинушка, избушка, избенка, травушка, заботушка, зипунишко, одежонка, шапчонка, лаптишки. Обильно представлены поэтом и фразеологические фольклорные обороты: нет на ней лица, божий свет не мил. Описывая быт и трудовые будни крестьян и городской бедноты, Никитин употребляет традиционные стилистические и словообразовательные категории. Однако сам выбор их и поэтическая трансформация, употребление в определенном контексте создают своеобразный никитинский стиль. «Поэтические формулы, — эти нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов» (А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940). Такими «нервными узлами» в поэтике Никитина являются, например, следующие выражения:

Бедность голодная, грязью покрытая,
Бедность несмелая, бедность забытая.

Портной

Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая...

«Вырыта заступом яма глубокая»

Каждое стихотворение Никитина — это плод глубоких раздумий. Не является исключением и стихотворение Никитина «Вырыта заступом яма глубокая», ставшее самой любимой песней студенчества.

Синтаксический строй произведений Никитина отличается простотой и безыскусственностью. В нем много неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений, характеризующих народную речь: «Пашешь — песню поешь, косишь — устали нет»; «Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг с листьев брызнет роса серебристая»; «Ляжешь спать — под тобой постлан шелк зеленый».

В сложных предложениях преобладают сложносочиненные. Бессоюзные предложения употребляются чаще союзных. Образцом сочетания простых и сложных предложений в художественном тексте является одно из лучших стихотворений «Утро»:

Звезды меркнут и гаснут. Во мгле облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.

В стихотворениях описательного характера Никитин часто прибегает к номинативным конструкциям:

Душный воздух, дым лучины,
Под ногами сор,
Сор на лавках, паутины
По углам узор;
Закоптелые полаты,
Черствый хлеб, вода,
Кашель прихи, плач дитяти...
О, нужда, нужда!

Ночлег в деревне

О своеобразной простоте поэтического таланта Никитина Бунин писал: «Я не знаю, что называется искусством, красотой в искусстве, его правилами. Верно, в том заключается оно, что человек, какими бы словами, о какой бы форме ни говорил мне, но заставлял меня видеть перед собою живых людей, чувствовать веяние живой природы, заставлял трепетать лучшие струны моего сердца.

Все это умел делать Никитин... Он в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык... Все гениальные ее представители — люди, крепко связанные с своею почвою, с своею землею, получающие от нее свою мощь и крепость. Так был связан с нею и Никитин, и от нее он был силен в жизни и в творчестве» (И. А. Бунин. «Памяти сильного человека»).

Напевность и глубокая лиричность поэзии Никитина, богатство и разнообразие ритмики, звукопись, своеобразие монологической и диалогической речи привлекали внимание крупнейших композиторов мира. Около четверти никитинского поэтического наследия связано с музыкой. На слова Никитина писали свои произведения Н. А. Римский-Корсаков, А. Т. Гречанинов, Ц. А. Кюи, Э. Ф. Направник, Станислав Монюшко и другие. Около ста музыкальных произведений создано на никитинские тексты,

из них более пятидесяти романсов, свыше 30 произведений для хора.

Многие стихотворения Никитина стали народными песнями и печатались во многих песенниках (Ехал из ярмарки ухарь-купец; Соха; Зимняя ночь в деревне; Вырыта заступом яма глубокая).

Устный народный сказ и песенное начало поэзии Никитина оказали заметное влияние на становление поэтического стиля таких выдающихся советских поэтов, как Сергей Есенин, Михаил Исаковский и Александр Твардовский.

Доцент Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

Рисунок В. Толстоногова

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

СЛОВО — ОБРАЗ

Перед Вами история одной стиховой строки из «Медного всадника» А. С. Пушкина, окончательный вид которой таков: *И полон сумрачной заботы...* Черновик и беловые редакции «Медного всадника» обнаруживают целую серию переделок. Вот первоначальные варианты, отвергнутые автором:

И с видом бешеной заботы...

И полн мучительной заботы...

И с видом горестной заботы...

И с видом сумрачной заботы...

Сравните все редакции этой стиховой строки, припомните или снова прочтите «Медный всадник» и попытайтесь определить само направление поисков, почему именно этот, последний, вариант *И полон сумрачной заботы...* стал окончательным?

А. Н. Радищев — «рабства враг», как метко назвал его Пушкин, не мог оставаться безучастным зрителем творимых крепостниками мерзостей. «Нам больнее всего,— писал В. И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов»,— видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 26, стр. 107).

РАДИЩЕВ — писатель- революционер

Первым антикрепостническим выступлением Радищева был перевод им в 1773 году книги французского писателя Мабли «Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастья греков». В этой книге была ярко выражена ненависть автора к деспотизму и горячая любовь к свободе и независимости народов.

Делая перевод книги Мабли, Радищев усиливал ее прогрессивное значение своими собственными примечаниями, революционный характер которых не подлежал сомнению. Так, переводя слово *деспотизм* как *самодержавство*, Радищев в своем примечании давал ему такое объяснение: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Развивая эту мысль далее, Радищев указывал на право народов судить своих правителей: «Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками».

Насколько злободневными были эти мысли писателя-революционера, можно судить уже только по тому, что осенью этого же 1773 года в России началась грандиозная крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева. К восставшим русским крестьянам примкнули горнозаводские рабочие Урала, казаки, башкиры,

татары. Повсюду распространялись воззвания Пугачева, которые Пушкин так справедливо называл позднее «удивительным образцом народного красноречия». Эти воззвания носили революционный характер, так как в них перечислялись не только обещания, но указывались прямые и понятные народу средства расправы с его угнетателями. «Кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти... и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами» («Восстание Емельяна Пугачева». Сборник документов. 1935).

Хотя крестьянская война закончилась в 1775 году поражением восставших, она оставила неизгладимый след в памяти потомства. Над ее уроками последующие годы мучительно размышлял Радищев, собирая материал для своей книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

Пафосом великой книги Радищева являлось революционное отрицание всей общественной системы самодержавно-крепостнической России того времени. Радищев дал в своей книге уничтожающую критику современной ему русской действительности. Одновременно с этим «Путешествие из Петербурга в Москву» — одно из наиболее ранних произведений критического реализма в русской литературе конца XVIII века, художественная энциклопедия жизни, затронувшая все животрепещущие вопросы эпохи: политику и экономику, религию и право, этику и мораль, отношения между сословиями, в государстве, положение женщин, воспитание детей, просвещение и культуру. Через всю книгу проходит тема народной революции, которую Радищев страстно ждал, в наступлении которой был непреклонно уверен. Именно поэтому он в своей книге говорит голосом убежденного пророка и судьи, прибегая к ораторскому стилю речи, внося в язык церковнославянизмы.

«О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров? Они, крестясь во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущие казни, усугубил бы казнь настоящую и, совесть возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, доколь страданием своим не загладят все злое, еже сотворили» (цитируется по изданию: А. Н. Радищев. Избранные сочинения. М.—Л., 1949).

Нетрудно заметить, что церковнославянизмы, к которым автор прибегает в своей книге, приобретают новую окраску, новый смысл.

Совершенно по-иному звучат и такие слова, как *отечество*, *закон*, *гражданин*, *человек*. Под *отечеством* Радищев понимает не просто место рождения, а государство равноправных людей, стре-

мящихся прославить родину: «Доведя постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния...». Широкий общественный смысл заложен писателем в словах *гражданин* и *человек*: «Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек... Истинный гражданин должен жить интересами общества, активно бороться за благо своих сограждан — исполнять должность гражданина».

Производным от слова *гражданин* является *гражданское звание*; борьба за которое, как утверждает Радищев, должна быть делом самих сограждан. Говоря об обществе, Радищев прежде всего имеет в виду союз граждан, живущих едиными интересами — интересами общества.

Обращение Радищева к словесной архаике, к торжественной «славянщине», составлявшей пафос древнерусской литературы, высокопатриотической и государственной по своему содержанию, было вполне оправданным. Заслуга Радищева в деле развития русского литературного языка заключалась в том, что он боролся за его национальную основу, за использование богатств, уже накопленных веками предшествовавшего развития. Но Радищев еще не нашел правильного пути к слиянию старой книжной и устной разговорной речи. Поэтому его язык оказался перегруженным словесной архаикой.

«Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы». Так начинается «Путешествие из Петербурга в Москву». И все-таки как далек этот величавый язык от искусственного жаргона, которым говорили господствующие классы и который усиленно насаждался ими в литературе!

Сама композиция книги — путешествие автора из Петербурга в Москву — наиболее соответствовала замыслу Радищева: показать читателю движущуюся панораму русской жизни того времени, ввести в книгу как можно больше встреч с людьми, раскрыть истинный характер русского народа, талантливого, энергичного, трудолюбивого, творчески одаренного. Посредством такой формы, напоминающей собою жанр путевых записок, он мог свободно включить в книгу все свои наблюдения и раздумья над жизнью народа.

Радищев уже с первых страниц «Путешествия» говорит о ценности и значении устной народной поэзии. Народные песни, по его мнению, важны, как выражение народного характера, как выражение народных дум и стремлений: «Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто скорбь

душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления». Радищев уверен, что изучение устного народного творчества, раскрывающего народный характер, может объяснить много «доселе гадательного в истории Российской».

До Радищева крепостной крестьянин не был и не мог быть героем литературного произведения. Радищев совершил подлинное художественное открытие, изобразив галерею крепостных крестьян, сохранивших в себе нравственную красоту и чувство самоуважения.

Эта галерея открывается образами бурлака, землепашца и завершается замечательным образом крепостной девушки Анюты. Несмотря на крайнюю бедность и рабское положение, Анюта горда и независима. Радищев любит ее цельностью ее характера, нравственной чистотой. Она не боится труда, потому что труд составляет основу ее жизни. Труд и отдых в жизни Анюты гармонически дополняют друг друга. О ней говорят в деревне: «Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет... А как пойдет в поле жать... загляденье!». Так впервые вводится Радищевым в литературу тема труда — основы нравственной и физической жизни человека.

В отличие от своих предшественников, боровшихся против салонного жаргона путем пародий, Радищев избрал свой путь — путь широкого использования в произведении богатств самобытного русского языка. Большинство глав написано четким, ясным и понятным русским языком.

Нередко Радищев прибегает к употреблению в речи крестьян просторечных элементов: «дело-то и скоро», «но небось», «почто», «хоша», «рассказы таковые», «нагрел бы шею».

Образам крепостных крестьян Радищев в «Путешествии» противопоставляет образы помещиков, жестоких туенядцев, насильников. Как писатель-революционер он понимает, что освобождение народа не придет само по себе, без борьбы. Поэтому он показывает крестьян, восставших против своих притеснителей. «Доведенные до крайности» извергом-помещиком, крестьяне «окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте».

Радищев намеренно заканчивает свою книгу «Словом о Ломоносове». Гениальный русский ученый и поэт Ломоносов, вышедший из народных низов, олицетворял собою исключительную одаренность русского народа, его стремление к знанию, к творческой деятельности, сознание собственного достоинства. Радищеву, конечно, был известен гордый ответ Ломоносова всесильному

вельможе графу Шувалову, вздумавшему подшутить над ним: «Я, ваше высокопревосходительство, не токмо у вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу». Завершая свою великую книгу о русском народе «Словом о Ломоносове», Радищев ясно показывал, как чудовищно уродлив был тот общественный строй, при котором миллионы талантливых русских людей были обречены на рабскую жизнь, безграмотность, унижительное существование.

В «Путешествии» Радищев не ограничился показом картин «зверообразного самовластия, когда человек повелевает человеком», когда людей продают с публичного торга, когда помещики безнаказанно оскверняют крепостных крестьянок, когда крестьян заставляют работать все семь дней в неделю на барина и довольствоваться скудной пищей из общего корыта. Нет, он не только показывает все это, но и верит, что будущая свобода придет в результате «самой тяжести порабощения»: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашей обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

Нельзя не преклоняться перед силой и ясностью ума первого русского писателя-революционера, который предугадал не только время революционной победы народа, но и появление трудовой интеллигенции, вышедшей из народа и неразрывно связанной с ним.

30 июня 1790 года Радищев по приказанию Екатерины II был схвачен и заключен в Петропавловскую крепость. Вести следствие по его делу должен был Шешковский, «домашний палач» Екатерины, как справедливо назвал его Пушкин.

26 июля, менее чем через месяц после ареста, уголовная палата уже вынесла приговор автору «Путешествия». За напечатание книги, наполненной «самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской... Радищева за сие преступление палата... полагает, лиша чинов и дворянства... казнить смертию».

Около полутора месяцев ждал Радищев приведения в исполнение смертного приговора. Только 4 сентября 1790 года в «именном указе Сенату» Екатерина II объявила о замене смертной казни

Радищеву ссылкой «в Сибирь в Илимский острог на десятилетнее безысходное пребывание».

По дороге в Сибирь Радищев пишет свое знаменитое стихотворение, свидетельствующее о том, что тюрьма и жестокий приговор не сломили его мужества и веры в лучшее будущее народа. Обращаясь к своему читателю, он гордо заявляет:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?—
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

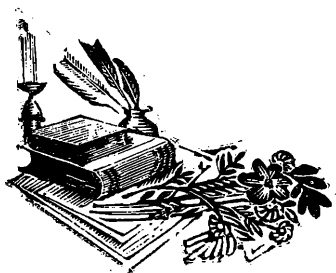
В Илимске Радищев энергично принялся за литературную работу. Он пишет философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». В этом трактате он дает развернутое изложение материалистического миропонимания: «Ты мыслишь органом телесным, как можно представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков, телесность явится перед тобой всецела; ибо ты — она, все прочее догадка». Он отрицает существование души и ее бессмертия, хотя в этом вопросе у него есть некоторая непоследовательность. Но в целом трактат Радищева — выдающееся произведение русской материалистической философии XVIII века.

Наряду с философским трактатом Радищев пишет историческое исследование «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». В этом сочинении он дает такую высокую оценку русскому народу: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский... О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что сделать может блаженство общественное!». До самых последних дней своей жизни негибаемый писатель-революционер продолжал верить в светлое будущее великого русского народа и бороться за его счастье.

«Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земле не останется, если доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся... Умри», — писал он в своем «Путешествии».

23 сентября 1802 года в десятом часу утра Радищев принял яд. Но смерть пришла к нему не сразу. Только в первом часу ночи, после долгих страданий, он скончался, успев сказать перед смертью: «Потомство за меня отомстит!».

Профессор Н. В. ВОДОВОЗОВ

УЧИСЬ ЧИТАТЬ И СЛУШАТЬ СТИХИ

Глубокое понимание и выразительное чтение стихотворения становятся возможными только после тщательного изучения его подтекста, выявления мыслей и чувств, которые волновали поэта. Стихотворение, понятое до конца, до последнего слова, вызывает настроение, созвучное с переживаниями самого поэта.

Глубокому проникновению в текст помогают, как показал опыт работы, прослушивание магнитофонных и грамзаписей лучших мастеров художественного слова и сравнительный анализ их манеры исполнения.

Можно с уверенностью сказать, что представление о многих стихах Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского и других поэтов будет существенно обеднено, если не слушать их в исполнении В. Качалова, Н. Мордвинова, В. Аксенова, В. Яхонтова, Р. Симонова, Д. Журавлева, И. Андроникова.

Сравним разные манеры исполнения последних шестнадцати строк стихотворения Лермонтова «Смерть поэта».

А вы, надменные потомки,
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки,
Игрою счастья обиженных родов,
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таятесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!

Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
 Есть грозный судия: он ждет;
 Он не доступен звону злата,
 И мысли, и дела он знает наперед.
 Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
 Оно вам не поможет вновь,
 И вы не смоее всей вашей черной кровью
 Поэта праведную кровь!

Большим драматическим накалом отличается исполнение этой части стиха нашими выдающимися мастерами художественного слова. Ораторские интонации чтецов не только гневно обличают убийц и палачей поэта, не только негодование слышится в их голосе, они выражают и большое горе по поводу трагической гибели поэта. В Качалов и Р. Симонов, например, читают стихотворение с дрожью в голосе, резко выделяя его части паузами, но темп их исполнения совершенно различен. В Качалов читает с минимальными паузами, как бы задыхаясь от негодования; Р. Симонов делает большие паузы; Остужев читает быстро, с трудом сдерживая охватившее его волнение при мысли об убийстве Пушкина; Яхонтов — медленно, как бы выражая недоумение по поводу того, как могла произойти трагедия. Все они клеймят позором убийц поэта, предсказывают им грядущее возмездие.

Поразительно отличаются разные логические центры в исполнении артистами одних и тех же строф и строк. В стихе «Пред вами суд и правда — всё молчи!» В. Качалов выделяет слово *всё*, Р. Симонов и В. Яхонтов выделяют слово *молчи*. Качалов считает более важным подчеркнуть, что режим царя Николая заставил молчать всё, даже *суд* и *правду*. В. Яхонтов и Р. Симонов подчеркивают, что в царской России всё задавлено, всё должно *молчать*.

В стихе «Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!» В. Качалов выделяет слово *есть*, а Р. Симонов — слово *божий*, то есть суд народный, суд истории. В отличие от В. Качалова, А. Остужева и И. Андроникова, Р. Симонов и В. Яхонтов придерживаются оригинала стихотворения, а не позднейших, современных редакций в произнесении следующих строк: «Есть грозный судия: он ждет; Он не доступен звону злата, И мысли и дела он знает наперед».

А. Остужев, В. Качалов и И. Андроников это место читают иначе: «Есть грозный суд: он ждет...».

У В. Качалова особо выделяются слова, бичующие палачей поэта: «*Таитесь* вы под сению закона»; «*Свободы, Гения и Славы* палачи!». В завершающей части стиха он выделяет после произнесенного с понижением тона «Тогда напрасно вы прибегнете к злословью...», очень ударно, сильно, угрожающе: «Оно вам *не по-*

может вновь», с подтекстом — «На этот раз вам не уйти от ответа!». В заключительном стихе им вновь выделяется слово *всей*: «И вы не смоете *всей* вашей черной кровью Поэта *праведную* кровь!».

Р. Симонов и И. Андроников в этом заключительном стихе выделяют слово *кровью*, а В. Яхонтов и А. Остужев акцент делают на прилагательное *черной*, противопоставляя ему «поэта *праведную* кровь».

Тайна владения паузой с ее магическим воздействием на слушателя особенно удается В. Яхонтову и Р. Симонову. В заключительной строфе почти после каждого слова они делают выдержки разной длины, усиливая этим впечатление от сказанного.

У И. Андроникова декламационный момент почти отсутствует. Он, скорее, рассуждает, делится мыслями со слушателем. Логически выделяемых центров стиха у него почти нет. Иногда встречаются отступления от первоначального текста: «Но есть и божий суд, наперсники разврата!».

Отступление от текста допускает и В. Яхонтов в самом начале рассматриваемой нами части стихотворения: «А вы, надменные потомки... Вы, рабскою пятой поправшие обломки» вместо — «пятою рабскою поправшие обломки». Делает он это, видимо, для того, чтобы придать стиху большую ясность и логическую стройность. Дело в том, что к одному подлежащему в тексте стихотворения относится очень много распространенных приложений. Введение в текст стиха еще одного местоименного обращения создает выразительное, бичующее, тоекратное повторение: «А *вы*, надменные потомки... *Вы*, рабскою пятой поправшие обломки... *Вы*, жадною толпой стоящие у трона...».

Как видим, трактовка этой части стиха у В. Качалова, А. Остужева, Р. Симонова и В. Яхонтова различна, а это влечет за собою изменение и ритма, и даже темпа чтения стихотворения.

Сказанное нами далеко не исчерпывает манеру чтения того или иного исполнителя: у каждого из них столько оттенков в повышении и понижении голоса, в изменении темпа чтения, что рассказать об этом в короткой статье практически не представляется возможным.

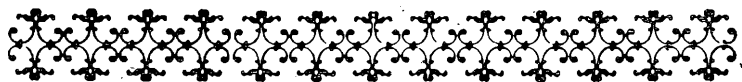
Разумеется, все эти «пути» исполнения стихотворения вполне приемлемы. Избрав один из них, нужно все подчинить поставленной цели: увеличить или уменьшить «скорость» чтения, сократить или увеличить количество пауз, логически ударных слов. Словом, нужно заставить себя прочитать эту часть стиха либо на одном гневном дыхании, как это сделали В. Качалов и А. Остужев, либо в замедленном, скорбном ритме (Р. Симонов), либо тоном грозного приговора (В. Яхонтов).

В одном из своих выступлений перед писателями М. Горький справедливо заметил: «Основным материалом литературы является слово, оформляющее все наши впечатления, чувства, мысли... Всякий материал,— а язык особенно,— требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть — ясного, точного, красочного, звучного».

Задача слушателя и исполнителя состоит в том, чтобы не «растерять» то красочное и звучное, что заложено в языковой форме поэтического произведения как в процессе исполнения, так и в процессе усвоения слушаемого стиха.

Прежде чем научиться хорошо читать стихи, нужно воспитать в себе умение их слушать, глубоко понимать. Нам кажется, что сопоставительный анализ разной манеры исполнения одного и того же стихотворения разными артистами в этом отношении может оказать неоценимую помощь.

Р. Н. ПОПОВ
Череповец

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчиц отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Это знаменитое четверостишие Пушкина «Отрок» характерно как пример умелого, стилистически направленного использования поэтом старославянской и русской лексики. Обычно при анализе этого стихотворения приводятся употребленные Пушкиным русские наименования при описании будничного труда рыбака: *невод*, который помогает *рыбаку* расстилать *мальчиц*; и высокосторжественные, соотносительные по значению славянизмы, которые, как бы в предвидении чудесного изменения судьбы мальчика, считает нужным употребить поэт: *отрок*, *мрежи*. В том же торжественном контексте использован Пушкиным славянизм *уловлять*: «Будешь умы *уловлять*, будешь помощник царям». В прямом, непереносном значении в соответствии с высоким *уловлять*

употреблялся глагол *ловить*: «Слуги, сватья и сестра С криком *ловят* комара» (Сказка о царе Салтане).

Глаголы с суффиксом *-а(ть)* в несовершенном виде типа *уловлять*, *похвалять*, синонимичные простым бесприставочным глаголам несовершенного вида *ловить*, *хвалить*, были уже в конце XVIII века архаическим пластом лексики и использовались преимущественно в текстах со стилистическим оттенком торжественности, высококости: «Се муза днесь сама им лиру *настроляет*» (Майков. Игрок ломбера; ср. *настраивает*); «Глас общий никогда не *похвалял* пророка» (Державин. Эпистола И. И. Шувалову; ср. *хвалил*); «Славны царства *поращаешь*» (Капнист. На смерть Державина; ср. *растить*); «Любви огонь *погушаешь*» (Пнин. Плач над гробом; ср. *тушить*); «*Останавлиет* он грозящи вам удары» (Озеров. Дмитрий Донской; ср. *останавливает*). В том же ряду стоит и глагол *уловлять*, употребленный Пушкиным в стихотворении «Отрок».

Однако в конце XVIII века подобные архаические глаголы с суффиксом *-а(ть)* употреблялись и в прозаических, нейтральных стилистических текстах, что позднее, во времена Пушкина, было уже невозможно: «[Он] для нас *поставлял* обыкновенно ломберный столик» (Болотов. Записки); «В науках самые прекрасные лета *погубляют*» (Васильев. Дневник, 8 марта 1774); «[Им] *похваляется* московское усердие» (Храповицкий. Дневник, 18 июля 1788) и под.

Уже в начале XIX века такие глаголы, как *поставлять*, *похвалять*, *погублять*, совершенно вышли из нейтрального употребления. Тем более интересно отметить подобные глаголы у Пушкина, причем в нейтральном, не торжественном и не поэтическом тексте. Например, глагол *похвалять* употреблен Пушкиным всего один раз («Словарь языка Пушкина») в стилистически нейтральном тексте «Капитанской дочки».

Повествование здесь ведется, как известно, от имени героя повести Гринева: «...Я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их *похвалял*». В этом случае мы видим также стилистический прием в употреблении архаического глагола, но другого рода: вся повесть проникнута духом XVIII века. Соответствует этому духу и язык повести. Архаический глагол *похвалять*, употребленный в речи героя повести — не торжественной, а буднично-повествовательной — соответствует обычному в это время употреблению таких глаголов, и это еще более усиливает историческую достоверность повести.

Кандидат филологических наук

Н. С. АВИЛОВА

Свыше полувека звучал оригинальный поэтический голос Якова Петровича Полонского. Поэт понимал, что настоящий писатель должен быть связан кровными узами с народом.

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.

В альбом К. Ш.

Писатель, по Полонскому, — «нерв великого народа», и он «не может быть не поражен, когда поражена свобода».

Первый сборник стихов Полонского «Гаммы» появился в 1844 году, когда поэт только что окончил Московский университет. С этого времени он не прекращает литературной деятельности. Служа в Одесской таможне, Полонский сближается с Л. С. Пушкиным, поэтом Н. Ф. Щербиной. Переехав вместе с канцелярией наместника М. С. Воронцова на Кавказ в 1846 году, поэт становится редактором газеты «Закавказский вестник», где печатает произведения разных жанров. Кавказские впечатления определили содержание многих поэтических созданий Полонского. Сборник стихов поэта «Сазандар» (грузинское *песец*) появился в 1849 году. В нем живописно и реалистически описываются кавказские будни.

Живые уличные сценки даны в «Прогулке по Тифлису», повседневная жизнь Грузии отображена в стихотворениях «Выборы Уста-Баши», «Татарка», «Горная дорога в Грузии», «Старый са-

«И НАЧНЕТ
РАССКАЗ
СВОЙ
МЕСЯЦ...»

зандар». В динамическом стихе этого сборника Полонский широко использует переносы, приближающие повествование к разговорной речи.

Широкую популярность Полонскому принесли его лирические стихотворения и романсы. Лиризм его стихов оказал воздействие на поэтов последующих поколений, в частности на Александра Блока, который признавался, что ему с детства запомнились строки Полонского:

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен. Мечты кипят,
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

Автобиография Блока

Простота, ясность, эмоциональная выразительность свойственны многим стихотворениям Полонского. В особенности они чувствуются в произведениях, ставших народными песнями — «Затворница» и «Песня цыганки». В первом из них воссоздается поэтический образ девушки, в которую романтически влюблен лирический герой:

Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла.
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.

Простота в этом стихотворении почти фольклорная. Постоянные эпитеты *сила тайная, чудо-девушка, заветный час, птицы вольные*, задушевность интонации повествования покоряют читателя.

«Песня цыганки» — шедевр интимной лирики Полонского. Искренность, простота, задушевность отличают этот романс, написанный в «цыганском» духе.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Развивая лирическую тему, поэт использует разговорные интонации, народную речь:

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя,
На коленях у тебя!

Поэт явно ориентировался на народное творчество, употребляя постоянные эпитеты *милый мой, друг милый, кибитка кочевая*.

Спокойный тон в описании любви девушки-цыганки создает особый эмоциональный колорит.

Полонский расширял возможности романса, сближая его с жанром философской думы.

Некоторые стихотворения Полонского, отличающиеся простотой и эмоциональной насыщенностью, образностью языка, стали хрестоматийными. Наибольшей известностью пользовалось стихотворение «Солнце и Месяц»:

И начнет рассказ свой месяц,
Кто и как себя ведет,
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдет.

Если ж нет, взойдет в тумане,
Ветер дунет, дождь пойдет,
В сад гулять не выйдет няня
И дитя не поведет.

Сам Полонский писал: «Из числа моих стихотворений наибольший успех выпал на долю моей фантазии „Солнце и Месяц“, приуроченной к детскому возрасту. Его заучивали наизусть, в особенности дети» (Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива», 1898, № 12).

В 1860—1870-е годы усилилась гражданская направленность произведений поэта. В это время он сближается с сотрудниками демократических журналов «Современник», «Русское слово». Несколько позднее Полонский устанавливает связь и с журналом «Отечественные записки». И хотя в идейных позициях Полонского нет четкости и определенности, хотя он и не поднимается до протеста, обличение царящего зла приобретает особое звучание. В стихотворении «И. С. Аксакову», созданном еще в пятидесятых годах, он писал:

На смелый голос твой откликнуться желая,
Каким стихом откликнусь я?

Общественного зла ты корень изучая,
Стоял над ним с ножом, как врач;
Я выжал сок его, пил — душу отравляя
И заглушая сердца плач.

Полонский хотел идти дорогой поэта-гражданина. Он все чаще обращался к темам современности. Так, на крестьянскую реформу 19 февраля 1861 года Полонский откликнулся стихотворениями «Признаться сказать, я забыл, господа...», «Беглый».

В стихотворении «Беглый» поэт рассказывает о судьбе крестьянина, который сбежал от помещика и нашел приют в разбойничьей шайке:

Как мне волю-то объявят господа,
Я с воды хмелен не буду никогда;
Как мне землю-то отмерят на миру —
Я в кармане-то зашью себе дыру.
Буду в праздники царев указ читать...

Цепи, опутавшие мужика, о которых так метко писал Некрасов, остались для крестьян и после реформы, и «беглый» увидел призрачность обещанных царем свобод:

Ты куда, удалая ты башка?
Уходи ты к лесу темному пока.
Хоть родное-то гнездо недалеко, —
Ночь-то месячна: признать тебя легко.
Знать, тебе в дому хозяйном не быть,
По дорогам, значит, велено ловить.

Остро реагируя на нищенскую, голодную жизнь мужика, поэт пишет стихотворение «В степи», где рисует образ труженика-крестьянина:

В этом приволье...
Шел босоногий мужик, клячу свою понукая;
Вытянув шею — кляча тянула соху.

Дактилический размер вызывает ассоциации с некрасовскими стихотворениями. Образ крестьянина поэт создавал с симпатией, с болью душевной говорил о тяжелой деревенской жизни, о нравственной чистоте селян. *Крестьянский двор*, соломой крытый, *скирды*, *лачуги* или *серое поле*, когда «дорога далека», звучит тоскливая ямщицкая песня, — вот характерные для Полонского мотивы.

Своеобразие крестьянской речи Полонский сохранил в стихотворении «Старой няне», рассказывая о судьбе своей няньки Матрены:

Ты девчонкой крепостной
По дороге столбовой
К нам с обозом дотащилась,
Долго плакала, дичилась.
.....
Славной няней ты была,
Скоро в роль свою вошла:
Теребила меня за ворот,
И гулять водила за город...

Одним из лучших стихотворений Полонского является «Узница». В нем слышится непосредственный отклик поэта на дело Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 года.

Написанное как бы на одном дыхании, оно изобилует риторическими восклицаниями:

Что мне она! — не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!

Героиня-узница и тюремная обстановка обрисованы поэтом впечатляюще:

С койки глядят лихорадочно-злойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...

Официальная печать всеми силами старалась оболгать революционеров. Вопреки утверждениям благонамеренных писак, Полонский открыто выразил свои симпатии революционерке.

Высокой художественностью отличаются такие лирические миниатюры Полонского, как «Качка в бурю», «Саят-Нова», «Поцелуй», «На железной дороге», «В телеге жизни», «Вызов», «Холодная любовь».

Правдивость чувств привлекает в стихотворении «Поцелуй»:

Я целую тебя и за ту, перед кем
Я таил мои страсти, был робок и нем,
И за ту, что меня обожгла без огня
И смеялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мне была бы питом...

Сила чувства подчеркивается поэтом синтаксической фигурой *я недаром.., я целую.., я таил...*

Полонский умел поэтизировать любовь. В его стихах женщина — друг и помощник лирического героя, она близка ему по мыслям и стремлениям. Любовь объединяет людей, вдохновляет их на подвиг, самопожертвование. Это высокое чувство воспето поэтом в стихотворениях «Н. А. Грибоедова», «Когда заботами иль злобой дня волнуем» и других. В первом из них раскрыт богатый духовный мир Нины Чавчавадзе, полюбившей Грибоедова. Полонский удачно избрал форму — лирический монолог героини:

...Его горячая душа,
Его могучий ум
Влачили всюду за собой
Груз неотвязных дум.
Напрасно север ледяной
Рукоплескал ему,
Он там оставил за собой
Бездушную зиму...

Грибоедов в Персии. Бесконечное ожидание встречи с ним, и вдруг роковая весть о его гибели.

На кровлях плакали, когда
Без чувств упала я...
О, для чего пережила
Его любовь моя!

Полонский чуть видоизменил надпись Нины на могиле Грибоедова. На боковой стороне памятника поэту на горе Мтацминда в Тбилиси высечено: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя? Незабвенному его Нина». Нина Александровна Грибоедова знала, как много сделал ее муж для сближения России и Грузии. В стихотворении Полонский изложил основные факты из жизни Н. А. Грибоедовой и великого драматурга, нарисовав их обаятельные образы.

Полонский писал и поэмы. Однако в них он не поднялся до тех высот, которых он достиг в лирике. Лучшая из поэм — «Кузнечик-музыкант» (1859). В ней Полонский рассказывает о своих взаимоотношениях с петербургским обществом, пустоту и праздность которого поэт ненавидит.

Отрицательное отношение к высшему свету Полонский выразил и в таких поэмах, как «Мими», «Свежее преданье», насыщенных автобиографическим материалом.

Полонский завоевал популярность у своих современников чистотой и строгостью языка. Некоторые его стихи народны по своей сути. В них он часто употребляет постпозитивную частицу *то*, выражения в народном духе (возмо-то объявят). Это придает сказовую манеру стиху, передает особую тональность народного говора.

Почти фольклорная простота — отличительная особенность многих стихотворений Полонского. Постоянные эпитеты (сила тайная, чудо-девушка, заветный час), задушевность интонации повествования способствовали широкому распространению некоторых стихотворений в народе. Простота у поэта поэтическая. Сам Полонский писал об этом: «...Простота и прозаичность — две вещи разные, и что нужно особенное поэтическое чутье, чтоб писать как можно проще, не впадая при этом в прозаичность, над которой так трунил Пушкин, прочитавши рассказ Жуковского, написанный белыми стихами» (Письма Я. П. Полонского к А. В. Жиркевичу. — «Русская литература», 1970, № 2). Полонский своим творчеством утверждал, что богатства русского языка освоены далеко не полностью.

Простыми, задушевными словами Полонский говорил о родине, о родной природе. И этим поэт близок современному читателю.

Профессор А. ЗАХАРКИН

НЕСЛУЧАЙНЫЕ СЛОВА И ДЕТАЛИ В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ»

Всю жизнь Достоевский жаловался на то, что он вечно работает в страшной спешке, подгоняемый долгами и кредиторами, сетовал, что из-за этого не может создать истинно художественного произведения. Скромность и невинность гения! Достоевский не понимал, что он уже создал художественные шедевры, не понимал, что, если бы ему дали возможность работать без спешки, он все равно бы спешил, ибо в этом и состоял его метод, ритм и стиль работы.

Однако как бы лихорадочно ни спешил Достоевский, в его произведениях нет ничего случайного: ни одной детали, ни одного слова, ни одной запятой. Раскрывая тайны человеческого духа, Достоевский создал особое искусство — редчайшее искусство мысли.

Любая мысль у писателя, добрая или злая, по собственному его же выражению, «наклеивается, как из яйца цыпленок». Художник слова, он обладает единственно верным искусством мысли, и потому все его творения одухотворены, в них нет ничего случайного. Покажем это на примере «Преступления и наказания».

Часто приходится слышать: Раскольников зарубил старуху топором. Так ли у Достоевского? Вспомним текст: «Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом» (цитируется по изданию: Ф.-М. Достоевский. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1957). В течение всей сцены убийства лезвие топора было обращено к Раскольникову и угрожающе глядело ему в лицо, как бы приглашая стать на место жертвы. Не топор во власти Раскольникова, а Раскольников стал орудием топора.

Совершенно иначе обстояло дело в незапланированном убийстве доброй и кроткой по природе Лизаветы, ради которой и поднят был топор: «Удар пришелся прямо по черепу, острием». То-

пор жестоко отомстил Раскольникову. Это бессилие совладать с орудием убийства явилось началом крушения Раскольникова.

Легко заметить, что такие предметы, как топор Раскольникова, нож Рогожина и нож Федьки Каторжного, драдедамовая шаль Мармеладовых, пряничный петушок, которого нес пьяненький Мармеладов своим детям, когда был раздавлен лошадьми,— у Достоевского одухотворяются, загораясь внутренним светом. «Вообразите, Родион Романович, в кармане у него пряничного петушка нашли: мертво-пьяный идет, а про детей помнит».

Излюбленными словами Достоевского являются *странно*, *странность*: «И во всем этом деле он всегда склонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений»; «Когда Раскольников вдруг увидел ее (Лизавету), какое-то странное ощущение, похожее на глубочайшее изумление, охватило его»; «Не рассудок, так бес!» — подумал он, странно усмехаясь. Этот случай ободрил его чрезвычайно»; «А Раскольников вздрогнул. Как это было странно!». Однако ничего «странного» в этом слове у Достоевского нет: это слово у Достоевского выражает лишь странное, непонятное нашему земному разуму, но понятное вполне его духовно-му зрению.

Выше уже говорилось о том, что у Достоевского нет ничего случайного. Все им продумано и в подборе имен и фамилий героев. Имена, отчества и фамилии у Достоевского всегда определяют не характер, а личность того или иного персонажа. Вот почему они всегда полны глубочайшего смысла. У Достоевского нет второстепенных героев: каждый персонаж являет собою единственную, неповторимую личность. Хозяйская прислуга Настасья неслучайно носит это имя: Анастасия означает воскрешение. И это очень важно. Настасья — символ матери-земли. И хотя Раскольников надругается над породившей (имя Родион) его матерью-землей, она в лице Настасьи по-прежнему заботится о нем, верит в его воскрешение. В этой заботе и в этой вере — залог возрождения Раскольникова.

На следующий день после преступления Раскольников вдруг очнулся от страшного крика (впрочем, очнулся ли? Персонажи Достоевского часто находятся между сном и явью): ему показалось, что помощник полицейского пристава Илья Петрович «здесь и бьет хозяйку!». Какая ирония судьбы, какая карикатура, пародия на будущего Наполеона, когда в бреду грозный, как пророк, и твердый, как апостол (имена громовержца Ильи и апостола Петра, означающее камень), а наяву иошлый и глухой Илья Петрович точь-в-точь почти повторяет преступление Раскольникова. Это уже настоящее крушение величия героя!

В идейном плане важно и другое обстоятельство: футляр с серьгами подобрал именно красильщик Миколка, носящий имя святого угодника. Достоевский был величайшим диалектиком, и поэтому антиподом чистого и невинного сердцем Миколки-красильщика является пьяный деревенский парень Миколка, на смерть забивающий лошадь. Между этими двумя Миколками и мечется Раскольников, связанный с обоими неразрывно: с одним — круговой порукой греха (оба убийцы), с другим — надеждой на воскрешение.

Некоторые, возможно, скажут, что по сравнению с языком Тургенева или Л. Толстого язык Достоевского проигрывает в живописи, в изобразительных средствах. Надо иметь в виду, что у Достоевского своя манера изображения. Он незаметными на первый взгляд ускорениями и замедлениями, повышениями и понижениями речи, ритмом, паузами помогает нам ощутить невидимое, подспудное движение жизни, свою духовность. Вспомним редкие по выразительности слова *сюда*, *оñ*, выделенные самим писателем, когда Раскольников чувствует, что кто-то поднимается в квартиру старухи: «Это непременно *сюда*, в четвертый этаж, к старухе... Вот уже *он* прошел первый этаж, вот поднялся еще; все слышней и слышней! Послышалась тяжелая одышка входившего. Вот уж и третий начался...».

Малозаметные для глаза, но очень важные детали приобретают у Достоевского особый смысл. За полтора месяца до «пробы» Раскольников решил отправиться к старухе, чтобы заложить «маленькое золотое колечко с тремя какими-то красными камешками, подаренное ему при прощании сестрой на память». Неслучайно камешки красные. Их цвет — предвестие неизбежного пролития крови. А вот другие детали. При описании хозяина распивочной, где Раскольников встречается с Мармеладовым, автор сначала обращает наше внимание на *красные* отвороты на сапогах, а затем уже и на их владельца. Хозяин распивочной в течение всего времени настойчиво возвращает мысли Раскольникова к преступлению. Понимая состояние отца, Соня вынесла ему на похмелье свои последние тридцать копеек. И Мармеладов не мог в эту минуту не почувствовать себя Иудой.

Раскольникова вызывают в полицейскую контору. Между посетителями он видит двух дам: «Одна в трауре, бедно одетая, сидела за столом против письмоводителя и что-то писала под его диктовку. Другая же дама, очень полная и багрово-красная с пятнами, видная женщина, и что-то уж очень пышно одетая, с брошкой на груди величиной в чайное блюдечко, стояла в сторонке и чего-то ждала». Неслучайно Достоевский выделил из всей толпы этих двух дам: обе они органически вырастают из преступления

Раскольников. Дама в трауре — частица несчастной совести тяжело согрешившего Раскольникова; пышно одетая дама, багрово-красная (опять неслучайно «красная») содержательница публичного дома, попирающая землю и не испытывающая при этом никакого угрызения совести, — следствие преступной теории Раскольникова. И опять совесть Раскольникова мечется между двумя дамами, как раньше между Миколками.

Раскольников вернулся домой уже к вечеру. «Где и как шел обратно, ничего он этого не помнил. Раздевшись и весь дрожа, как загнанная лошадь, он лег на диван, натянул на себя шинель и тотчас же забылся...». Поразительно глубоко сравнение Раскольникова с загнанной лошастью. Не об этом ли говорит вещей сон Раскольникова? Не вняв предупреждению, Раскольников замучил свою совесть, превратившись сам в загнанную лошадь. Был одиннадцатый час, когда Раскольников вышел от Мармеладовых на улицу. Заметим — одиннадцатый. Перед тем, как Раскольников вошел к Соне, часы за стеною у Капернауова только что пробили одиннадцать. Опять одиннадцать... Достоевский хорошо помнил известную евангельскую притчу о хозяине дома, нанимавшем работников в свой виноградник. Раскольников-убийца дважды получил напоминание о том, что и теперь еще не поздно покаяться. Третий раз упоминается этот евангельский час, когда «ровно в одиннадцать часов Раскольников вошел в дом И части, в отделение пристава следственных дел, и попросил доложить о себе Порфирию Петровичу». Но Раскольников не внял голосу совести.

Достоевский называет мещанина, призвавшего в Раскольникова убийцу, «человеком из-под земли» и несколько раз сравнивает его с бабой, как бы подчеркивая, что он представитель той самой матери-земли, которую осквернил Раскольников.

«Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги». Еще не все потеряно для Раскольникова, еще не все погасло в его душе, еще теплится в ней тусклое пламя огарка.

Как опытный проводник, знающий единственную и верную дорогу, ведет нас Достоевский через лабиринт совести. И надо быть предельно внимательным и духовно зрячим при чтении его романов, чтобы найти выход, чтобы увидеть в конце ту свечу, которую держит Достоевский.

С. В. БЕЛОВ
Ленинград

АВТОР В ДИАЛОГЕ СВОИХ ГЕРОЕВ

О тношение Н. Г. Чернышевского к действительности в романе «Что делать?» заключается в отказе от фактов, составляющих ее содержание. Только две первые главы отражают реальные картины жизни 60-х годов XIX столетия.

Обращаясь к описанию «новых людей», автор подчеркивает это подзаголовком «Из рассказов о новых людях» и в предисловии пишет: «...Вы еще не публика, а уже вы есть между публикою,— потому мне еще нужно и уже можно писать» (цитируется по изданию: Н. Г. Чернышевский. Собрание сочинений. М., 1939—1950).

Чернышевский предчувствует, предвидит то новое, которое только зарождалось и которому принадлежало будущее.

Эта особенность авторского отношения к действительности и определила тот «избыток авторского зрения», который присутствует в романе и придает ему оттенок острой публицистичности.

Широко распространено мнение, что зло многолико, а потому интересно, добро же плоско, однолинейно. Чернышевский выбрал изображение добра. Поэтому, видимо, при оценке его романа встречается утверждение, что язык первых двух глав, отражающих реально существующую действительность, ярок, образен. Основная же, положительная часть «Что делать?» — действительность, рожденная ясновидящей фантазией автора, как будто грешит схематизмом, дидактична, герои ее говорят одинаковым языком.

Вспомним слова А. В. Луначарского: «Когда Чернышевский выводит людей обывательского типа, они у него очень сочны, но он предпочитает выводить людей умных... Может быть... чтобы избежать рационализма, нужно изгнать из романа умных людей или показывать умного человека не тогда, когда он спорит и развертывает свои идеи, а тогда, когда он сидит на скамеечке под жасмином при луне и объясняется в любви?.. Чернышевскому важнее

всего было то, как его герои мыслят...» (А. В. Луначарский. Русская литература. М.—Л., 1947).

Чернышевский не стремится к категоричности в лексической характеристике героев. Напротив, он размыкает их языковые контуры, разделяя до конца только старый и новый мир людей и в цельной композиции произведения, и в языковом отношении. По-настоящему свободно в романе говорит только автор. И здесь Чернышевский использует всю палитру современного ему литературного языка, всю систему выразительных приемов построения речи.

Особенности речи автора по-разному отражаются в языке основных героев романа. Свойственное Лопухову смешение литературной речи и просторечных элементов столь же характерно и для автора (например, беседы с проницательным читателем). Эмоциональность речевого портрета Веры Павловны совпадает с экспрессией авторских публицистических отступлений. Заключение четвертого сна Веры Павловны, произнесенное, по-видимому, уже самим Чернышевским, но без указания лица, позволяет предположить слияние их речевых стихий. Литературность, книжность речи Кирсанова и лаконизм Рахметова также соотносятся с речью самого автора.

Таким образом, речевая характеристика персонажей в общем плане создает картину, тождественную авторскому повествованию.

Проникновение в роман просторечной лексики характеризует не столько речь «определенного характера, возникающую в соответствующих условиях в любом социальном слое» (Б. В. Томашевский. Стилистика и стихосложение. Л., 1959), сколько конкретный социальный слой. Речь главных персонажей Чернышевский сближает с литературным языком своего времени.

Избыток авторского зрения, «привязывающий» речь действующих лиц к речи автора, заставляет отказаться от поисков в их речевых характеристиках социальных примет: из индивидуальных признаков можно опираться только на субъективно-экспрессивные выражения. Пристрастие Чернышевского к модальному слову *надобно* не закрепляет его ни за автором, ни за персонажами романа. Оно свойственно им в одинаковой мере. Однако Чернышевский в речь Рахметова вводит *нужно*: «Это не так „нужно“, а те земли посмотреть „нужно“... через год во всяком случае ему „нужно“ быть уже в Северо-Американских штатах, изучить которые более „нужно“ ему, чем какую-нибудь другую землю...». И особо подчеркивает: «Все это очень похоже на Рахметова, даже эти „нужно“, запавшие в памяти рассказчика».

Особенности характеристик героев Чернышевского связаны с его индивидуальными стилистическими устремлениями и языковыми вкусами. Объективизируя роль автора, Чернышевский ха-

рактирует персонажей в процессе их размышлений над своими поступками, действиями, ситуациями. Положительные герои романа — товарищи, люди одного дела. Говорят они всегда только по существу, отчасти книжно и сдержанно. Особенно молчаливым автор заставляет быть Рахметова. Говорит он редко, предельно лаконично: «Что это такое, помилуйте, Рахметов,— с ужасом проговорил Кирсанов.— Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако ж на всякий случай нужно. Вижу, могу».

В диалогических построениях Чернышевский почти не прибегает к такому обычному стилистическому приему, как сознательное конструктивное пересечение различных языковых сфер. Напротив, он сближает их, заставляя своих героев как бы «применяться» к ведущему в диалоге. Поддерживая разговор, инициатива в котором принадлежит Марье Алексеевне, Лопухов сознательно употребляет просторечную лексику, в частности союз *коли*, характерный для синтаксиса народно-диалектной речи, совершенно отсутствующий в языке Чернышевского: «...Коли лишние деньги есть, то даже советую попробовать...».

— Кутнем нынче, Марья Алексевна... Почему не кутнуть, Марья Алексевна? Дело с невестой на лад идет. Тогда не так заживем,— весело заживем,— правда, Марья Алексевна?

— Правда, батюшка Дмитрий Сергееч! То-то, я смотрю, что то уж вы деньгами-то больно сорите... Видно, от невесты задаточек получили!

— Задаточка не получил, Марья Алексевна... Что задаточек? Тут не в задаточке дело... Ведь мы с вами, Марья Алексевна, старые воробьи, нас на мякине не проведешь. Мне хоть лет немного, а я тоже старый воробей, тертый калач, так ли, Марья Алексевна?

— Так, батюшка, тертый калач, тертый калач!».

Диалог, характерный для двух первых глав романа, сопровождается часто внутренними репликами персонажей, которые можно сопоставить с репликами «в сторону» в драме:

— Я, батюшка, Дмитрий Сергееч, признаться вам сказать, мало знаю толку в вине, почти что и не пью: не женское дело. „Оно и по роже с первого взгляда было видно, что не пьешь“.

— Конечно, так, Марья Алексевна, но мараскин пьют даже девицы...

— Если вы говорите, что пиво, позвольте,— пива почему не выпить!

(„Экая щельма какой! Сам-то не пьет!.. Хоть бы приложился, каналья!“).

Реплики «в сторону», пожалуй, более, чем реплики, обращенные к собеседнику, составляют лексический портрет говорящего. Просторечие Марьи Алексеевны и Лопухова усиливается в них

до привлечения вульгаризмов и бранной лексики. Чернышевский подчеркивает такие реплики и пунктуационно, кавычками или скобками.

Для первых двух глав романа характерен обычный бытовой диалог героев, дающий тонкие самохарактеристики. В нем короткие авторские ремарки, часто только подводящие к разговору, не играют значительной роли: автор сознательно устранился даже от косвенного в нем участия. Персонажи характеризуют себя сами. Если же автор вмешивается в беседу, то его ремарки носят оценочный, экспрессивно окрашенный характер, имеющий иногда оттенок несобственно-прямой речи: «Сторешников был в восторге: как же? — он едва цеплялся за хвост Жана, Жан едва цеплялся за хвост Сержа, Жюли — одна из первых французенок между французенками общества Сержа, — честь, великая честь!».

Один из самых ярких речевых портретов первой части романа — портрет Жюли. Ее речь — обилие восклицательных фраз, повышенная эмоциональность, экспрессивность. Вопросительные конструкции в речи Жюли равны восклицанию: «Гнусные люди! гадкие люди!.. Боже мой, с кем я принуждена жить в обществе! За что такой позор мне, о боже?.. И ты молчишь? допускаешь? соглашаешься? участвуешь?.. Брак? ярмо? предрассудок? Никогда!..». «Бешеная французенка», по словам Жана, «умнейшая, благороднейшая женщина», в оценке Сторешникова, Жюли предстает и перед читателем в противоречии ума и сердца, отраженного в ее речи. От уже приведенных восклицаний-вопросов она переходит к спокойной, официальной речи. Здесь уже нет ни бурной экспрессии, ни эмоциональности. Автор подчеркивает: «И тем же длинным, длинным манером официального изложения она сказала...». Ее речь убедительна, логична, настойчива. Она сама об этом говорит: «Каждое мое слово взвешено, каждое основано на наблюдении». В диалоге с Верой Павловной это противоречие отражается еще полнее. От пламенного «Умри, но не давай поцелуя без любви!» она обращается к сухому афоризму «Жизнь — проза и расчет». В заключении диалога речь Жюли сближается с авторской приемами синтаксического параллелизма и контрастом отрицания-утверждения: «Не тем я развращена, за что называют женщину погибшей, не тем, что было со мною, что я терпела, от чего страдала, не тем я развращена, что тело мое было предано поруганию, а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других, угождая, делаю то, чего не хочу — вот это разврат!..». В конце звучат уже прямые авторские интонации: «Где праздность, там гнусность, где роскошь, там гнусность! — Беги, беги!».

Значительную же часть повествования в романе составляет диалог другого типа — диалог согласных между собою людей, близких друг другу по социальной принадлежности и идейной позиции. Именно поэтому он строится на логическом продолжении реплик одного персонажа, часто только формально чередующихся с вопросами второго собеседника. В некоторых случаях характерно применение стилистического приема лексического повтора. Повтор реплики вторым из собеседников, кроме положительной или отрицательной реакции, несет и дополнительную нагрузку — разъяснения, логического выделения нужного слова, зависящего от интонации вопроса и ответа, что подчеркивается и порядком повторяющихся слов:

— «Надобно так смотреть на жизнь? — с этих слов начала слышать Марья Алексеевна.

— Да, Вера Павловна, так надобно.

— Стало быть правду говорят холодные практические люди, что человеком управляет только расчет выгоды?

— Они говорят правду...».

Повтор в диалоге или «открывает перспективу для продолжения, расширения высказывания» (Е. А. Иванчикова. — «Мысли о современном русском языке». М., 1969) (вторая пара реплик), или исполняет роль логического заключения (первая пара реплик). Отсутствие авторских ремарок преследует определенные стилистические цели: акцентно выделить одного из собеседников — Лопухова.

Реплика-возражение оформляется противительными союзами, отрицательной частицей *нет* и служит в то же время положительным сигналом для дальнейшего развития темы; переключения в иную содержательную плоскость не происходит:

— «...Но ведь эта теория холодна.

— Теория должна быть сама по себе холодна. Ум должен судить о вещах холодно.

— Но она беспощадна.

— К фантазиям, которые пусты и вредны.

— Но она прозаична.

— Для науки не годится стихотворная форма.

— Итак, эта теория, которой я не могу не допустить, обрекает людей на жизнь холодную, безжалостную, прозаическую?

— Нет, Вера Павловна: эта теория холодна, но учит человека добывать тепло...».

Интересны не только структуры диалога, монолога и повествовательной ткани как формы выражения индивидуального стиля писателя, но и способы переключения с одной структуры на дру-

гую, принципы соотношения авторского повествования с речью персонажей.

В романе Чернышевского переход от авторского повествования к диалогу и монологу героев осуществляется без психологического подтекста и часто открывается простой вводной фразой: «Услышала она следующее...»; «Лопухов лежал на подушках и говорил...». Но и это не общее правило. Диалог чаще остается вообще без введения, его связь с предыдущим повествованием осуществляется внутренне, он логически вытекает из авторских размышлений, подтверждает их.

Диалог в романе — всего только внешний каркас монолога, где один из участников только реплицирует, второй же, отвечая на его реплики, затрагивает вопросы, интересующие автора. Исключив лексический повтор и противительные союзы в приведенном выше примере диалога, можно получить монологическое высказывание: «Теория холодна: ум должен судить о вещах холодно. Она беспощадна к фантазиям, которые пусты и вредны. Она прозаична: для науки не годится стихотворная форма».

Широко используя способы композиции форм повествования с диалогической и монологической речью персонажей, Чернышевский затушевывает границу между диалогом и монологом. Автор предоставляет возможность обоим собеседникам в равной мере высказывать свои мысли. В целом диалог согласных между собой людей представляет скорее единый рассказ или рассуждение на заданную тему, которые поочередно ведут два человека.

Встречается тип диалога, несущего функцию подступа к монологу, где реплики одного персонажа играют роль условного фактора, авторские же ремарки или вовсе отсутствуют, или носят служебный характер:

«— Саша, договорим же то, о чем не договорили вчера. Это надобно, потому что я собираюсь ехать с тобою: надобно же тебе знать зачем,— говорила Вера Павловна поутру.

— Со мною? Ты едешь со мною?

— Конечно. Ты спрашивал меня, Саша, зачем мне нужно дело, от которого серьезно зависела бы моя жизнь, которым бы я так же дорожила, как ты своим...».

Далее следует монолог Веры Павловны.

Особое место в романе занимает «обобщенный» диалог, в котором реплики, не прикрепленные к определенному персонажу, характеризуют сразу обоих собеседников. Интегрированная форма диалога, его сокращенный характер позволяют наиболее ярко проявиться автору произведения, потому что именно он выделяет из диалога героев главные мысли: «Кто не испытывал, как возбуждает любовь все силы человека, тот не знает настоящей любви»;

«Любовь в том, чтобы помогать возвышению и возвышаться»; «У кого без нее не было бы средств к деятельности, тому она дает их. У кого они есть, тому она дает силы пользоваться ими».

Что это именно диалог, а не авторское повествование, состоящее из афористических высказываний, подчеркивается фразой: «Эти разговоры чаще и длиннее»; «Такие разговоры не длинные и не часты, но все у них бывают такие разговоры». Диалог отличается и по внешнему, пунктуационному оформлению: каждая его реплика взята в кавычки и не имеет традиционного для диалога тире.

Обобщенный диалог еще раз подтверждает своеобразие диалога в романе Чернышевского, стремящегося к монологу и даже переключающемуся на авторское повествование, которое, осложняясь возникновением из диалога, часто заканчивается монологическим высказыванием самого автора с диалогическими включениями, содержащими авторскую оценку:

«— Хорошая девушка?»

— Хорошая.

— Ну, это хорошо. Ищи.— Тем разговор и кончился.

Эх, господа Кирсанов и Лопухов, ученые вы люди, а не догадались, что особенно-то хорошо! Положим и то хорошо, о чем вы говорили. Кирсанов и не подумал спросить, хороша ли собою девушка, Лопухов и не подумал упомянуть об этом. Кирсанов и не подумал сказать: „да ты, брат, не влюбился ли, что больно усердно хлопочешь“, Лопухов и не подумал сказать: „а я, брат, очень ею заинтересовался“... Им, видите ли, обоим думалось, что когда дело идет об избавлении человека от дурного положения, то нимало не относится к делу, красиво ли лицо у этого человека...».

Авторские ремарки в диалогах романа практически отсутствуют. Если в первых главах их отсутствие объясняется полной лексической характеристикой говорящих, данной в репликах, то в диалогах положительной части романа авторская ремарка часто выступает только в роли «возвещающей». Это объясняется совпадением идейных позиций и интересов автора и его героев.

Сближение и слияние речевых стихий персонажей романа «Что делать?» оправдывается композиционным строением произведения и формой участия автора в диалогах своих героев.

Н. Г. БЛАНДОВА

«УЗЛОВАЯ ЗАВЯЗЬ ПРИРОДЫ»

В поэзии Сергея Есенина слились воедино лиризм и живопись словом, как он сам говорил, «лирическое чувствование и... образность». Именно в последней и проявилось впервые самобытное дарование поэта.

Духовный мир раннего Есенина сложился в условиях русской патриархальной деревни, что наложило отпечаток на его восприятие жизни и на творчество. Отсюда любовь ко всему деревенскому — природе, быту, фольклору — и двойственность мироощущения, в котором переплелись непосредственные наблюдения и религиозные представления: «Поля, как святцы, рощи в венчиках иконных»; «Тепля свечку вечерней звезды» (Русь) (цитируется по изданию: Сергей Есенин. Собрание сочинений. М., 1961—1962). Материал для образов поэт черпал из мира природы и крестьянского быта.

Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом
Расстелил кудрявый бредень.
«Даль подернулась туманом...»

(Кукан — островок, появляющийся во время спада воды в реке).

Есенинской поэзии 1910—1916 годов свойствен антропоморфизм — «очеловечивание» животных, растений и стихийных сил природы или, по определению самого поэта, «ответный перезвон узловой завязи природы с сущностью человека» (Ключи Марии): «пригорюнились девушки-ели», «белые кудри дня», корова «думает грустную думу о белоногом телке». Есенин не только одушевлял природу, но и «обычовлял» ее, превращая вселенную в огромное крестьянское хозяйство, в котором «небо выводит облако из стойла», а «рожок луны по капле масло льет».

Олицетворение, психологический параллелизм, уподобление явлений природы животным и вещам широко распространены в фольклоре — сказках, песнях, загадках. Ассоциативные связи, лежащие в основе многих есенинских тропов, восходят к народной мифологии: солнце — соха, месяц — ягненок, жеребенок; звезды — лампадки небес, «в пряже солнечных дней время выткало нить». Но картины и образы поэта не копируют древние мифологические представления: своим вдохновением он преображал старинные поверья и создавал на их основе яркие, развернутые описания. Так, месяц-конь у Есенина превратился в унылого всадника, уронившего поводья, а образы златокудрого солнца и спутанных облачных волос переродились в картину лунной ночи: «чесет тучи лунный гребень».

Даже традиционные фольклорные мотивы и приемы не выглядят у Есенина чужими, заимствованными. Они обновлены, а порой изменены до неузнаваемости. В песенный параллелизм поэт вводил новые символы, усложняя его метафорой: «То не зори в струях озера свой выткали узор, Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор», менял местами его члены: «У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру, Месяц в облачном тумане водит с тучами игру». Наконец, «взрывал» сам принцип сопоставления: «Плачет иволга, а мне не плачется» (в народной песне — не иволга плачет, а я). Более того, к есенинским аналогиям в основном неприложим термин «психологический параллелизм», так как формула мирозерцания Есенина — человек — часть природы — не выделяет его из мира природы.

Фольклорные приемы и образы не являются у Есенина принадлежностью одних песенных подражаний: переосмысленные и преображенные, они входят в художественный мир поэта, становясь элементами его поэтической системы (Синее небо, цветная дуга; На лазоревые ткани; Не бродить, не мять в кустах багряных).

Своеобразие есенинских тропов заключается не только в их материале и окраске, но и в их структуре. Главное место занимают сопоставления двух предметов по общему признаку — «се-

дины пасмурного дня» (сравните с блоковскими образами действия и состояния, созданными путем метафоризации глаголов: «День догорел в душе давно»). В роли определяемого выступает явление природы, а в качестве определения — вещи, животные, люди: «плат небес», «ивы-монашки», «ягненок кудрявый — месяц». Метафоры действия и состояния встречаются у раннего Есенина сравнительно редко: «умирает тучка», «звонят колосья». Обычно они конкретизируются метафорическими дополнениями: «слушают ракеты посвист ветряной», «кроют зори райский терем». Так возникает двойная метафора, по позднейшей терминологии поэта, «корабельный образ», «образ двойного зрения» (Ключи Марии). Проследим, как он зарождался в есенинском творчестве.

Простые метафоры признака и действия («задымился вечер», «улыбка солнца»), объединяясь, создавали новый образ: «шалами тучек луна закрывается», «лижут сумерки золото солнца». И последний этап — первое слагаемое в этом единстве обрастает эпитетами, сравнениями, метафорами: «и заря, лениво обходя кругом, посыпает ветки новым серебром»; «как метель, черемуха машет рукавом»; «солнца струганые дранки загораживают синь». Вот типичный для Есенина «образ двойственного положения» в его окончательном виде: две «предметные» метафоры, соединенные своеобразным мостом — метафорическим глаголом, образуют нерасчлененное целое, в котором трудно выделить отдельные составные части — «вяжут кружево над рощей в желтой пене облака», «горит в парче лиловой облаками крытый лес». Есенинский «корабельный» образ отличается от обычной развернутой метафоры, состоящей из деталей, которые, следуя друг за другом и дополняя одна другую, воссоздают подробную, обстоятельную картину.

Первые многоступенчатые образы появляются в поэзии Есенина в 1910—1912 годах, но это были еще пока случайные счастливые находки. Затем они становятся осознанным принципом создания образов на всем протяжении творческого пути поэта.

В ранних есенинских стихах тропы живут самостоятельной жизнью, существуя независимо друг от друга, не складываясь в целостную картину. Образ-орнамент статичен и выступает как средство изображения, а не выражения авторских чувств и настроений. И сами стихи похожи на мозаику из разноцветных кусочков, не связанных общим планом. Метафоры теснятся, поражая своей новизной и оригинальностью.

Серым веретем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпье камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

«Черная, потом пропахшая вить!»

Но уже в 1915—1916 годах поэт стремится подчинить образность лирическим переживаниям, общему настрою стихотворения. Образы, почти не несущие в себе эмоциональной окраски, начинают передавать настроения. В образную орбиту вовлекается мир человеческих чувств и абстрактных понятий: «ловит память тонким клювом первый снег и первоуток»; «легким взмахом белого перста тайны лет я разрезаю воду». Поэт проявляет интерес к символике как средству условного обозначения предметов и явлений и превращает некоторые цветковые эпитеты в постоянные символы: «малиновое поле», «розовое небо», «голубая струя судьбы».

Лирическая стихия, «захлестнувшая» поэзию Есенина предреволюционных лет, перестроила не только образность, но и всю структуру стихов, коснувшись языка и стиля, ритма и звукописи.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим стихотворение «За темной прядью перелесиц» (1916). Основное настроение его — не пассивное созерцание, свойственное юношеским стихам поэта, а взволнованная, грустная дума о России. Стихотворение начинается с поэтического описания «стороны ковыльной пуши» с ее затихшими озерами, «неколебимой синевою» небес и зелеными степями.

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве
Ягненок кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога,—
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

«За темной прядью перелесиц...»

С первого взгляда кажется, что живописная, яркая картина, нарисованная поэтом, «безразлична» к выявлению лирического переживания. И тогда странным и неоправданным диссонансом предстанет возникновение новой темы — печальных раздумий о своей судьбе и о судьбе родины. Но такое впечатление ошибочно: всем образным и звуковым строем, деталями пейзажа, самим ритмом стиха создается представление о спокойной и величавой красоте русской земли, о ее необозримых далях, неподвижной глади озер и неизменно синем небе, тихих зорях и густом запахе черемух, что стелется над степью, как дым.

Живописности и в то же время замедленности описания способствует обилие изобразительных эпитетов (восемь на 12 строк). Преобладание долгих гласных звуков («вода качает берега», «бодаются его рога», «гуляет в голубой траве»), медлительное произнесение длинных многосложных слов (черемуховый, ягненокч кудрявый, неколебимой) — все подкрепляет впечатление покоя и тишины. Оттого так убедителен вывод: «О сторона ковыльной пущи, Ты сердцу *ровностью* близка», что мы ощущаем в нем скрепление двух смысловых планов — ровнинность и спокойствие (ровный нрав, характер).

И вдруг на фоне этой безмятежной ясности и тишины звучит горький, тоскливый мотив: «Но и в твоей таится гуще Солончаковая тоска». Обращают на себя внимание и необычный эпитет, и контрастная рифма *близка — тоска*, и сплошное рыдающее *о-а* последней строки: «Солончаковая тоска».

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Перелом в содержании сказался прежде всего на интонационном и ритмическом строе. От напевности не осталось и следа — тяжело падают короткие, как удар, «взрывные» и «глухие» слова (ты, кто, друг, враг). Усложнилось синтаксическое строение (сравнительный и деепричастный обороты, придаточное предложение), увеличилось число пауз, ритм становится более прерывистым, затрудненным. Напряжение растет и достигает высшего накала. Пафос стихотворения сосредоточен в образах «розового неба» и «голубиных облаков», символизирующих идеальную и недостижимую красоту. Кульминация подчеркнута и изменением звукового состава и длины слов, и сменой ритма, и инверсией, выделяющей эпитет *розовый*: «О розовом тоскуешь небе».

После несбыточной мечты, о которой можно только тосковать, «печальная треба» вновь заполняет думы поэта и слышится как в образности, так и в самом звучании стиха: мрачные краски, передающие атмосферу страшной тьмы, скопление глухих, свистящих, шипящих звуков и угрожающее *р* заключительной строки, в которой дан смысловой и эмоциональный итог всего стихотворения. Обманчива тишина и «ровность» родного края.

Но и тебе из синей шири
Пугливо жает темнота
И кандалы твоей Сибири
И горб Уральского хребта.

Так Есенин уже в раннем творчестве задаче создания лирического настроения пытается подчинить весь строй стиха, каждый образ и слово. И «лоскутные» стихи, казавшиеся суммой рассу-

пающихся деталей, сменяются произведениями, представляющими единое гармоническое целое. Есенинские тропы, включая в себя экспрессивный оттенок, не теряют при этом своей конкретности и живописности. По-прежнему в основе мироощущения Есенина лежит тесная связь его образов с миром природы, который является и объектом изображения, и материалом его. Если с годами крестьянский, бытовой облик есенинских образов потускнеет, то «природный» не сотрется никогда, став их отличительным качеством, как романтическая окрашенность и эмоциональность, связь с народным творчеством и мифологией.

Органический и сложный образ, похожий на живой организм, возникший как «узловая завязь самой природы», — вот чего добивался Есенин с первых самостоятельных шагов в искусстве слова.

Л. Л. БЕЛЬСКАЯ

Алма-Ата

Рисунок Ю. Космынина

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

«ПАМЯТЬ ДЕРЕВНИ» В ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА

Какие диалектные особенности произношения проявляются в приведенных примерах из лирики С. Есенина? Обратите особое внимание на рифмующуюся часть стиховых строк.

«Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег».

«Синий туман. Снеговое раздолье»

«И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Закатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег».

Песнь о собаке

«Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг».

Не напрасно дули ветры...

«Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг».

Я по первому снегу бреду...

ПОХВАЛА ПОСЛОВИЦЕ

Ни в одной из форм
языкового
творчества народа
с такой силой
и так многогранно
не проявляется
его ум,
так кристаллически
не отлагается
его национальная
история,
общественный
строй,
быт,
мировоззрение,
как в пословицах.

М. ШОЛОХОВ
Сокровищница народной
мудрости

Какое великое национальное богатство духа заключено в наших пословицах! На протяжении веков в пословицах русские люди выражали свои мысли и чувства. Эти самоцветы мудрого житейского опыта — летопись целого народа. «Пословица всем делам помощница», — исстари говорят на Руси. Недаром такое великое множество различных присловий сотворил наш народ. Ведь уже знаменитый сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа» (первое издание вышло в 1862 году) насчитывал 30 000 образных изречений, но, разумеется, это лишь часть обширного всенародного накопления.

Не иссякает родник народного творчества, на наших глазах возникают новые пословицы:

Человек трудолюбивый — в СССР самый счастливый.

В колхозе быть — без нужды жить.

И один в поле воин, коли он советский воин.

Курская дуга вогнала в гроб врага.

Дружно за мир стоять — войне не бывать.

Пословицы учат нас жить и трудиться. На любой запрос людского общества они дают ответ, ясный и верный. Они ратуют за самую передовую, самую гуманную нравственность. Нетерпимость к лицемерию и лжи, трусости, тунеядству и невежеству; преклонение перед правдой и разумом, справедливостью и мужеством; любовь к труду и знанию — таков моральный кодекс русского народа, составленный на основе его собственных суждений.

Достоинны внимания также и другие свойства наших пословиц: их изумительная лаконичность и простота, лишенная всякого украшательства. Мало слов, но мысль высказана предельно полно и четко, и, кажется, ничего ни добавить, ни отбросить, ни изменить нельзя. «В простоте слова — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги» (М. Горький).

В пословицах наиболее ярко воплощена афористичность русского общенародного языка. Типичность живого русского слова можно постичь через знакомство с пословицами других народов.

«Книга — лучший друг», — гласит русская поговорка. «Идущий и скачущий в одиночестве пусть возьмет в дорогу книгу: нет спутника лучше ее», — так звучит близкое по идее арабское речение. «Там, где нет фруктовых деревьев, свекла сойдет за апельсин», — говорят в Иране. Русский же выразился лаконичнее: «На безрыбье и рак — рыба». «Разгадать чужие мысли труднее, чем распознать следы змеи на камне», — сказано афганцем. И опять аналогичная русская пословица будет крайне краткой: «Чужая душа — потемки». «У каждой тучки есть своя серебряная подкладка» — английская пословица; «Каждая вещь имеет дурную и хорошую сторону» — немецкая; у словаков: «На каждую дыру в мешке найдется заплатка». А по-русски сказано, как отрублено: «Нет худа без добра».

Чужеземные словесные обороты, в особенности принадлежащие восточным народам, цветистее, пышнее и многословнее. Они звучат торжественно, подчас даже выпендренно, что должно быть подмечено из уже приведенных примеров. Таково свойство языка этих стран: выразиться замысловато, изысканно, как-то загадочно.

Разные национальности по-своему формируют сходные суждения, например:

По одежде встречают, по уму провожают (русская).
Каков у тебя разум, таков тебе и почет (словацкая).
Где тебя знают — почет тебе, где не знают — почет твоей шубе (башкирская).

Не нарядная одежда делает человека джентльменом,
а ум (английская)

Помимо языковых отличий, вплоть до стилистических оттенков, пословицы позволяют судить о своеобразии быта и нравов, природных и социальных условиях народов. Если о каждом русском присловье смело скажешь: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», то такую же мысль подскажет о любом народе специфика его оборотов речи. Это и есть национальная форма фольклора, и возможно без больших усилий установить родину крылатого выражения.

Вот для доказательства несколько метких изречений.

Шила в мешке не утаишь (русская).

Верблюда под кустом саксаула не спрячешь (туркменская).

Пуганая ворона куста боится (русская).

Укушенный змеей боится пестрой ленты (афганская).

Лиха беда начало (русская).

В неначатом деле змея сидит (монгольская).

На земле нет ни одного народа, великого или малого, который не имел бы своих пословиц. Это не должно удивлять. Поражает другое: смысловая близость многих изречений. Можно рассуждать о заимствованиях, о взаимовлиянии, когда дело идет о соседствующих странах, тем более с языками родственными, предположим, о славянах. Тут некоторые словосочетания звучат тождественно.

Куй железо, пока горячо (русская).

Железо коуют, когда оно горячее (болгарская).

Кто не работает, тот не ест (русская).

Кто не работает, тот ничего не ест (польская).

Терпение и труд — все перетрут (русская).

Труд и упорство всего достигнут (болгарская).

Однако чем объяснить изумительное сходство самой сущности пословиц у тех народностей, которые разделены сотнями и тысячами километров, горами и океанами и живут в различной общественной и географической обстановке? Лишь только одним: общностью взглядов на основные факторы жизни человеческого сообщества.

Люди разных стран обнаруживают удивительное единство в понимании роли труда и науки, дружбы и мира. Все народы с любовью и уважением относятся к честности, скромности и храбрости, с насмешкой говорят о трусости, жадности, глупости. Значит, исторический опыт трудящихся масс (ведь народ — автор фольклора) привел их к правильному умозаключению. Есть извечные, общечеловеческие нравственные истины, определенные мудростью

коллектива, и простые люди на всей земле руководствуются в своей жизни этими принципами.

В подтверждение сказанного приведу немного аргументов.

Худой мир лучше доброй ссоры (русская).

Лучше тощий мир, чем тучная ссора (финская).

Кто сеет войну, пожинает свою гибель (арабская).

Кто весло на меч меняет, от меча и гибнет (вьетнамская).

Мир вскармливает — война пожирает (голландская).

Землю солнце красит, а человека — труд (русская).

Величие человека в труде (иранская).

На свете самое большое богатство — труд (корейская).

Правда светлее солнца (русская).

Правда, как солнце: ее ладонью не прикроешь (африканская).

Правда лучше всего прекрасного на свете (индийская).

Правда — самая большая сила (осетинская).

Не имей сто рублей, а имей сто друзей (русская).

Один друг дороже, чем тысяча удач (афганская).

Человек без друзей — что левая рука без правой (румынская).

Человек с друзьями — как широкая степь, а без друзей — как узкая ладонь (бурятская).

У кого есть друзья, тот никогда не бывает бедным (цейлонская).

Интерес к фольклору как части духовного богатства народов, несомненно, расширяет наш кругозор. Знакомясь с иностранными пословицами и поговорками, мы лучше поймем психику другого народа и более почтительно станем относиться к их создателю. Следовательно, изучение их способствует воспитанию интернациональных чувств, укрепляет международную дружбу. Мы воочию ощущаем, как каждый народ вносит свою долю в сокровищницу мировой культуры.

К сожалению, все реже слышатся драгоценные россыпи русских афоризмов. Подобным небрежением мы обедняем не только свой язык, но и мышление.

Сейчас в школе при изучении темы «Фольклор» пословицам отводится едва ли один час. А какие занимательные дела можно связать с ними и в школе, и в семье. Почему бы не поручить ученику собрать несколько народных изречений, в первую очередь русских, потолковав со своими родными, поискав в книгах и жур-

налах, в словарях. А затем в классе побеседовать по найденному материалу.

Можно создать кружок или общество юных любителей пословиц, организовывать их встречи, проводить викторины.. В Польше такая работа ведется. Там даже был недавно проведен по данной теме радиоконкурс для учащихся. Не так давно и у нас, в Советском Союзе, «ступени юного пионера предлагали: „Собирай и записывай народные пословицы и поговорки, частушки, народные песни, сказки“». Ныне же это указание пионерской организации предано забвению.

Сбор произведений устного творчества — дело долгое, кропотливое: «в грамм — добыча, в год — труды». Поэтому всем ценителям фольклора надо запастись терпением и настойчивостью. И в то же время это занятие увлекательно и полезно. Разыскивая и отбирая пословицы и поговорки, школьники приобретают элементарные навыки исследовательского труда.

Что за вопросы ставить перед школьниками? Во-первых, по смысловому анализу пословицы: как понимать данное выражение? Какие толкования (пословица многозначна) ему можно дать еще? К каким житейским фактам можно приложить пословицу? А какие примеры найдутся в литературе, в истории? Для таких бесед подходят особо нравоучительные наставления, по содержанию близкие к жизни детворы и молодежи: о дружбе, книге, труде, родине.

Человек без родины, что соловей без песни (русская).

С родной земли умри — не сходи (русская).

Человек, забывший свою родину, — заблудившийся человек (удмуртская).

Расставшийся с другом тоскует семь лет, расставшийся с родиной — весь век (узбекская).

Во-вторых, найти русские аналогии для иноземных изречений, например для абхазской пословицы «Два арбуза под мышкой не унесешь» или для монгольской «Жадный шаман на два жертвоприношения спешит и на оба опаздывает», то есть — «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь». Японской пословице «Зонтик нужен до того, как промокнешь» соответствует наша «Дорога ложка к обеду». Еще параллели русскому выражению «Не откладывай на завтра...» (или «На час опоздаешь — за день не наверстаешь»); «Потом — неувимее, чем сайгак» (калмыцкая) и «Не теряй времени зря, ибо сегодня стоит двух завтра» (албанская).

В-третьих, определить, пусть приблизительно, в каких местах земного шара могли возникнуть, скажем, следующие обороты:

Идешь на бой с липщей — готовься встретиться со львом (афганская).

Шампур не сгорит — шаплык останется (грузинская).
Если дерутся крокодилы, не надо их разнимать (египетская).

Ясно, что в этих случаях требуются познания в географии.

Подобные беседы уместно проводить и дома. Хорошо бы и самим родителям в разговорах при подходящем обстоятельстве вспомнить ту или иную пословицу. К слову, наши дети обычно не дорожат временем. Почему бы не напомнить им, кроме уже названных, еще и японскую: «Крупницу золота можно найти, крупницу времени — никогда». Дети всегда бывают изумлены и убеждены: так ярко и точно (непререкаемый закон!) высказана мысль.

Обогащая свою речь и ум при помощи пословиц, мы несомненно испытываем благотворное воздействие на наше общее развитие. В них так неоспоримо и красочно выражены мудрость, жизненный опыт, что пословица не может не повлиять на человека, в особенности на чуткую и восприимчивую к правде и красоте душу ребенка. Вдобавок ко всему, мы получаем подлинное эстетическое наслаждение от лаконичности и образности народных афоризмов. Разбирать и перечитывать их опять и опять — величайшее удовольствие!

Остается пожалеть, что в нашей школе почти не даются сочинения-миниатюры на поучительные темы пословиц и поговорок. Их любили Ушинский и Толстой-педагог, и в их практической деятельности такие сочинения встречались довольно часто. Припомним хотя бы статью великого писателя «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», повествующую о том, как совместно со своими учениками Лев Николаевич сочинял рассказ на тему русской пословицы «Ложкой кормит — стеблем глаз колет».

Любите, изучайте пословицы и поговорки! Даже легкое приобщение к их безграничному миру сулит большую радость и пользу истинным любителям русского слова.

В. ГОМАЗКОВ
Волгоград

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Продолжение. См.: «Русская речь», 1974,
№ 4—6

V

В русском языке широко употребляются сочетания предударных гласных на стыке предлога и следующего слова, а также на стыке приставки и корня: *на углу́, по бзегу, ни однобо́; поигра́ть, заучи́ть, заостри́ть*. В быстрой неотчетливой речи такие сочетания гласных часто стягиваются в один слог. Такое произношение не может быть рекомендовано. Сочетание безударных гласных надо произносить в два слога, без стяжения. Коснемся некоторых из таких сочетаний.

Гласные на месте букв *ао, оо* во 2-м и 1-м предударных слогах надо произносить: [на-а]кнѐ, [на-а]днѐй, [за-а]днѐй [па-а]днѐй; а также [заа]стри́ть, [наа]бу́м, [наа]бе́дать, [саа]тве́тствовать, ста[раа]бра́зной, од[наа]бра́зный.

Не следует произносить [за]кнѐм, [за]стри́ть, [па]бе́дать.

Теперь о тех же гласных, но в 3-м и 2-м предударных слогах. На месте *ао, оо* следует произносить два слога: [на-а]днобо́, [за-а]строва́ми, [на-а]перѐции, [за-а]гури́цами, [за-а]горѐдом, [па-а]одному́, [за-а]блака́ми. Стяженное произношение в один слог с гласным [а], а тем более с гласным (ѐ) следует считать неправильным.

Подобным образом произносятся и сочетания на стыке ясно выделяемой приставки и следующей части слова [заа]плоди́ровала, [праа]перѐровали, [наа]ткрява́ли, [праа]ккомпани́ровали.

В этих случаях ясность морфологического стыка вытекает из того, что и оставшаяся без приставки часть употребляется как самостоятельное слово: *аплодировали, оперировали*.

Стяженное произношение допустимо только при отсутствии ясного морфологического стыка: *сообразить, вообразить, воодушевление, вооруженный*. Отсутствие морфологического стыка видно из следующего: если убрать начальный слог *со-, во-*, то оставшаяся часть не будет самостоятельным словом. Ведь нет таких слов *образить, оруженый*. В таких случаях допустимо стяженное произношение с [а]: [са]бразить, [ва]бразить, [са]рудить, [са]руженые. В некоторых случаях допустимо и произношение с редуцированным гласным [ъ]: [въ]душевить, [въ]руженый.

На месте сочетаний *ео, еа* в предударных слогах произносится [иа]: [н'и-а]гдám, [н'и-а]гнéc, [н'иа]бязáтельно, [н'иа]ккурáтный, [н'иа]днокрáтно, [н'и-а]ткázался, [н'и-а]тослал. То же произносится на месте *ио*: [н'и-а]дногó.

Не следует произносить в этом сочетании на месте *о* или *а* во 2-м предударном слоге редуцированный гласный [ъ]: [н'и-ъ]гдава́й, [н'и-ъ]ккурáтный. Надо: [н'и-а]гдава́й, [н'иа]ккурáтный.

Гласные на месте предударных *еи* следует произносить с двумя [и]: [н'ии]збéжный, [н'ии]звéстный, [н'ии]зглади́мый, [н'ии]злечи́мый.

Следует остерегаться стяженного произношения: [н'и]звéстный, [н'и]злечи́мый. Так же произносятся гласные на месте *ее* в предударных слогах: [н'ии]стéственный, [н'ии]динодúшно.

На месте *оу, ау* в 3-м и 2-м предударных слогах произносится редуцированный [ъ] с последующим [у]: [нъ-у]говóру, [нъ-у]гол-кám, [нъ-у]зловы́м, [нъ-у]голб́к. Недопустимо стяженное произношение с [у]: [ну]говóру, [ну]голб́к.

На месте *уо, уа* в 3-м и 2-м предударных слогах произносится гласный [а]: [у-а]дногó, [у-а]стрóвóв, [у-а]горб́да, [у-а]безья́н, [у-а]двока́та, [у-а]кробáта. Произношение [ъ] на месте *о* или *а* не рекомендуется. Не следует произносить: [у-ъ]дногó, [у-ъ]двока́та. Еще более грубая ошибка — стяженное произношение с гласным [у]: [у]дногó, [у]двока́та.

Предударные гласные на месте сочетаний *ои, аи* произносятся без стяжения, с редуцированным гласным [ъ] на месте *о* или *а*: [нъи]гра́ть, [нъи]ска́ть, [нъи]зу́сть, [зъ-и]зру́шкой, [нъ-и]збé, [нъ-и]менáм. Стяженное произношение с [ы]: [ны]гра́ть, [ны]ме-нам — неправильно, носит диалектную окраску.

Продолжение в следующем номере

Слово в терминологическом и нетерминологическом применении

Точность смыслового применения слова входит в понятие «знание языка», «владение языком». Многочисленные вопросы и даже запросы, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам Сектора культуры речи Института русского языка АН СССР, наглядно показывают, что пропаганда правильного понимания и употребления слов все еще остается важнейшим направлением культурно-речевой работы языковедов-русистов. Во многом эти задачи решаются в нормативно-толковых словарях русского языка. Но сведения словарей часто не доходят до своего читателя. Толковых словарей русского языка все еще недостаточно. Они не всегда лежат на открытых полках библиотек; не всегда под рукой учителей, они доступны далеко не всем учащимся. В результате — отсутствие прочно выработанных и свободных навыков в чтении словарных статей, в ориентации среди многочисленных и разнообразных помет словаря.

Среди самых различных явлений, затрудняющих правильное словоупотребление и словопонимание, обычны вопросы, так или иначе связанные с терминологическим и нетерминологическим осмыслением слов. «Есть ли слова *обустройство, обустроить, обустроенный?*» — спрашивает нас редактор издательства, получив статью от профессионала-строителя и не найдя этих слов ни в одном из словарей литературного языка. «Как правильно *гололед* или *гололедица?*» — проверяет себя автор небольшой заметки на метеорологическую тему. «Не можете ли вы нам поточнее объяснить термин *оживальный*, это слово есть в речи чертежников?».

Общелитературная и профессионально-терминологическая сферы — это разные стороны речевой жизни. Именно поэтому в обычном литературном изложении так часты разъясняющие синонимы при терминах или профессионализмах.

Вместе с тем в языке немало и таких примеров, когда одно и то же слово входит в состав определенной терминосистемы и в то же время живет и в общенародном, литературном языке и в говорах, причем в значении, близком к терминологическому. В этих случаях легко возникают смысловые недоумения, а иногда и полное непонимание.

Нам пришлось отвечать на письмо читателя журнала «Русская речь» С. П. Шерстобитова. Автор письма, специалист-аграрник, высказывает свое несогласие с трактовкой ряда слов сельскохозяйственного производства (*баз* и *нетель*), предложенных в статье профессора Л. М. Орлова «Диалектизмы и литературный язык» («Русская речь», 1972, № 2). Внимательное знакомство с доводами С. П. Шерстобитова показывает, что перед нами бесспорный факт того, что Л. М. Орлов не понял своим оппонентом.

В чем же тут дело? В чем причина отсутствия взаимопонимания между двумя специалистами — С. П. Шерстобитовым в сельском хозяйстве и Л. М. Орловым — языковедом?

По наблюдениям Л. М. Орлова, в местных газетах Волгоградской области слово *баз* в значении «скотный двор» очень употребительно. Это употребление, по существу, совпадает с толкованиями словарей. (17-томный Словарь современного русского литературного языка: «Баз. обл. Скотный двор, задний двор в крестьянской усадьбе, южн.») С. П. Шерстобитов, профессионал в сельском хозяйстве, твердо стоит на терминологических позициях. Он категорически возражает против понимания *база* как скотного двора, определяя его как навес — «примитивное подсобное сооружение, близко или непосредственно примыкающее к капитальным животноводческим постройкам, используется как выгульный двор, загон».

Попробуем разобраться в причинах разногласий полемизирующих сторон. Истоки слова *баз* находим в местной, диалектной речи. Здесь оно входит в обширную группу слов, обозначающих различные и многочисленные помещения для скота: *котух* — *котушок*, *омашаник* — *овшеник*, *закута* — *закут* — *закутка* — *закуты*, *клев* — *хлев* — *охлев* — *оклев*, *калда* — *карда*, *избушка* — *избенка* — *скотная избушка*, *стая*, *пунька* — *пуня*, *зимовка* — *зимница*, *вар* — *варок*, *кошара*, *баз*. По своему устройству и назначению (для какого скота?) эти помещения неодинаковы в разных местах нашей страны. Областные словари и картотечные собрания местных слов показывают, что распространено слово *баз* очень широко: в Там-

бовской, Рязанской, Орловской, Воронежской областях и, особенно, на Дону и Северном Кавказе, бытует оно на Урале, в Сибири, Казахстане, на Украине. Естественно, на столь обширной территории устройство база не может быть одинаковым. Общим в осмыслении слова *баз* для всех этих мест будет лишь главный признак: баз — это постройка для скота. Побочные же детали, уточняющие этот вид животноводческого строения, различны. Именно эта неодинаковость наглядно демонстрируется в сводном «Словаре русских народных говоров» при определении смысловой структуры слова *баз*: «Огороженное на дворе место для скота; скотный двор. Дон., Южн., 1843 (...) Дон., Саратов., Рост. (...), Ставропол., Тамб., Ряз., Орл., Ворон., Пенз., Терск., Свердл., Перм., Урал., Иссyk-Кульск. // Огороженное место для скота за станицей в поле. Новочеркас., Дон., 1850. Новоросс., Дон., Саратов., Ворон., 1850 Саратов. • Огороженное место для овец. Хлев для скота. Енот. Астрах. 1850. Дон. • Помещение для колхозного крупного рогатого скота. Дергач. Саратов., 1948. • Помещение для овец. Чембар. Пенз., 1948. • Помещение, в котором содержатся лошади или коровы и хранятся дрова. Урал., 1928. 2. Двор, изгородь вокруг дома. Дон., 1848. • Задний двор в крестьянской усадьбе. Южн. Слов. Акад. 1948».

Но местные говоры, о чем не раз писалось в журнале «Русская речь», живут рядом с литературным, нормализованным языком; они постоянно обогащают и продолжают обогащать его своими словами и устойчивыми оборотами. Осваивается языком художественной литературы и слово *баз*, например, в художественной прозе Шолохова, Бабаевского и других.

Именно на этих вопросах подробно останавливается профессор Л. М. Орлов. Определение слова *баз* в его работах дается попутно, в самом общем виде — *скотный двор*. В таком примерно смысле оно используется и на страницах романов, рассказов, повестей. Надо иметь в виду, что язык художественной литературы, так же как и язык прессы, не полностью раскрывает содержание того или иного местного предмета, понятия. Соответственно и словари общелитературного употребления не обязаны выявлять и детально описывать эти реалии. При встрече с такими словами толковые словари квалифицируют их функционально-стилевую принадлежность, показывают, где, в какой речевой ситуации эти слова находят применение в художественной речи. Оба толковых словаря современного русского литературного языка (17-томный и 4-томный), в которых зафиксировано слово *баз*, сопровождают его пометой *обл.* Другое дело словари терминологические и энциклопедические. В словари этого типа слово *баз* включается уже более ста лет как принадлежность специализированного языка. В специально-животноводческой сфере оно становится термином и чет-

ко соотносится с одним предметом (или понятием), определяясь необходимым и достаточным количеством смысловых признаков. Терминологически точное понимание слова необходимо для специалистов данного профиля.

История терминологического значения у слова *баз* сводится к преодолению известной аморфности в характеристике ведущих смысловых признаков.

Профессиональное мнение С. П. Шерстобитова было бы незыблемо, если бы сельскохозяйственный термин *баз*, как это иногда бывает, полностью утратил связь со своими истоками — диалектной речью. В действительности этого нет. Став единицей сельскохозяйственной терминологии, слово *баз* продолжает жить в народной, диалектной речи. И если в терминологии оно закреплено за определенным видом животноводческого строения, то в живой народно-диалектной речи оно сохраняет значение и двора, и выгороженного загона. В современных уральских говорах *баз* 'огороженное место для скота во дворе' (Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964). Значение двора отмечено и в саратовских, пензенских и других говорах. Таким образом, одно и то же слово полноценно функционирует в терминологии, где его смысл остро детерминирован, в диалектной речи и в общелитературном употреблении.

Аналогична и судьба слова *нетель*. Это слово активно живет в диалектах (из них оно попало в общелитературный язык — «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова дает его с пометой «обл.») и в зоотехнической терминологии. Значение его во всех этих трех сферах общения близко, но не одинаково.

В говорах, где оно распространено очень широко, значение слова *нетель* определяется или по признаку возраста ('телка двух или трех лет' Казанск., 'двулетний теленок' Прииртышье, 'двухгодовалая корова' Пск.), или по признаку отела ('нетелившаяся корова' Зауралье, 'молодая, еще не телившаяся корова' Новосибир., 'молодая корова, которая еще ни разу не телилась' Горьк.— Картолка Словаря русских народных говоров). В таком же понимании оно освоено и литературным языком ('молодая, ни разу не телившаяся корова' — 17-томный Словарь).

В зоотехническом специализированном языке для понимания слова *нетель* выдвигается на первое место такой классификационный признак, как стельность — нестельность. В связи с чем и появляется деление на три вида самок: 1) молодая нетелившаяся самка крупного рогатого скота — телка, 2) телившаяся самка крупного рогатого скота — корова, 3) стельная (беременная) телка — нетель.

В терминологических сельскохозяйственных словарях, в БСЭ в определениях слова *нетель* подчеркивается момент стельности.

Насколько удачен термин *нетель* с уточнением, сформулированным выше, как он мог сложиться, — это тема особой статьи. Заметим лишь попутно, что лингвист не может не обратить внимания на нарушение внутренней согласованности между словообразовательной структурой слова *нетель* и его терминологическим значением. Ведь само морфологическое строение слова *нетель* отражает видимую связь его формы и значения: *не* — отрицание, *тель* — основной смысловой компонент, такой же по значению как и в *телка*, *телиться*, *стельный*. Про слова подобного строения языковеды говорят, что они обладают «прозрачной внутренней формой». Она-то и предопределила формулировку значений слова *нетель* в различных толковых словарях русского языка, начиная с конца XVIII века. Все они повторяют, по существу, одно и то же определение: «Молодая, ни разу не телившаяся корова». Внутреннее строение слова как бы мотивирует его лексическое значение. Сравните аналогичные местные слова: *непашь*, *некось* и подобные; «залежная, давно не паханная земля» — *непашь*, «запущенный, много лет не кошенный луг» — *некось*. При восприятии этих слов непосредственное языковое чувство русского человека ориентировано на отрицание чего-либо. И в слове *нетель* внутренняя форма настойчиво диктует такое отрицание, которое устранено в терминологическом значении. Неслучайно в Словаре В. Даля словом *нетель* называется и «молодая, ни разу не телившаяся корова» и «яловая корова, нестельная на сей раз».

Примеры, которые мы здесь подробно разобрали, наглядно демонстрируют, насколько сложна жизнь слова в языке, ибо сложен в своих разновидностях сам язык.

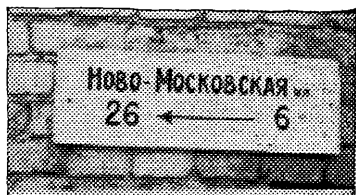
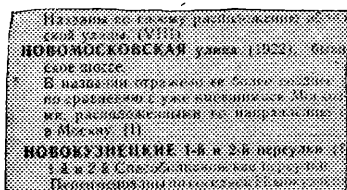
Т. С. КОГОТКОВА

НЕУПОРЯДОЧЕННОЕ НАПИСАНИЕ

Каждый новый город, поселок, улица получают при рождении свое имя, выбор которого неслучаен. Как правило, в названии города или улицы, да и в географическом названии вообще, может быть отражена история края и его сегодняшний день, физико-географические особенности местности, где расположены город или улица, и многое другое.

Значительную группу составляют названия, представляющие собой сложные слова с первой частью *Ново-*. Индустриальным гигантам пятилеток обязаны своим рождением такие города, как *Новокузнецк*, *Новополоцк*, *Нововолынск*, *Новоорск* и десятки других.

Если названий недавно возникших городов насчитывается несколько десятков, то сосчитать сотни названий новых проспектов, улиц, переулков, появляющихся как в молодых городах, так и в городах с многовековой историей, окажется намного труднее. Так,

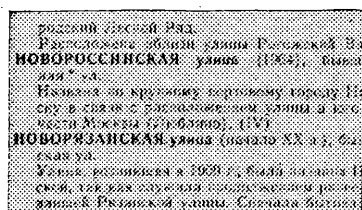
в городе Москве, где новые улицы и проспекты появляются почти ежегодно, возникло много новых улиц с названиями, начинающимися с *Ново-*. Эти названия — своеобразное отражение больших изменений, внесенных за годы пятилеток в Генеральный план развития Москвы, которая на наших глазах превращает бывшие дустыри и ветхие села в жилые в промышленные кварталы. На месте бывшего подмосковного села *Шужина* появилась в 1958 году *Новошужинская улица*, а недалеко от ранее существовавшего села *Хохловки* возникла в 1955 году *Новохохловская улица*. Рядом со старыми *Черемушками* выросли знаменитые *Новые Черемушки* с *Новочеремушкинской улицей*.

Географическое название возникает одновременно с рождением нового города, поселка, улицы или переулка. Поэтому очень важно, чтобы с самого начала своего существования название нового объекта закрепилось в орфографически устойчивом, стабильном написании. А между тем до сих пор в широкой практике, на страницах газет, журналов и даже в специальных изданиях географические названия (топонимы), начинающиеся с *Ново-*, *Старо-*, *Верхне-*, *Нижне-* и другие, встречаются в очень непоследовательных, противоречивых написаниях: поселок *Ново-Октябрьский* (Атлас схем железных дорог СССР. М., 1973) — город *Новомичуринск* («Труд», 3 февраля 1973); *Старо-Смоленская* дорога («Вечерняя Москва», 20 октября 1970) — *Старокаширское шоссе* («Вечерняя Москва», еженедельное рекламное приложение, 15 декабря 1971).

Большой разницей обнаруживается в правописании названий московских улиц с первой частью *Ново-*, *Старо-*, *Верхне-*, *Нижне-*.

Нередко название одной и той же улицы закрепляется в разных источниках в различном написании: Ново-Рязанская улица («За рулем», 1973, № 11) — Новорязанская улица («Вечерняя Москва», еженедельное рекламное приложение, 10 декабря 1969); 1-ая Ново-Кузьминская улица (Краткий телефонный справочник... М., 1967) — 1-ая Новокузьминская улица («Московская правда», 18 октября 1973).

Еще ярче проявляется разнობой на самих улицах, написания названий которых, представленные в виде трафаретов, зачастую противоречат написаниям этих же названий в справочнике «Имена московских улиц» (М., 1972). В большинстве случаев слитное

написание, предложенное справочником, реализуется на трафаретах с названиями улиц в дефисном (через черточку) написании.

Чем же объяснить создавшееся положение?

Основная причина разнობой заключается в недостаточной орфографической упорядоченности данного слоя топонимической лексики. В отличие от других проблем орфографии, вопросы слитного и дефисного написания сложных географических названий стали рассматриваться в отечественном языкознании сравнительно недавно, с середины 30-х годов. Словари и справочники, вышедшие как в то время, так и в последующие годы, все еще недостаточно внимания уделяли орфографии географических названий, а некоторые из них не имели нормирующей практической направленности (В. Э. Сталтмане. Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий— «Орфография собственных имен». М., 1965).

К сожалению, и в наши дни вопросы слитного и дефисного написания сложных географических названий остаются без надлежащего внимания составителей орфографических словарей. Так, например, собственные имена вообще не включены в состав словаря-справочника «Слитно или раздельно?» (М., 1972), хотя правописание однотипных с ними нарицательных слов, начинающихся с *ново-*, *старо-*, рассмотрено подробно.

в изданиях справочника «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик» были учтены замечания картографов, направленные на упорядочение написания названий с *Ново-*, *Старо-*. Все названия указанного типа даны в Справочнике в единообразном слитном написании.

Наметившаяся в практике тенденция писать слитно названия, начинающиеся с *Ново-*, *Старо-*, противоречит рекомендациям «Правил русской орфографии и пунктуации» (М., 1956, § 79), где предложено писать через дефис «...некоторые названия населенных пунктов с первой частью *ново-*, *старо-*, *верхне-*, *нижне-* и т. п., кроме тех, слитное написание которых закрепилось в справочных изданиях, на географических картах и т. п., например: Ново-Вязники, Нижне-Гнилое, но: Новосибирск, Малоархангельск, Старобельск, Новоалексеевка, Верхнеколымск, Нижнедевицк».

Таким образом, рекомендации «Правил...», на наш взгляд, не вполне соответствуют тенденциям правописания многочисленных топонимов с первой частью *Ново-*, закрепившимся в картографической практике. Было бы целесообразно согласовать вопрос о правописании рассмотренного типа топонимов и однотипных с ними названий улиц со сложившейся практикой и унифицировать их написание. Сходным образом этот вопрос уже решен в близкородственном украинском языке. В последнем издании орфографического Свода украинского языка (Український правопис. Київ, 1960) все названия с *Ново-*, *Старо-* рекомендовано писать слитно. Необходимость ликвидации разнобоя в правописании сложных географических названий достаточно очевидна. Упорядочением написания топонимов будет восстановлен единый орфографический режим, исчезнет несоответствие с правилами, действующими в картографии.

В этом направлении уже сделаны первые шаги. Недавно вышедший справочник «Имена московских улиц» (М., 1972) и краткая адресно-справочная книга «Москва 1973». (М., 1973) передают названия с *Ново-*, *Старо-* и т. п. в единообразном слитном написании, в отличие от ранее изданного справочника «Улицы Москвы» (М., 1969), где многочисленные типы рассмотренных названий орфографически крайне неустойчивы.

Дефисное написание подобных топонимов по-прежнему остается типичной принадлежностью газетных полос. Вот, например, заголовок статьи, рассказывающей о строительстве птицефабрики, — «Ударные дни Ново-Батайской» («Сельская жизнь», 4 февраля 1969).

А. В. БАРАНДЕЕВ

ОМОНИМИЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ

Явление омонимии (греческое *homos* 'одинаковый', опуща 'имя') — одна из сложнейших проблем языкознания. По признаку многих ученых, омонимия пронизывает все уровни языка: лексику, морфологию, словообразование, синтаксис.

Относительно благополучно обстоит дело с изучением омонимии в лексикологии. Под лексическими омонимами понимают одинаково звучащие слова, но имеющие совершенно различные значения (*ласка* 'проявление чувства' и *ласка* 'животное'). Большинство исследователей отграничивает лексические омонимы от грамматических — омоформ (*прав* — род. пад. множ. ч. существительного *право* и *прав* — краткое прилагательное, *капли* — им. пад. множ. ч. и *капли* — род. пад. ед. ч.), а от них — омофоны (*лёт* — *лед*, *лук* — *луг*), а также омографы (*мужá* — *мúка*, *замбк* — *зáмок*), паронимы (*абонент* — *абонемент*; *представился* — *преставился*).

Другие же исследователи слова такого рода или какие-либо их формы называют омонимами. Последняя точка зрения не бесспорна, так как собственно омонимы подчинены законам и правилам, отличным от тех, которые присущи явлению омоформации и омофонии — многообразным типа подобозвучающих слов (*гриб бы* — *грибы*, *тоску я* — *тоскуя*, *сутками* — *сутками*).

Лексические омонимы классифицированы как с точки зрения происхождения, так и с точки зрения функционирования равнозвучающих слов в самых разнообразных слоях лексики. Нерешенных вопросов и здесь немало. Так, не найдены достаточно четкие принципы разграничения многозначного слова и омонима. Скажем, слово *перо* Толковым словарем русского языка под редакцией

Д. Н. Ушакова и 17-томным Словарем современного русского литературного языка трактуется как многозначное слово, а Словарем С. И. Ожегова (М., 1972) — как омоним: 1. Роговое образование на коже птиц. 2. Стальная вогнутая пластинка с расщепленным концом для писания чернилами, тушью.

Подобные разногласия объясняются прежде всего тем, что ученые по-разному подходят к определению омонимов: одни — со структурно-семантической точки зрения, другие — морфолого-словообразовательной, а третьи — структурно-грамматической. Между тем для определения лексических омонимов важным должен стать семантический критерий: он более соответствует их природе. На это обстоятельство указывают многие наши языковеды.

Семантические принципы выделения омонимов не могут быть найдены без решения вопроса о «внутренней форме слова», о смысловых отношениях в его структуре. А. А. Потебня справедливо заметил: «В слове *арбузик*, которым ребенок назвал абажур, признак шаровидности, извлеченный из слова *арбуз*, и образует его внутреннюю форму...» (Из записок по русской грамматике. Т. I—II. Харьков, 1888). Позднее им же было дано и более конкретное определение внутренней формы слова. Он считал, что «в ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» (Мысль и язык. Изд. IV. Одесса, 1922).

Внутренняя форма слова не совпадает со значением его. Это понятие представляется нашему сознанию как некая абстрактная категория для выражения диалектически сложного взаимодействия языка и мышления, как способ представления значения в слове, способ соединения мысли и звука.

Понятие внутренней формы слова проясняется, если мы обратимся к поэтической речи. Создание поэтических неологизмов происходит, как правило, по конкретным семантическим моделям, исходным моментом которых являются слова-символы. Обилие поэтических новообразований характерно, например, для творчества символистов. Образ звездного неба был для них символом возвышенного, прекрасно-патетического. От корня *звезд* поэты-символисты образовали слова *звездность*, *многозвездность*, *звездотканность*, *звездоликость*, *звездеть*.

Ряд значений, присущих многозначному слову, объединяется общностью внутренней формы. Когда же эта форма разрушается, утрачивается, происходит распад слова на омонимы. Слова *журавль* «птица» и *журавль* «приспособление для подъема воды» представляются нам как имеющие общую внутреннюю форму (сходство внешних признаков); в словах же *месяц* «одна двенадцатая часть астрономического года» и *месяц* «небесное светило» та-

кой ясной, непосредственной общности нет. Их родство можно определить лишь посредством этимологического анализа.

К сожалению, проблема внутренней формы слова «оказалась у нас в забросе» (Ф. П. Филин.— Лексикографический сборник. Вып. IV. М., 1960), а без ее разрешения остается нерешенным и вопрос о разграничении омонимии и полисемии.

Поскольку слова обозначают не предметы, явления вообще, а понятия и представления о них, то когда говорится о наличии у слова многих значений, имеется в виду, что оно способно выражать разные понятия, представления. Понятие, как и скрытый за ним образ предмета, явления, содержит существенные и несущественные признаки. Одно понятие переходит в другое, перестает быть старым понятием, если исчезают его существенные признаки, качества. Переходы и «переливы» понятий находят отражение в явлении полисемии и омонимии. Значение слова обогащается смысловыми оттенками. Происходят «переливы» значений (назовем это *семантической переходностью*) вплоть до полного размежевания— омонимов.

Марксистско-ленинская философия считает неправомерным и ошибочным сводить все качественное многообразие явлений к количественному многообразию.

Разные понятия, выражаемые одним многозначным словом, неизбежно имеют общее содержание, представленное во внутренней форме слова. В результате появления омонима может быть найдена семантическая граница слова. Омоним появляется тогда, когда меняется основное содержание понятия, его существенные признаки, то есть нарушается мера — единство количественной и качественной сторон языковой единицы. Это тем более необходимо учитывать, когда мы рассматриваем явление омонимии на уровне синтаксиса. Здесь еще больше сложных и нерешенных вопросов.

Само понятие *синтаксической* омонимии далеко еще не определено. В широком смысле слова оно имеет в виду такие предложения, которым слушатель может дать более чем одно толкование. Именно так понимает это явление чешский лингвист Фр. Данеш, рассматривая синтаксические конструкции со стороны их структуры: *Pogoroval toho člověka stromem* — Он наблюдал этого человека за деревом (ср. наблюдал за деревом — человека за деревом); *vtěohto dolech prováží ánoves Wolfram* — В этих залежах сопровождает олово вольфрам (ср. олово сопутствует вольфраму — вольфрам сопутствует олову) (Фр. Данеш. Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии.— «Вопросы языкознания», 1964, № 6).

На наличие в русском языке «двусмысленных речений» указывал еще М. В. Ломоносов. В «Кратком руководстве к красноречию»

(1748) он предупреждал, что при писании «должно блюстись, чтобы двузнаменательных речений не положить в сомнительном разуме». «Он Вергилия почитает» — можно понимать двояко: 1. Он Вергилия станет несколько читать; 2. Он Вергилия читит.

Как явствует из примера, М. В. Ломоносов предостерегал от использования в речи таких слов, которые в данной ситуации можно истолковать двояким образом, — омонима или многозначного слова. Но это лишь один из случаев, когда предложение может быть двусмысленным. Достаточно заменить омоним (или многозначное слово) другим, и мы ликвидлируем двусмысленность. Однако в иных случаях этого сделать нельзя. Скажем, предложение «Обвинение инженера нуждалось в огласке», где все отвечает нормам языка и в плане содержания, и в плане выражения, оказывается все-таки двусмысленным: 1. инженер обвиняет; 2. инженера обвиняют. В чем же дело? Здесь нет ни омонимов, ни многозначных слов, которые бы понимались двояко. Суть данного явления кроется в самой природе грамматической формы: омонимия вызвана совмещением значений родительного объекта и родительного субъекта. Но и этот вид омонимии далеко не единственный в ряду предложений с двойным смыслом.

В русском языке довольно много конструкций, двусмысленность которых обусловлена возможностью различного прочтения, то есть членения предложения на так называемые синтагмы: Вчера // прибывший // товарищ заболел (Вчера прибывший. Вчера заболел).

На двусмысленность предложений, в которых «известное слово... может быть связано с различными словами и в связи с этим может входить в различные синтагмы», обратил внимание А. Н. Гвоздев в статье «Об одной проблеме стилистики» («Вопросы русского языкознания». Саратов, 1961). Такие конструкции А. Н. Гвоздев характеризует как случаи чисто синтаксических омонимов.

Возможность двоякого понимания таких предложений создается не только «чисто синтаксическими средствами», но и обуславливается лексико-грамматической природой слов. В рассматриваемом примере слово *прибывший* способно не только обозначить признак (ср. наш товарищ), но и выразить «скрытый» предикат: *вчера приехал, сегодня заболел*.

Многие слова в русском языке способны получать в предложении определенную синтаксическую специализацию. Сравните слово *страх* (существительное) и *страх* (наречие) в предложениях: «Он (Ефрем) почувствовал страх и жалость к вору» (Чехов. Встреча) и разговорное «Страх как много народу». Переход одних частей речи в другие осуществляется при наличии определенных

условий (порядок слов, характер их связи в предложении, сочетаемость с другими частями речи и др.). В результате такого перехода мы имеем дело со словами, относящимися к разным частям речи, совпадающим по написанию и произношению. Эти слова называются «функциональными омонимами».

К функциональным синтаксическим омонимам, на наш взгляд, относятся и вводные слова, так как они участвуют в формировании синтаксических отношений, наполняющих структуру предложения или речевое целое. Вводное слово *видимо* с модальным значением в предложении: «Даже дед был, *видимо*, доволен мною, все ухмылялся» (М. Горький. Мои университеты) и наречие *видимо* в конструкции: «Матюшка поминутно плакала, здоровье ее стало новилось день ото дня хуже, она *видимо* чахла, а между тем мы с ней работали с утра до ночи...» (Достоевский. Бедные люди) — выступают как функциональные синтаксические омонимы.

Многие служебные слова также могут выступать в роли разных частей речи. Например, слово *тоже* способно выполнять не только роль частицы, но и союза. Отсюда и возможность двоякой связи таких слов со смежными: «Молодые люди отбились в сторонку, и там *тоже* шел оживленный разговор. Часто смеялись» (Шукшин. Калина Красная). Заметим: *там тоже, тоже шел*.

Совершенно очевидно, что при рассмотрении вопроса синтаксической омонимии необходимо учитывать взаимодействие лексических и грамматических сторон предложения. Понятие двусмысленности предложений следует ограничивать от понятия двузначности грамматических форм. Конструкция может восприниматься как двусмысленная, хотя синтаксической неоднозначности в ней нет: «У нас здесь *самая последняя* комната... тридцать пять рублей ассигнациями стоит. Не по карману» (Достоевский. Бедные люди). И напротив, в предложении налицо неоднозначность синтаксической формы *и*, как следствие, двоякая семантическая интерпретация: «*Брату* нельзя приказывать».

Оригинальная точка зрения на явление омонимии в функциональном синтаксисе выдвинута Г. А. Золотовой. Исходя из того, что одна и та же падежная форма обладает разнофункциональностью, а самой функции свойственна избирательность по отношению к разным группам слов, принявших эту падежную форму, автор делает вывод: «Общность предложно-падежного оформления при лексическом тождестве и различии функциональных признаков создает омонимичность синтаксических форм слов» (Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973). Омонимичны связанная форма в словосочетании *гордиться другом* и обусловленная в страдательном обороте *задача решена другом*.

Омонимические синтаксические формы слов выступают как частный случай омонимичных синтаксических конструкций, их компонентов. В целом же наметить типы синтаксической омонимии нужно, по-видимому, если брать за основу структуру предложения как главной синтаксической единицы. Когда мы имеем какое-то конкретное высказывание, которому в системе языка соответствуют две различные структуры, — перед нами синтаксический омоним.

Изучение омонимии имеет не только чисто теоретическое, но и практическое значение: в лексикографической работе, автоматическом анализе текста при машинном переводе, для решения вопросов стилистики и культуры речи.

В. М. ПАНЬКИН

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

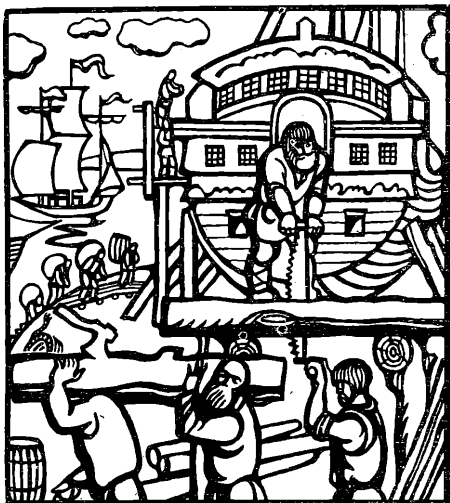
Рукописи для публикации в журнале должны быть представлены в двух экземплярах, напечатаны на машинке через два интервала и подписаны автором.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес и телефон.

Объем статьи не должен превышать 8—10 страниц машинописи. Все цитаты должны быть тщательно выверены автором по источникам; ссылки даются в тексте, а не в подстрочных примечаниях.

Материалы, не принятые к печати, редакция не возвращает.

О
ДОКАХ
И
ДОКЕРАХ

В русском языке слово *док* известно со времен Петра I. Одни ученые считают, что это слово было заимствовано из голландского языка (*dok*), другие же утверждают, что оно попало к нам из английского (*dock*). Оба языка, действительно, могли служить источником заимствования этого термина. Пройдя весь курс кораблестроительной науки на верфях Голландии, Петр I продолжил изучение морского дела в Англии. Вернувшись в Россию, он занялся созданием могущественного отечественного флота. Для этого был использован опыт ведущих зарубежных морских держав — Голландии и Англии. Грандиозные преобразования в морском деле, естественно, способствовали обновлению и расширению русской морской терминологии за счет иностранных морских терминов. Переводить их на русский язык не было времени и необходимости. В документах Петровской эпохи, относящихся к кораблестроительному делу, слово *док* встречается довольно часто. В январе 1702 года Петр I инструктирует Ф. М. Апраксина: «На Воронеже сколко возможно изготовя кораблей, свести на Дон и под Таганрог; тоже учинить и Азовским. Исправя док пловучей, спустить на воду и проводить до Воронежа» (Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889).

В словари русского языка слово *док* помещается примерно через сто лет с момента своего первого употребления. Одним из первых вводит его Н. Яновский в свой «Новый словотолкователь» (СПб., 1803) и дает ему следующее объяснение: «Реч[ное], мор[ское]... Выкопанное при морском берегу место в берегу; ров, в ко-

торой вода выпускаема и выпускаема из него быть может. Сии доки, которые бывают мокрые и сухие, служат для строения и починки кораблей. У нас в Кронштате канал под именем Петра Великого есть док, служащий как для строения кораблей, так и починок оных».

Это единственное значение у слова *док* отмечает и академический Словарь русского языка, изданный в 1847 году: «Место в порте, в которое вводятся корабли и суда для починки, или для осмотра подводной их части, по выкачке из него воды». Если «Новый словотолкователь» и Словарь 1847 года отмечают лишь значение, которое было известно в русском языке, то академический Словарь русского языка, вышедший в 1895 году, дает еще одно значение 'место разгрузки и нагрузки кораблей с устроенными при них пакгаузами'.

В голландском, английском и некоторых других языках слово *док* многозначно. В английском языке *док* и специальное место, предназначенное для погрузки и разгрузки судов, и специально оборудованные складские сооружения, находящиеся рядом с местом погрузки и разгрузки, и место для осмотра и ремонта подводной части судна.

В XVIII веке русскому языку, по-видимому, не было необходимости заимствовать слово *док* во всех его значениях, так как те реалии, которые обозначались словом *док* в ряде иностранных языков, в русском имели свои наименования. Места для стоянки, погрузки и разгрузки судов назывались у нас *гаванью*, *лименем*, *пристанью*, *причалом*, *портом*; место для хранения грузов именовалось *амбаром*, *магазином*, *пакгаузом*, *складом*.

Возможно, поэтому слово *док* вошло в русский язык и стало употребляться только в одном значении — 'специальное портовое сооружение для осмотра подводной части судов и их ремонта': «Катер идет мимо черных стенок плавучих доков. Мощные суда подняты в них на ремонт» («Известия», 11 января 1972).

Слово *док* вошло не только в русский язык. Оно употребляется и в других славянских языках: в украинском *док*, белорусском *док*, польском *док*, чешском *док*, словацком *док*, болгарском *док*, сербскохорватском *док*.

Слово *докер* относится к разряду лексики, употребляемой для обозначения реалий, широко распространенных в союзных и автономных республиках Советского Союза и за рубежом. К этой лексике, например, относятся слова *бистро* — 'небольшая закусочная, маленький ресторан'; *ковбой* — 'конный пастух'; *ранчо* — в Латинской Америке — 'хутор, усадьба' и на западе США — 'скотоводческая ферма'; *коррида*, *горадор*, *яранга*, *юрта*, *чум*. Употребление подобных слов всегда обусловлено жизнью, бытом той или иной страны,

«Докеры (англ. *docker*) — в капиталистических странах портовые грузчики, производящие погрузку и разгрузку судов, перевозку грузов в доках, портах и на пристанях. В большинстве капиталистических стран объединены в профсоюзы» (БСЭ). В художественной литературе слово *докер* часто употребляется с особым стилистическим заданием. Вот, например, как использует это слово и близкие ему по значению слова писатель Г. Холопов в одноименном романе «Докер» (М.—Л., 1965), описывая жизнь портовых грузчиков 20-х годов.

Диалог грузчиков о подготовке одного из них к работе за границей: «— Мне здесь надо поработать грузчиком, чтобы там на первых порах устроиться докером.— Где „там“? — спрашивает старшой.— Ну, там...— Я делаю неопределенный жест.— А кто такой „докер“? — Докер?... Так у них называют грузчиков, портовых рабочих».

Холопов в своем романе для названия одной профессии, наряду с *грузчик, портовый рабочий, докер*, использует слово *амбал*: «— Лишь мне пришлось остаться в Баку, поступить в порт. Я должен стать докером, то есть грузчиком, амбалом». Амбалами на юге России, в портах Каспийского моря называли и персов, занимающихся разгрузкой и погрузкой судов, и вообще грузчиков, чернобочих. Писателю понадобилось и общеизвестное слово *грузчик*, и местное слово *амбал* только для того, чтобы раскрыть читателю значение слова *докер*.

В 50—60-х годах слово *докер* получило широкое распространение. Оно встречается в периодической печати и художественной литературе, его можно услышать в передачах по радио и телевидению: «В самой Австралии пользуются большой популярностью новеллы Джона Моррисона из жизни докеров. Сам бывший докер, писатель хорошо знает жизнь портовых рабочих» («Литературная газета», 22 ноября 1956).

С полным правом слово *докер* вошло в однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: «Докер, -а, м. В Англии и нек[ото]рых др[угих] странах: портовый рабочий» (10-е изд. М., 1973).

В современном русском языке можно наблюдать интересное явление. Многие иностранные моряки называют советских портовых грузчиков, портовых рабочих своим словом *докер*, а советские журналисты, информирующие нас о жизни за рубежом, наряду со словом *докер*, пользуются привычными и понятными русскими названиями *портовый грузчик, портовый рабочий*: «В Находку прибыло американское судно „Ниагара“, доставившее 16 тысяч тонн пшеницы. Капитан „Ниагары“ выразил восхищение быстрой работой находкинских докеров» («Правда», 10 марта 1964); «Мертвые доки. Лондон, 23 декабря. (ТАСС). Над крупнейшими в Лондоне

грузовыми причалами Суррей прогремел артиллерийский залп. Пушки, однако, стреляли не в честь праздничного события. Они возвестили закрытие этих старейших доков на южном берегу Темзы. Более 270 лет не затихала в доках жизнь. Бывали дни, когда под погрузкой одновременно находилось 25 судов. Но вот конъюнктура изменилась, наступил экономический спад, возник финансовый кризис. Теперь 1600 портовых грузчиков должны искать заработок в других местах» («Смена», 24 декабря 1970).

В русской речной и морской терминологии с петровских времен известно слово *док* — 'специальное сооружение для осмотра подводной части судов и их ремонта'. Работающих в этих доках сейчас у нас называют и *судоремонтниками* и *портовиками*. В официально-деловой речи, документах, приказах, отчетах их именуют *портовыми рабочими*. *Портовыми рабочими* называют и тех, кто занимается разгрузкой и погрузкой судов в порту. Иноязычное слово *докер*, которым иногда пользуются журналисты, всего-навсего пока только синоним словосочетаний *портовый рабочий*, *портовый грузчик*.

Оправдано ли употребление некоторыми журналистами слова *докер* вместо *портовый рабочий*, *портовый грузчик*? Всегда ли целесообразна подобная замена? Свое отношение к этому вопросу высказал член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин в статье «Когда и как переводить на русский?» («Литературная газета», 17 апреля 1974). Комментируя отрывок текста, взятый из современной печати («Ходил пароходным официантом от Горького до Астрахани. Барменом пробовал, но это не по мне, хотя и денежно»), Ф. П. Филин пишет: «Может быть уместно употребить слово „бармен“ вместо „буфетчик“ при описании американского быта, но бармен на волжских пароходах?». Действительно, все хорошо на своем месте!

А может быть, слово *докер* в силу своей краткости войдет в русский язык и вытеснит словосочетания *портовый рабочий*, *портовый грузчик*? Мы уже говорили, что в некоторых языках существует семантическая связь между словами *док* (место для разгрузки и погрузки судов) и *докер* (грузчик, работающий на этих местах). В русском же языке такой связи нет (*порт* — *портовик*, *портовый рабочий*, *портовый грузчик*; *груз* — *грузчик*, *погрузочные работы*).

Усилиями журналистов, писателей, киносценаристов слово *докер* активно распространяется в русском языке, но будет ли оно русским официальным названием рабочей профессии, покажет время.

В. Н. СЕРГЕЕВ

Рисунок В. Толстоногова

● Слово оркестр (греческое orchestra) означало первоначально 'место для танцев'. В древнегреческом языке существовала большая группа слов (глаголы, существительные, прилагательные), означавшая либо действие, либо действующих лиц, связанных с танцевальным искусством. Древнегреческий глагол *orcheomai* значит 'плясать, танцевать'. Существительные *orchestmos* 'пляска, танец', *orchester* 'плясун, танцор', *orchestike* 'танцевальное искусство', прилагательное *orchestikos* 'танцевальный'.

В театре Древней Греции словом orchestra называлось пространство, площадка перед сценой, на которой во время представления находился хор. Как утверждает в своем Этимологическом словаре русского языка А. Г. Преображенский, слово orchestra и родственные ему слова восходят к древнегреческому глаголу *orcheo* 'поднимаю', то есть orchestra — не просто площадка, а площадка приподнятая. Позднее словом orchestra стало называться место между сценой и зрителями. Вот это место и стали занимать музыканты, и отсюда происходит современный термин *оркестр*.

Из какого же языка непосредственно вошло в русский язык слово оркестр. В Этимологическом словаре А. Г. Преображенского говорится, что слово оркестр в русском

ОРКЕСТР

ОРАТОРИЯ

КАНТАТА

языке — заимствование из западноевропейских языков; М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» полагает, что заимствование слова оркестр произошло через немецкое *orchester* в XVIII веке. Слово оркестр впервые зафиксировано в Словаре Нордстета в 1782 году.

Оркестр в русском языке имеет несколько значений. Оркестром называют совокупность музыкальных инструментов, одновременно участвующих в исполнении музыки: «В концерте исполнялась серенада для струнного оркестра П. И. Чайковского»; так же называют и самый коллектив музыкантов, исполняющих оркестровое произведение: «Симфонический оркестр Союза ССР — это высокопрофессиональный коллектив, которому доступно исполнение произведений любой степени трудности».

Этими значениями не исчерпывается весь объем слова *оркестр*. Оно имеет еще два значения. Об одном из них мы уже упоминали — «место между сценой и зрительным залом». В современном театре это место находится ниже сцены и зрительного зала и называется просто *оркестром* или *оркестровой ямой*: «До начала спектакля было еще далеко и в оркестре музыканты еще не появились». И, наконец, *оркестр* — «партия ансамбля в сложных музыкальных произведениях»: концерт для фортепиано или скрипки с оркестром, партия оркестра в опере. В операх Р. Вагнера, например, большая, самостоятельная роль отведена оркестру. Развернутыми оркестровыми вступлениями предваряется действие, оркестровыми средствами характеризуются персонажи в операх «Люэнгрин», «Тангейзер», «Кольцо Нибелунгов».

В настоящее время существует несколько видов оркестра. Прежде всего следует назвать оркестр симфонический, самый многочисленный и по составу инструментов и по числу музыкантов. Широкое распространение получили камерные оркестры. Само название говорит о том, что эти оркестры меньше по составу и инструментов и музыкантов. Известны также эстрадные оркестры, джаз-оркестры, оркестры народных инструментов.

● Вероятно, многие слышали по радио или в концертных залах оратории Д. Д. Шостаковича «Песнь о лесах», «На страже мира», «Патетическую ораторию» Г. В. Свиридова. Этот музыкальный жанр — оратория — очень древний.

Слово *оратория* (латинское *oratorium*, итальянское *oratoria*) восходит к латинскому *oro* «говорю; молю». Оратория возникла первоначально как музыкальное произведение духовного содержания, исполнявшееся солистами и хором с инструментальным сопровождением. Но почему все же этот музыкальный жанр получил назва-

ние *оратория*? Чтобы ответить на этот вопрос, нам понадобится вспомнить итальянское слово *лауда*, восходящее к латинскому *laudo* 'хвалю'; оно означает лирический гимн духовно-назидательного характера на какую-либо популярную в то время мелодию. Лауды были широко распространены в Италии в XIII—XIV веках. Исполнялись эти духовные песни в отдельном помещении при церкви на собраниях верующих. Это помещение при церкви называлось *ораториум*, его название перешло и на произведение, исполнявшееся здесь. Таким образом, можно сказать, что оратория развилась из лауд. С течением времени оратория как музыкальный жанр совершенствуется и окончательно формируется к XVI—XVII векам.

Оратория — крупное музыкальное произведение для хора, солистов-певцов и симфонического оркестра. Оратории пишутся обычно на какой-либо сюжет, однако в отличие от оперы предназначаются для концертного исполнения.

Оратория появилась почти одновременно с оперой и кантатой. Она имеет черты, сближающие ее с этими двумя музыкальными жанрами, и свои отличительные особенности. Оратория отличается от кантаты более крупным размером, сюжет оратории более развит, нежели в кантате, и носит эпико-драматический характер. В отличие же от оперы, в которой преобладает драматическое действие, для оратории характерен повествовательный элемент — в оратории нет драматического действия.

Первым произведением в жанре оратории считается «Представление о душе и теле» Э. дель Кавальери. Исполнялось это произведение как спектакль. Он был поставлен в Риме в 1600 году. Впоследствии элементы драматического спектакля в оратории исчезают. Иногда в ораторию вводится чтец-декламатор. В наше время оратория исполняется только как концертное произведение. Оратории сочинялись в разных странах (Италии, Англии, России). В истории музыки известны оратории Дж. Кариссими «Суд Соломона», «Иевфай»; И. Гайдна — «Сотворение мира», «Времена года»; Г. Генделя — «Мессия», «Самсон». Русские композиторы также обращались к жанру оратории. Известны оратории С. А. Дегтярева «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы» (1811), А. Г. Рубинштейна «Потерянный рай» (1856).

● Слово *кантата* — итальянское (*cantata* — песня, от *cantare* — петь).

Кантата возникла, как и оратория, в Италии, в XVII веке как форма сольной вокальной лирики, затем превратилась в небольшую камерную оперу. Такая кантата исполнялась солистами, без хора и носила лирический характер. Это была так называемая камерная

кантата. Со временем появляется кантата и иного характера, так называемая кантата хоровая, где главную роль стал играть хор. В кантате такого рода солисты или занимают незначительное место или отсутствуют вовсе. Кантата приобретает торжественный характер.

Содержание кантаты могло быть как духовным, так и светским. Кантата, как и другие музыкальные жанры, прошла длительный путь развития. И сейчас мы можем определить кантату как «произведение торжественного или лирико-эпического содержания, состоящее из нескольких законченных номеров и исполняемое певцами-солистами, а также хором в сопровождении оркестра» (Энциклопедический музыкальный словарь. М., 1966). Кантата и оратория по своему строению близки, однако есть у них и различия. Во-первых, кантата бывает обычно меньшего размера, нежели оратория, и во-вторых, сюжет кантаты менее разработан, чем в оратории.

Слово *кантата* впервые зафиксировано в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (СПб., 1804). В дальнейшем это слово включалось и в Общий церковно-славяно-русский словарь П. Соколова (СПб., 1834) и в более поздние словари.

Многие композиторы, и зарубежные и русские, отдали дань в своем творчестве кантате. Известны кантаты И.-С. Баха, В.-А. Моцарта. В России впервые кантаты были написаны в XVIII веке П. А. Скоковым. А в начале XIX века, в 1812 году, появляются произведения типа кантаты, написанные Д. С. Бортнянским: «Марш всеобщего ополчения в России», «Певец во стане русских воинов»; кантаты А. Н. Верстовского — «Пир Петра I», «Последний день Помпеи». Получили широкую известность написанные позже кантаты П. И. Чайковского «Москва», С. В. Рахманинова «Колокола», С. И. Танеева «Иоанн Дамаскин» и другие. Дальнейшее развитие жанр кантаты получил у советских композиторов, которые внесли в кантату современное содержание, новые образы, связали ее с народной песней. Упомянем здесь в качестве примера кантату С. С. Прокофьева «Александр Невский» и «Кантату о Родине» А. Арутюняна.

В. С. ФИЛИППОВ

Рисунок Б. Захарова

КОРНЯМИ ОБВЕСТИ

В русских народных говорах представлен богатый и разнообразный фразеологический материал. Многие фразеологические единицы, хотя и состоят из слов общенародного употребления, неизвестны литературному языку. Приведенное устойчивое сочетание, записанное в селе Сайтовка Починковского района Горьковской области, имеет значение «заворожить, околдовать».

Возникновение его связано, очевидно, с магическим колдовским заговором, не сохранившимся в настоящее время в исследуемом говоре. Вера в силу «приворотных корней» идет со времен язычества и сохраняется в народе многие века. Для доказательства этого достаточно привести данные памятников письменности древнерусского языка. «Корение — волхование: — Корение творяше и дивы творя языку Самаренску. Поведаи, юноше, кими корении прокаже» (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка). Как показывают памятники письменности, в Московской Руси XVII века народ живет во мраке суеверий. Так, А. Н. Афанасьев, исследуя архивные материалы этого времени, описывает в своей книге «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1869) такой случай: «В 1633 г. одна „золотная“ мастерица выронила во дворце платок, в котором был завернут корень. По этому поводу произвели розыск. Мастерица на вопрос — где она взяла корень и зачем ходит с ним к государю? — отвечала, что корень нелихой, а носит его при себе „от сердечной боли“, что сердцем больна. Жаловалась она одной жонке, что до нее муж лих, а та жонка дала ей корень обратим [обращающий на любовь] ...На царском же дворе она никого портить не хотела и с иными коренщицами не знается. Золотную мастерицу и ту жонку, на которую она сослалась, пытали и потом отправили в ссылку в дальние города».

М. И. Семевский в статье «Семейство Монсов» (журнал «Время». Том IV. Пг, 1862), составленной на основании архивных документов, приводит следующее свидетельство розыскного дела, из которого видно, что любовь Петра I к Екатерине и расположение его к Меншикову в народе объяснялось тем, что будто бы «она с князем Меншиковым его величество кореньем обвела».

В данном случае наблюдается образование устойчивого сочетания на базе названия магического колдовского обряда. Этот процесс более отчетливо прослеживается на материале литературы XIX века. У П. И. Мельникова-Печерского: «— В разум не возьму, что за человек этот Потап Максимыч,— молвил Трифон.— Ровно ты, парень, хорнями обвел его»; «Коль не мне, никому за тобой не быть! Крови твоей напьюсь, а другой не отдам! А эту разлучницу, эту змею подколодную!.. Корнями ее обвести, зельем опить, ножом зарезать!»; «Ах, Фленушка, Фленушка! Корнями, что ли, обвела ты меня, заколдовала что ли, злодейка, красотой своей!» (В лесах).

Выражение *корнями обвести* в Словаре В. Даля не отмечено, но на слово *корень* в иллюстративном материале находим: «Приворотный корешок, у знахарей и ворожеек, заставляющий любить кого... Рыть коренья, лютые коренья, заниматься знахарством... Не с доброго умысла злы коренья копают... Приворотный и отворотный корешок, зелье знахаря, которым он заставляет полюбить и разлюбить кого-либо».

Б. Ф. ЗАХАРОВ
Саранск

Рисунок В. Толстоногова

1200 РУССКИХ ЧЕЛОБИТНЫХ

Эта книга адресована всем, кто горячо любит родной язык. Речь идет о только что увидевшей свет монографии С. С. Волкова «Лексика русских челобитных XVII века».

Впервые анализируются особенности 1200 челобитных (прошений, заявлений, обращений, жалоб и т. п.), написанных представителями различных социальных групп русского общества той поры. Главная задача этой работы, по словам автора,— изучение словарного состава русских челобитных как одной из разновидностей деловой письменности и как источника, раскрывающего лексику разговорно-бытовой речи эпохи.

Монография опубликована издательством Ленинградского университета под научной редакцией профессора Н. А. Мещерякова.

Лен ТАСС

Яков Карлович ГРОТ

Яков Карлович Грот (по деду — выходец из Германии) родился в Санкт-Петербурге 15 (27) декабря 1812 года. В 1826—1832 годах учился в Царскосельском лицее, а затем уехал служить в Финляндию. Он начал деятельность поэта и переводчика, еще исполняя чиновничьи должности, но в конце концов оставил и поэзию, и хождение в должность. В 1841 году он стал профессором Гельсингфорского университета, а с 1853 года — Петербургского лицея. С начала пятидесятых годов его основные научные интересы сосредотачиваются в области русского языкознания; продуктивная работа в этом направлении принесла ему звание академика (в 1858 году). Он скончался 25 мая (5 июня) 1893 года.

Традиции Царскосельского лицея, сыгравшего в культурной, общественной и политической жизни России важную и прогрессивную роль, направили творческую энергию Грота на разработку проблем, связанных с нормализацией русского литературного языка. Новой русской нации потребовался литературный язык, годный для всех слоев общества, основанный «на русском разговоре». Однако и во времена Пушкина выступали еще сторонники адмирала А. С. Шишкова, преклонявшиеся перед церковнославянским языком, а в светских салонах дамы предпочитали французский язык. В первой четверти века творческая практика художников слова еще не стала всеобщей и обязательной нормой языка.

Первые опыты кодификации нового русского литературного языка были произведены академиком А. Х. Востоковым в своей «Русской грамматике... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенной» (СПб., 1831). Ориентируясь на язык Пушкина, Востоков предварительно описал новую устную норму

языка. Его интересовали проблемы русской орфоэпии в самом широком смысле этого термина, однако он не коснулся письменной формы литературного языка и не объяснил многие факты современной ему русской речи. Нужно было закончить начатое Пушкиным и Востоковым, совместить разрозненные разработки поэта и академика в единую систему русского литературного языка. Эту работу и выполнил Яков Карлович Грот, тщательно изучив язык современной ему литературы. Четверть века он готовил и издавал тексты, всматривался в особенности русского языка у Ломоносова, Державина, Карамзина, Хемницера, Жуковского, Крылова, Пушкина. Полное критическое издание сочинений Державина в девяти томах считается образцовым до настоящего времени. («Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота». Т. 1—9. СПб., 1864—1883.) Изучая язык различных писателей, Грот пытался определить тенденции развития этого языка.

Стихийным, неосознанным порывом Державина объясняет он разрушение старых стилей и литературных норм. «...И в лучших своих стихотворениях Державин не избегает неровностей языка: он не умеет отдавать себе строгого отчета в его употреблении... не успев приобрести литературного образования, которое бы отвечало силе его таланта, Державин для выражения своей поэтической мысли обращается с языком самовластно: он не боится ошибок против грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею в яркий и резкий образ... Его язык, при всем видимом своем своенравии, есть язык выразительный, сильный и пластический. Его слог мужествен и полон энергии» (Язык Державина. В кн. «Сочинения Державина», т. IX, СПб., 1883). Державин смело соединяет слова разных стилей (в оде «На счастье»: «Бояре понадудли пузы...»), разрывает традиционные синтаксические связи слов (в оде «Изображение Фелицы»: «Имея сердце, руки белы, Мне стыдно лстить, стыднее лгать...»), причудливо сплетает в одном слове церковнославянские и русские грамматические характеристики («Вняв вод твоих падающих рев...»; «И их молению внемли...»).

Грот отметил, что Карамзин — по времени первый русский писатель, который вообще не держался теории трех стилей. Это обстоятельство могло бы привести к созданию русского литературного языка еще в конце XVIII века. Однако сам Карамзин работал только в жанрах «среднего слога» и в исправлении его ограничился только синтаксисом — разговорные синтаксические конструкции стали каркасом текста, словесно заполняемого условно русскими словами. На самом же деле довольно часто здесь были заимствованные из западных языков или образованные по их ти-

пу кальки, изящные, но придуманные образования, даже русские архаизмы, которые ему встречались при чтении древней летописи. В отличие от Державина Карамзин уже ищет новый литературный канон, но делает это пассивно и односторонне. Пушкин глубоко и всесторонне понял свою задачу и завершил создание нового литературного языка — на всех уровнях и для всех жанров литературы. Он начал с работы над словом, постепенно вытесняя из своих произведений архаизмы, и закончил филигранной отработкой звучания поэтического текста; он начал с од и закончил историческим исследованием.

Изучив язык литературы, Грот приступает к определению литературного языка своего времени. Появляются его работы: «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (СПб., 1876), «Филологические разыскания. 1852—1892» (СПб., 1899), в которые вошли многие его статьи по ударению, словообразованию, лексикологии, «Русское правописание. Руководство, составленное по поручению II отделения императорской Академии наук» (СПб., 1885). Все эти работы написаны в русле сравнительно-исторического языкознания, для которого был характерен глубокий интерес к морфеме как основной единице языка. Однако Грот вносит в современное ему языкознание нечто новое: он описывает не древний язык памятников, а факты литературного языка, исторических комментариев сознательно избегает, пытается представить систему языка той поры в его действии. Грот, оставаясь авторитетом для самых различных слоев общества, уловил тенденцию развития литературного языка, обладая глубокими знаниями и безошибочным вкусом, произвел его нормализацию. Рассмотрим здесь только три аспекта нормализаторской деятельности Грота.

Он определил некоторые закономерности русского ударения, установив его морфологическое значение. Грот доказал, что для русского ударения важно, сколько и каких именно морфем в слове, в какие грамматические парадигмы это слово входит, не различает ли ударение одно и то же слово по смыслу или стилистически. Он отмечает, например, что ударение на суффиксе *-иц/а/* придает слову «облагораживающее значение» (дѣва, но девѣца), тогда как ударение на корне при таком суффиксе обычно связано с отрицательными или «недостаточными понятиями» (распѹтица, бессмыслица, неурядица).

Грот, дополняя Востокова в вопросе о роли ударения в словоизменении, устанавливает зависимость словообразования от характера ударений. Он определил «разумные основания» акцентировок, связывающие производное слово с производящей основой: знакомый — знако́мец, молодѳй — молодѣ́ц, ста́рый — ста́рец;

каждый раз ударение нового слова определяется ударением исходной основы. Все родственные слова образуют единую акцентную группу, они как бы объединены в одну семью с общей акцентной характеристикой. Впоследствии это наблюдение ляжет в основу закона акцентного подобия, который имел в древнеславянском языке абсолютное значение. Грот убедительно показал, что все современные исключения из такой акцентологической зависимости связаны с тем, что слово выходит из живой системы языка. Это может быть результатом поздней грамматической аналогии либо внутри типа склонения, либо внутри акцентного типа. Ударение в слове *глупѣцъ* предполагает ударение *глупо́й* — однако в современном русском литературном языке ему соответствует ударение *глупый*. Очевидно нарушение закономерности — на самом деле древнее ударение прилагательного *глупо́й*, оно до сих пор сохраняется в русских говорах. Исключение появляется и при столкновении русского языка с церковнославянским. Все образования с суффиксом *-ени(е)* пришли в русский язык из церковнославянского языка, поэтому-то в таких словах столь много исключений из акцентного правила: *лечи́ть* и *лече́ние*, но *ста́рый* и *ста́рѣние* вместо *ста́рение* — последнее ударение и возникает в речи как бы произвольно, незаметно для говорящих. Оно определяется ударением производящего слова *ста́ригь*.

В своих работах Грот — сторонник сравнительного метода в языкознании — в основу описания положил морфему. Историческая справка ему нужна только для того, чтобы объяснить кажущееся исключение.

Из морфемы Грот исходит и в своих орфографических разработках. Передавать на письме звучащую речь можно самым различным образом. Можно писать так, как говорят все вокруг — фонетическое письмо, как говорили в далеком прошлом — традиционное письмо. Первым способом пользуются сербы, вторым — англичане. Грот нашел другой путь, очень близкий к традиционному письму, заметив то обстоятельство, что для нашего письма служит азбука, изобретенная для другой, хотя и близкой, однако ж во многих отношениях своеобразной, фонетики. Это было причиной, что наше правописание приняло преобладающий исторический или этимологический характер. В таком разъяснении указана связь традиционного (исторического) письма с морфологическим: этимологией во времена Грота называли морфологию.

Грот строже, чем его предшественники, различает звук и букву. Он разграничивает устную и письменную формы литературного языка, считает *й, ъ, ь* буквами.

Выявив графические особенности русского письма, его алфавит, Грот переходит к характеристике правильного письма. Диф-

тонг [йэ] изображается двумя разными способами: *е*, *ѣ*. Обе буквы произносятся совершенно одинаково, но пишется то одна, то другая, смотря по требованиям словопроизводства и грамматики. Так устанавливается морфологический принцип русской орфографии: на письме следует соблюдать единство графического облика одной и той же морфемы. В ряду форм *лѣсъ, по лѣсу, лѣса, лѣсовицѣ, лѣсной* ударение перемещается от формы к форме, изменяется в связи с тем и произношение корневого гласного, но на письме мы всегда передаем его буквой *ѣ*. Наоборот, в ряду форм *село, сель, сельский* при аналогичных колебаниях в произношении всегда корневой гласной мы должны изображать буквой *е*. К морфологическому критерию письма присоединяется историческое обоснование различия между буквами *ѣ* и *е*. В этом Грот исходил из традиции русского письма. Уже и в его время приходилось запоминать морфемы, которые следует писать с *ѣ*; сам Грот провел большую исследовательскую работу, устанавливая эти морфемы и обосновывая их написания. И только в 1918 году такая традиция была преодолена устранением буквы *ѣ*, поскольку недостатки графики тормозили развитие орфографии. Основное же положение Грота о морфологическом характере русской орфографии осталось незабываемым: ведь и теперь мы во всех случаях пишем *лес, по лесу, леса, лесовик, лесной; село, сел, сельский* — хотя произносим все эти формы по-разному.

Последние годы жизни Грот посвятил лексикографической работе. В ней он также видел поле для нормализаторской деятельности. Выпущенные до 1887 года словари были неудачны именно как словари литературного языка. Они не были нормативными словарями современного языка. Славянизмы, диалектизмы, заимствования, всякого рода новые слова буквально переполняли «Словарь Академии Российской» (1806), затем «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) (редактором его второго тома когда-то был сам Грот), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (2-е изд., 1880—1882). Когда встал вопрос о переиздании Словаря 1847 года, Грот заметил, что существенное отличие будущего словаря от прежних заключается в том, что это будет словарь собственно русского языка — от Ломоносова до Пушкина, практический словарь для образованного человека, основанный на образцовых текстах. В 1887 году Грот составил программу нового словаря и активно приступил к его подготовке. При жизни Грота вышел первый том Словаря русского языка, составленного II отделением императорской Академии наук (т. I, А — Д, СПб., 1893—1895). По сравнению со Словарем 1847 года, который на эти буквы включал 22 342 слова, теперь было дано даже несколько меньшее число слов — 21 648, но в боль-

шинстве своем слова, рекомендуемые как русские литературные. Это был словарь русского литературного языка нормативного типа, но все-таки с историческим уклоном. Легко понять причину такого смещения словарных жанров. Формирование литературного языка активно продолжалось, еще сохранялись исторические и стилистические связи с традиционным литературным языком, не все старые слова ощущались архаизмами. Исторический подход чувствовался даже при рассмотрении значения слов. Вместе с тем Словарь Грота — первый русский нормативный словарь; его нормативность — в системе стилистических и грамматических помет, в тонкой разработке добавочных значений слова. Смысл нового типа словаря не был понят воспреемниками Грота, и после его смерти А. А. Шахматов сделал попытку превратить его в полный словарь.

Грот был также первым автором словаря отдельного писателя — «Словарь к стихотворениям Державина» (СПб., 1883). По мнению ученого, он должен быть дифференциальным, его цель — «служить материалом для истории общеупотребительного языка, для общего словаря его и грамматики... Изучение языка какого-нибудь писателя должно, конечно, иметь предметом знание особенностей, с которыми является у него язык, возможности видеть, каким образом он решает затруднения, представляющиеся пишущему в применении законов этого языка. Поучительно, например, знать, в каком, отличном от обыкновенного, значении он употребляет некоторые слова, которой из двух или нескольких форм он отдает предпочтение, какие у него попадают замечательные обороты и сочетания слов, как он поступает при образовании известного рода предложений, при согласовании и управлении слов, наконец, нет ли у него исключительно ему принадлежащих слов и выражений». Подобный словарь сам Грот и составил к произведениям Державина. Неполный и не совсем точный, он остался только первым опытом такого рода, тем не менее эта работа важна как подготовительная к его нормативному словарю русского языка. Выписывая только интересную по какому-то признаку лексику поэта, Грот еще не ставит перед собою задачи определить лексическую систему данного автора (как это делается в современных словарях этого типа); вместе с тем он не делает попыток проследить внутреннее развитие отдельных слов на протяжении столет (от Державина до Грота), что было бы характерно для лексикографической практики его времени.

В стихотворениях Державина в числе прочих Грота привлекает слово *жрать*, и он выписывает цитаты и с древним значением этого слова «принести в жертву» («Сруб на алтаре... В миг един пожерлся»), и с производным от него значением «уничтожать, поглотить» («Змея... живого жрет меня до гроба»; «Все вечности жер-

ло пожрет»). Только внимательное изучение поэзии Державина показывает, что именно эти два значения слова и характерны для поэта; из словаря Грота это остается неясным. У Пушкина Грот мог бы обнаружить следующую стадию изменения слова. Поэт использует его только во втором значении — 'уничтожать', но зато в самых различных текстах: и в частном письме к жене («Не обязан на балах дремать да жрать мороженое»), и в высокой поэзии («Он поле пожирал очами»). В дошедших до нас текстах Пушкин употребил это слово всего четыре раза и ни разу ни в исконном значении 'приносить в жертву', ни в новом для современного нам языка грубо-просторечном — 'есть, насыщаться с жадностью (о животных и людях)'. Для Пушкина это слово несущественно, оно вне стиля. Переход от высокого стиля в низкий осуществляется через отношение к нейтральному среднему (со значением 'поглощать'), хотя в стилистическом отношении оно и оставалось всегда синонимом для слова *есть*. Грота интересовали не язык отдельного автора и не история отдельного слова, а в соответствии с потребностями его времени, система русских слов, понятая как литературная норма.

Академик Грот внес ценный вклад в оформление современного нам русского литературного языка. Всесторонне осознав принцип нормативности и признав его социальную важность, он проделал большую работу для того, чтобы сделать это открытие достоянием нации.

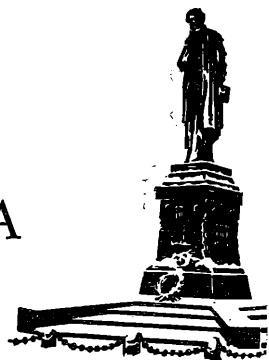
В. В. КОЛЕСОВ
Ленинград

400 ЛЕТ РУССКОМУ БУКВАРЮ

«Вы же, младыя отрочата, слышите и рузумеите и зрите сего. Сия зримая малая книжица, по реченному алфавитица, напечатана бысть по царскому велению, вам же, младым детям, к научению. Ты же, благоумное отроча, внимай, и от нижния степени на вышнюю возступай. И неленостне и не нерадиве учися, и дидискала [учителя] своего во всем блюдися. И не сопротивляйся ему в добром ни в чем, наипаче преклоняй ему выю свою во всем... К мяккому воску чпсто печать воображается, тако же и учение во младости крепче вкореняется... Аще научиши себе во младости, то будет ти покой и честь во старости...»

«Букварь языка словенска» Василия
Бурцова

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

19 сентября 1974 года Президиум Академии наук СССР постановил присудить премию имени А. С. Пушкина доктору филологических наук Анастасии Петровне Евгеньевой (Институт русского языка АН СССР) за работу по подготовке двухтомного «Словаря синонимов русского языка» (том I, А—Н, изд-во «Наука», Л., 1970; том II, О—Я, изд-во «Наука», Л., 1971).

Премия имени А. С. Пушкина присуждается один раз в три года советским ученым за лучшие работы в области русского языка и литературы. Ранее (в 1971 году) этой премии был удостоен академик Виктор Владимирович Виноградов (посмертно) за цикл исследований: «Язык Пушкина», «Стиль Пушкина», «О языке художественной литературы», «Проблема авторства и теория стилей», «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика».

«Словарь синонимов русского языка» составлен коллективом сотрудников, но ведущая роль в его создании принадлежит главному редактору А. П. Евгеньевой. Словарь задуман по ее плану, ею разработаны и его теоретические принципы. Такого сходного по теме труда ни по объему (свыше двухсот печатных листов), ни по научной ценности еще не было в отечественной лексикографии. Данный словарь — это первый опыт полного описания синонимов русского языка с характеристикой их особенностей (стилистических и семантических).

В двух томах 4148 словарных статей. В каждой статье приводятся не только все синонимы, но выясняются оттенки их значения, а также сфера употребления (книжная, поэтическая, разговорная речь, просторечие и т. д.). Все определения подтверждаются примерами из произведений художественной литературы от Пуш-

кина до наших дней, из произведений публицистической и научной литературы. Примеры служат одновременно образцами для употребления синонимов. Рассчитан словарь на широкий круг читателей и, в частности, является незаменимым практическим руководством для работников прессы, журналистов.

На основании словаря можно составить себе яркое представление о лексическом богатстве русского языка, поскольку оно заключается не только в количестве слов, но и в возможности дать разнообразные эмоциональные, оценочные и иные характеристики благодаря большому числу синонимов в определенных синонимических рядах. Это богатство русского языка позволяет говорящему, пишущему выбрать то слово из синонимического ряда, которое наиболее точно, ясно характеризует лицо, предмет, явление, действие. Так, в синонимическом ряду с опорным или основным словом *красный* — двенадцать синонимов, со словом *богаться* — десять, по семи синонимов в статьях со словами *громадный* и *смелый*, шесть в статье со словом *очаровательный* и т. д. Выбор действительно исключительно велик.

Весьма поэтично сказано об оттенках значения слова в романе А. Грина «Алые паруса»: «Роясь в легком сопротивлении шелка, он различал цвета: красный бледный, розовый и розовый темный; густые закипи вишневых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов; здесь были оттенки всех сил и значений, различные в своем мнимом родстве, подобно словам: „очаровательно“, „прекрасно“, „великолепно“, „совершенно“; в складках таились намеки, недоступные языку зрения, но истинный алый цвет долго не представлялся глазам нашего капитана».

Значение двухтомного «Словаря синонимов русского языка» и в том, что он является образцом для составления синонимических словарей других языков Советского Союза. Украинские лингвисты Л. Паламарчук и Л. Роднина в рецензии, помещенной в журнале «Мовознавство» (1972, № 3) отметили, что издание Большого академического «Словаря синонимов русского языка» — выдающееся событие не только в русской советской лексикографии, но и в научной и культурной жизни всей нашей страны. Молдавский лингвист С. Г. Бережан в отзыве (опубликован в журнале «Вопросы языкознания», 1971, № 5) подчеркнул практическую ценность словаря и тоже указал, что его значение выходит за рамки русской лексикографии и лексикологии.

Весь тираж словаря был раскуплен в течение одной недели после его выхода в свет. Было признано необходимым вновь издать словарь синонимов русского языка, но не двухтомный, а однотомный, рассчитанный на еще более широкий круг читателей. Этот словарь, также под редакцией А. П. Евгеньевой, выйдет в 1975 году.

Отметим попутно, что в 1976 году будет переиздан четырехтомный «Словарь русского языка» (первое издание вышло в 1957—1961 гг.), под редакцией А. П. Евгеньевой.

Говоря о заслугах главного редактора двухтомного «Словаря синонимов русского языка» профессора А. П. Евгеньевой, вновь вспомним с благодарностью и о редакторах, помощниках редакторов и составителях этого капитального труда.

В. Б.

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

В приведенных отрывках из произведений Пушкина, Островского, Чехова собеседники как бы не понимают друг друга. Чем именно в каждом из приведенных случаев может быть объяснено отсутствие «языкового контакта»?

В черновых примечаниях к «Евгению Онегину» есть такая запись:

Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж?

— По страсти, родимый,— отвечала она.— Приказчик и староста обещали меня до полусмерти прибить.

В пьесе А. Н. Островского «Бешеные деньги» (действие IV):

Телятев. ...Вы, я слышал, были в Лондоне, а в Марокко не были?

Василий. Эдаких стран я, сударь, и не слыхивал. Морок, так Мороком и останется, а нам не для чего. У нас, по нашим грехам, тоже этого достаточно, обморочат как раз.

В рассказе Чехова «Новая дача» стена непонимания отделяет инженера Кучерова от окрестных мужиков.

— Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою...

— По дороге около Никитовой гречи того.. инженер с собачкой...— начал Родион, отдохнул, почесывая себе бока и локти.— Платить, говорит, надо... Монетой, говорит... Монетой не монетой, а уж по гривеннику со двора надо бы. Уж очень обижаем барина. Жалко мне.

Вятский словарь Н. М. Васнецова

С 1892 года в Памятной книжке Вятской губернии и вятском календаре начали печататься «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора». В 1907 году губернский статистический комитет в Вятке издал этот Словарь отдельной книгой.

Николай Михайлович Васнецов был старшим братом известных русских художников В. М. Васнецова и А. М. Васнецова, в чьем творчестве так ярко проявились национальные русские черты, их горячая любовь к родине и родной русской природе, увлеченность русским народным творчеством (вспомним хотя бы «Аленушку» и «Богатырей» В. М. Васнецова). Прототипами героев В. М. Васнецова были вятские крестьяне. Напомним также, что он иллюстрировал пословицы и поговорки русского народа, а А. М. Васнецову принадлежит сборник народных песен, собранных им на родине, в Вятской губернии.

Молодость Н. М. Васнецова прошла в 60-е годы, когда особенно остро проявился живой интерес к народной жизни, народному творчеству и языку. Н. М. Васнецов был сельским учителем, всю жизнь прожил в Вятской губернии и поэтому хорошо знал местные говоры, с увлечением занимался собирательской работой, подготавливая материалы для будущего словаря. Свою задачу Н. М. Васнецов видел в том, чтобы познакомить читателя со своеобразным языком своей родины — Вятского края. Он был убежден, что живая речь вятичей заслуживает всеобщего интереса, так как в ней много старинных, не сохранившихся в литературном языке слов, чисто поэтических выражений.

В предисловии к Словарю, где сообщается читателям, какие слова помещены, Н. М. Васнецов называет диалектные и те общенародные слова, отдельные значения которых были известны только в говорах. Практически автор расширил свою задачу: наряду со словами диалектными он включил также общеизвестные литературные, такие как *вьюга, ведомо, вежа, вешка, гумно, гуца, двойня* (процент общенародной лексики довольно значителен). До сих пор Словарь Н. М. Васнецова остается наиболее полным словарем Вятского края. Он содержит лексику бытовую, сельскохозяйственную (полеводства, пчеловодства), лексику, относящуюся к лесному хозяйству, смолокурению, рыболовству, ткачеству, а также слова, относящиеся к местным обрядам и обычаям.

В отличие от словарей А. О. Подвысоцкого и Г. И. Куликовского у Н. М. Васнецова в меньшей степени проявляется этнографизм: толкования местной терминологической лексики в нем более краткие, реже встречаются приметы, поверья, описание обычаев. Кроме отдельных слов, включены также различные фразеологические выражения и обороты, которые, как правило, оформлены в самостоятельные статьи: *назад — переды* 'задом наперед, обратно, навыворот' (рубашу надел назад — переды, ты считай назад — переды); *доводить до дела* 'выучить чему-либо' (отдам в ученье парня, доводи до дела). Таких выражений и оборотов в Словаре немного, немного также пословиц, поговорок и примет, часть из которых помещается самостоятельными статьями, большинство же приводится в качестве иллюстраций. Например, слово *лихосной* 'приобретенный несправедливо, нечестным путем' иллюстрируется поговоркой — *лихосное живет неспоро*, слово *поглядка* 'поглядыванье, взгляд' — поговоркой — *с поглядки сыт не будешь; сулить* 'обещать' — пословицей: *тонет — топор сулит, а вынырнул — и топорища жаль*; в статье *ростунчик* 'ломтик каравая, следующий непосредственно за горбушкой' (на тебе ростунчик, расти пуще) приведена поговорка — *кто ест ростунчик, тот будет расти*, а при слове *спориться* находим примету — *не обижай сироту, в доме не будет спориться*.

В Словаре Н. М. Васнецова, за небольшими исключениями, статьи расположены в алфавитном порядке. Исключения касаются главным образом наречий и реже глаголов: иногда несколько однокорневых наречий с одним и тем же значением и близких по внешнему облику объединяются в одну статью (докеле, докелева, докель или откуль, откуля, откулечка); также объединяются синонимичные однокорневые глаголы (ожадовать и ожадовать, осясь и осясть). Словарные статьи, как правило, очень краткие, лаконичные; обычно они состоят из заголовка, толкования значения и одной или двух иллюстраций: «Рбскагъ, и, суцъ, ж. Раскатанный,

укатанный уклон по бокам зимней дороги; *покат*. Ну и дорога! Ты тут поосторожнее на раскатах».

В этом Словаре находим систематические указания на грамматические свойства слова: при всех словах имеются сведения о части речи, о форме родительного падежа (при существительных), слова приводятся с ударением, отмечается употребление одной части речи в значении другой. Но грамматическая характеристика слов не является исчерпывающей, например отсутствуют в заголовке статьи личные формы глаголов, хотя частичные представления об этих формах читатель получает из приведенных в статьях иллюстраций.

При определении значений слов, как и в других областных словарях, автор нередко прибегает к переводу с помощью литературного слова: *пóлмишной* — лишний; *обрадѣть* — обрадоваться. Большинство слов имеют обычные, принятые в словарях краткие толкования значений. Примером может служить слово *ободня́ть*, имеющее два значения: первое толкуется как «начаться дню» (ободняло уж этак, как дернулись со двора) и второе — «разгуляться дню» — в смысле хорошего состояния, хорошей погоды — ясной, ведреной (славно таково ободняло). Впрочем попадаются и пространные объяснения: подробно толкуется свадебный термин *дружка* — не только говорится, кто им может быть, каковы функции дружки на свадьбе, но описывается почти весь местный свадебный обряд.

В ряде случаев и обычные слова нетерминологического характера получают довольно пространные объяснения значений. Слово *пона́стеть* толкуется как «покрыться настом». Автор не удовлетворяется этим толкованием и поясняет: «По весне (6 марта), в великом poste, по утрам снег от утренников твердеет, и можно по нему ходить, не проступаясь. Это и значит «понастеть». Так же толкуется и значение слова *князьки* — «отборные, лучшие стебли хлебов, льна». Затем подробно разъясняется, что князьки возвышаются над нивой и имеют крупный колос, крупную метелку. Князьки можно собирать для семян. В ряде случаев такие пояснения нужны, когда толкуются слова, малоизвестные городскому жителю. Но иногда такие объяснения явно обращают на себя внимание излишней пространностью рассуждений, особенно когда толкуются значения самых обычных слов, имеющих соответствия в литературном языке. Например, подробно объясняется значение слова *вихлявый*, хотя здесь достаточно было бы привести литературное *вертлявый*.

Важно, что очень многие слова и значения слов подтверждены примерами из живой диалектной речи. *Жатье*, обозначающее самую работу — жатву и время жатвы, иллюстрируется следующими упо-

треблениями: надо начинать жатье ржанова; теперь только и жатье, покуле ведро; а слово *забѣдно* — ‘обидно, очень горько; весьма прискорбно’: как это она вымолвила, так-то мне забедно стало, ой!.. Смотрите также статьи: *Наголо* — ‘есть привар (щи, жареное) без хлеба’ (Чего ты наголо-то жорешь? Наголо съел яйцо); *взаноску* — ‘заносно, когда небо заволакивается дождевыми облаками; сумрачно’ (Небо-то ведь взаноску, как бы ладно стало жать); *загибѣня* — ‘непослушный человек, упрямый’ (Загибѣня! Загнет башку и не сломишь его. Послушай добрых-то хоть людей, загибѣня) и многие другие.

Загрудняет чтение Словаря использование в толкованиях диалектных слов: *зык* — ‘окрик, счув, остановка’ (вовсе зыку не бояться ребята).

Конечно, с точки зрения современной лексикографии, автору можно было бы сделать ряд упреков (например, отдельные контекстуальные употребления он принимает за самостоятельные значения; иногда в одной статье объединяет очень далекие понятия, которые правильнее было бы поместить отдельными статьями), но, безусловно, не эти погрешности и неточности определяют значение этого областного словаря, созданного еще в конце XIX века.

В качестве иллюстраций нередко используются и народные песни. Обычно автор подтверждает ими употребление народно-поэтических слов, не встречающихся в обычной, бытовой речи. *Спобыть* ‘занять’ иллюстрируется отрывком из песни: Мое сердце ретивое Спобыло во мне; *спобывать* ‘побывать, приехать, посетить’: Еще что милой Письма не пишет, Сам не спобывает. Иногда в статье отмечается, что это слово поэтическое. В статье *назбла* ‘тоска, грусть; сердечное томление’ имеется замечание — «поэтическое выражение» и приводится пример из песни: Во зеленом садике Пташки поют; Поют, воспевают, Назолу дают, Назолу — назолушку Сердцу моему.

Многочисленные примеры употребления собранных в Словаре диалектных слов вместе с богатством словника являются несомненным достоинством Словаря, обеспечившим ему непреходящую ценность как памятнику русской живой диалектной речи конца XIX — начала XX века.

О. Д. КУЗНЕЦОВА
Ленинград

Нора́ и понбра́ (пб́нор)

Русское *нора́* общеизвестно. Оно обозначает или 'углубление в земле, вырытое животным и служащее ему жильем', или 'тесное темное помещение'. Однокоренных слов у него много: *нырять* и *проныра*; *норка* и *нырок*; *пону́рый* и диалектное *ну́ра* 'угрюмый, скучный, молчаливый человек'; *пону́р* и *подну́р* 'подземный проток'; *норица* 'язва на загривке у лошади вследствие натертости' и древнее *внурѣти*, *внурж* 'погрузить, погрузу'.

Одним из интересных, но редких в русском языке слов является *понбра́* (*пб́нор*). Словарями русского языка оно не приводится, в том числе и «Толковым словарем живого великорусского языка» В. Даля, у которого *пону́р* и *подну́р* — подземный проток, сообщение между озер и морей, уход потока в глубь земли. Только специальные географические словари отмечают *понор* (чаще дают в форме множественного числа — *поноры*) в качестве научного термина, обозначающего 'отверстие на дне карстовых воронок, в которое уходит река, ручей', указывая при этом на его сербскохорватский источник («Энциклопедический словарь географических терминов». М., 1968).

Такой взгляд на происхождение *понор* сложился, по-видимому, не без влияния «Словаря местных географических терминов» Э. и В. Мурзаевых (М., 1959), где отмечается территория его распространения: *понор* — 'овраг' (Молдавия) и 'обрыв' (Югославия). Оказывается, *понора* (не *понор*) известно современным новгородским говорам. В них оно употребляется в двух значениях: 'отверстие на дне карстовой воронки, в которое уходит река (озеро) под землю', что соответствует принятому географическому термину и '*пруру́бь*' (часто округлой формы, куда «запускают» невод при зимнем лове рыбы). Первое из них бытует в Боровичском районе Новгородской области, где встречаются карстовые речки и озера, а

второе представлено широко. Вот некоторые примеры из живой речи: «Понора — ямка в земле, туда вода уходит из реки. Вот Понерётка в поноры уходит. Была река, а уйдет в поноры, и нет реки» (Опеченский Рядок).

В этих же говорах известны *Понорки* — ‘место около деревни Опеченский Рядок’ и *Понорка*, *Понерётка* — ‘левый приток реки Мсты’, получившие свое название от отмеченного понора. «Новгородскими писцовыми книгами XV—XVI веков» отмечается название деревни *Панеретье*. Гораздо шире в современных новгородских говорах представлено *понора* — ‘прорубь во льду и место, к которому тянут невод при летнем лове рыбы’. На озере Ильмень понорой называют прорубь, в которую ‘запускают’ невод при зимнем лове рыбы.

Было ли это слово в древности?

В «Грамоте „съ прочетомъ“ царя Михаила Федоровича Двинскому воеводѣ Григорию Плещееву... 1634 г. октября 4» трижды употреблено слово *понор* в рассматриваемом географическом значении: «...И по Бобровцу ручью пожни и рекѣ Пѣнеге до понора Бобровца ручья, гдѣ имѣ велено владѣть по грамоте...» (Сборник грамот коллегии экономии. Т. I. Грамоты Двинского уезда, Пб., 1922).

«Выпись из судного дѣла Черногорского мон[астыря] о холмах на Черной горѣ ... 1648 г. февраля 15» особенно ярко раскрывает значение слова *понор*: «...На нижней горѣ палъ тотъ ручей поноромъ в землю, а в Пенегу рѣку тотъ ручей не прошелъ». Отмечено понор и в «Памяти „съ прочетомъ“ Двинского воеводы князя Василия Ромодановскаго земским судьейкамъ... 1649 г. января 29».

Если обратиться к «Материалам для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, то мы найдем однокоренное *поноровъ* (поноровъ) в значении ‘земляной червь’. Сравните чешское *pongraw* (pongraw), польское *randrow* ‘дождевой толстый червь’.

Понор (*понора*) не отмечено в украинских и белорусских словарях, но зато широко представлено в словарях иных славянских языков. Так, «Български тълковен речник» (1963) дает *понор* с пометой *областное* — ‘место, где вода пропадает в земле’. В сербско-хорватском *понор*: 1) ‘пропасть, бездна’; 2) ‘круча, обрыв’; 3) ‘место, где река уходит под землю’. *Понорница* — ‘река, уходящая под землю’. А. Брюкнер в «Этимологическом словаре польского языка» (1927) приводит *randrowie* — ‘насекомые’; *randru* — ‘земляной (дождевой) червь, глист’ (d — вставочный, *ra — *rowie* от *neg-*, *po-*). В чешском *ponogna řeka* — ‘подземная река’.

У М. Фасмера в «Этимологическом словаре русского языка» (М., 1964—1973) *поноров* ‘земляной червь’, только древнерусское *поноровъ*, *пноровъ* — то же, чешское *pongraw* ‘личинка жука’,

древнепольское *randrowie* собир. (Из *po — погв- родственного словам *пора*, *нырять*. Ср. церковнославянские понрѣти, пондрѣти).

Современное новгородское *понора* — ‘отверстие на дне карстовой воронки, в которое уходит река под землю’, соответствует древнерусскому *поноръ*, отмеченному «Грамотами Двинского уезда» XVII века, и фиксациям *понор* (*понорка* ‘река’) в болгарском, сербскохорватском и чешском языках. Следовательно, новгородские говоры сохраняют древнерусское *поноръ* (современное *понора*), известное на Новгородской земле в XVII веке. Вероятно, оно бытовало и раньше: на территории современного Боровичского района есть место Понорки, речки Понорка, Понерётка, древнерусское название деревни Панеретье XV—XVI веков. Географический термин *пбор* (*пбора*) — ‘естественное отверстие на дне карстовых воронок’ — нельзя считать сербскохорватским, как это делают авторы «Энциклопедического словаря географических терминов» (М., 1968): *понор* свойственно не только сербскохорватскому, но и древнерусскому языку, а также современным новгородским говорам (*понора*) в таком же значении. Кроме того, *понор* бытует в болгарском языке как областное в этом же значении. Сравните также чешское *ropogna řeka* — ‘подземная река’. Тождественность приведенных примеров во многих славянских языках указывает на общеславянский источник *понор* (*понора*) и свидетельствует о древности этого слова в русском языке, в новгородских говорах.

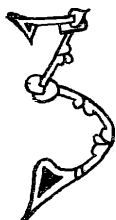
Новгородское *понора* — ‘прорубь’ (при зимнем лове рыбы), видимо, можно считать переносным, вторичным по отношению к *понора* — ‘отверстие на дне карстовой воронки, в которое уходит река под землю’.

Рассматриваемое «рельефное» *понора* этимологически восходит к *нора* (*нога), которое представлено в языках индоевропейской группы. Приставка по- (*po) издревле известна славянским языкам.

С родственной семантикой в других русских говорах, например смоленских, употребляется термин *пониковец* — ‘ручей, местами теряющий течение и переходящий в заболоченный участок или трясиину’ (Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959). Как топоним он известен в Золотухинском районе Курской области. Несомненно, эти названия связаны с древнерусским *поникати* — ‘опускаться; скрываться’ и диалектным *поникнуть* — ‘иссякнуть; исчезнуть под землей; уйти в землю’ (об источнике, ручье и т. д.), восходящими к общеславянскому ро-nik-. Сравните слав. *ropikva* — ‘место, где исчезает поток’, названия рек: *Punkva* в Моравии, польское *Ponikwa* сербскохорватское *Ponikva*, *Ponikviца*, русское *Поникля*, *Пониква*, *Поникша*.

В. Н. СТРОГОВА
Новгород

ЛЕТОПИСЬ НА ДРЕВНИХ СТЕНАХ

наменитый французский писатель Виктор Гюго, посетив однажды собор Парижской богородицы, заметил на одной из его стен выцарапанное в древности слово ANANKE, что в переводе с греческого языка значит 'рок, судьба'. По словам писателя, эта короткая запись побудила его написать всемирноизвестный роман «Собор Парижской богородицы».

Древние надписи, выцарапанные на стенах зданий, одна из которых так поразила Виктора Гюго, хорошо известны археологам. В науке они получили итальянское название *граффити*. Их можно увидеть на стенах древних построек, на разнообразных архитектурных деталях, сосудах, черепках и других предметах, открываемых во время археологических раскопок. До последнего времени особенно хорошо были известны граффити, обнаруженные при раскопках античных городов в Греции, Италии, на юге Франции, а в нашей стране — городов Северного Причерноморья — Ольвии, Херсонеса и других.

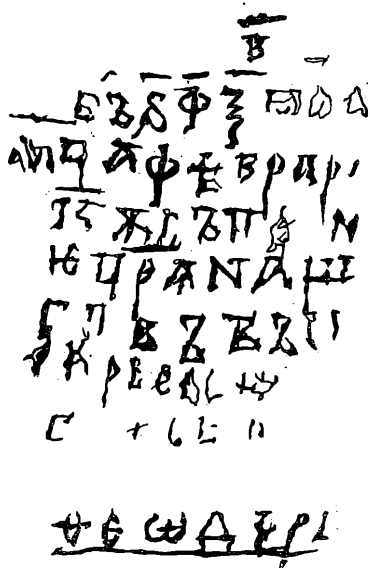
В последние годы много древнерусских граффити, написанных посетителями на стенах, обнаружено в другом не менее известном памятнике архитектуры — Софийском соборе в Киеве, построенном в 1037 году по повелению князя Ярослава Владимировича Мудрого.

Софийский собор славится своими мозаиками, фресками и архитектурой, которая в дальнейшем оказала большое влияние на развитие древнерусского зодчества. Но мало кто знает, что стены этой замечательной постройки представляют собой страницы своеобразной летописи, испещренные надписями посетителей, начиная с XI века. Посетители записывали выдающиеся события, свои

имена, рисовали разнообразные знаки и рисунки. Долгое время древние граффити были скрыты под многими слоями поздней живописи, не имевшей художественной ценности. Эта живопись появилась на древних фресках во время так называемых «поновлений» собора, когда все изображения в соборе подновлялись масляными красками. Немало пришлось поработать художникам-реставраторам, чтобы древние фрески XI века снова увидели свет и смогли стать предметом исследований ученых. Одновременно с фресковой живописью из-под масляных красок проглядывала древняя штукатурка с разнообразными граффити. Среди открытых в Софийском соборе надписей наибольший интерес представляют те из них, в которых упоминаются события и лица,

известные из летописей. Подобные граффити иногда уточняют и дополняют противоречивые факты, попавшие в летопись во время многочисленных позднейших переписок.

В центральной части собора обнаружена запись о смерти Ярослава Мудрого: «В [лето] 6562 месяца февраля в 20 уснение царя нашего...». Если перевести, указанный от «сотворения мира» год на наше летосчисление, то это будет 1054 год. В летописях есть упоминание о смерти Ярослава Мудрого в 1054 году, но день его смерти в разных списках летописей указан по-разному. Одни из них сообщают, что Ярослав умер 20 февраля и добавляют — «в субботу», забывая, что суббота в тот год была 19 февраля. Другие совсем уже неправильно пишут, что событие произошло в так называемый «Федоров день», который приходился на 17 февраля и т. д. Таким образом, точная дата смерти Ярослава Мудрого оставалась невыясненной, несмотря на то, что ее пытались уточнить видные русские историки — Н. М. Карамзин, Н. П. Ламбин, М. П. Погодин, а А. А. Куник считал даже, что для определения этой даты данных недостаточно. Разрешить этот вопрос помогла неожиданно откры-

Надпись о смерти Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 г. (прорись)

ЦАРЬ И ЦЕСАРЬ
ВЪ ДЬСЬ БОУНІА
МНРЪ НА ЖЕЛЯНИ
СВЯТОПЪЛКЪ ВОЛС
МНРЪ ВОЛЪ ТЪ

*Надпись о заключении мира на Желяни возле
Киева Святополком Изяславичем, Владимиром
Мономахом и Олегом Святославичем (прорись)*

тая на стене собора надпись. Она подтвердила летописное число 20 февраля. Ярослав Мудрый умер, таким образом, 20 февраля 1054 года в ночь с субботы на воскресенье.

Интересно, что по отношению к Ярославу в надписи применен титул «царь» или, может быть, «цесарь», неизвестный по летописным сообщениям XI века. Как считает академик Б. А. Рыбаков, это дает основания говорить о том, что Киевская Русь была царством, империей наряду с Византией и Священной Римской империей.

Другая запись летописного характера была обнаружена возле древнего южного портала Софийского собора. В ней говорится о событиях, не нашедших отражения в летописном тексте: «Месяца декабря в 4-е створиша мир на Желяни — Святополк, Владимир и Ольг». В надписи рассказывается о том, что киевский великий князь Святополк Изяславич, переяславский князь Владимир Мономах и черниговский князь Олег Святославич заключили между собой мир вблизи Киева на Желяни — так называлась в древности равнина, образованная поймой реки Лыбедь. И Желянь и река Лыбедь упоминаются в летописи много раз.

Имена князей-современников, а также то, что имя Святополка поставлено первым, по-старшинству, дает основания датировать надпись и упоминаемые в ней события временем княжения в Киеве Святополка Изяславича (1093—1113). По словам автора «Слова о полку Игореве», то было время начала княжеских усобиц и нападения на Русь кочевых половецких племен. Олега Святославича, названного в надписи последним, автор «Слова» считает главным

МЦА К НАРАВЗЛ. СТГОКП } ШТА
 КРН ЛАЗЕМЛЮКНАПЗИНИ БОЮАНЮ
 ВСЕВОЛОЖА А ПЕРЕДЪСТОЮСОФНЮ
 ПЕРЕДЪПОПЫ АТУ БЪЛИ ЗПО ^{ГНП ОМОЗН}
 ПННЗКАКНМЪ АЗМНЛО ПАТЕЛЕНБУТВОСТМО
 СТНПЗ)СО МНХАЛЬКО НЪЖЬНОВНН ^{ГЕОРЪНН}
 x

Надпись о покупке княгиней Всеволожей Бояновой земли (фрагмент) (прорись)

виновником этих княжеских распрей и называет его Гориславичем: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшеться и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждьбожа внука въ княжихъ крамолахъ вещи человекомъ сократишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, труи а себе деляче».

Мир, заключенный на Желяни, князья, по-видимому, скрепил клятвой, так называемым крестоцелованием, которое происходило в Софийском соборе. Очевидец этих событий, пожелавший остаться неизвестным, сделал надпись на стене, которая была обнаружена под поздней масляной живописью и шпаклевкой спустя 850 с лишним лет. Об авторе надписи можно сказать, что он был профессиональным писцом, знакомым с летописными традициями: имя Владимира Мономаха он написал впереди Олега Святославича, как и в летописи, хотя по правилам старшинства предпочтение следовало отдать Олегу. Автор надписи хорошо понимал важность события, зафиксированного им на стене собора. Он одобряет действия князей, заключивших мир. В этом отношении он был единомышленником автора «Слова о полку Игореве», который спустя столетие призывал князей к единству.

Интересная запись, содержащая много важных сведений, обнаружена в южной галерее собора. В ней говорится о продаже загадочной Бояновой земли. Свидетелями этого события выступают «святая София» и попы-«послухи». Начинается надпись так: «Месяца января в 30, на святого Ипполита, купила землю Боянову княгиня Всеволодова, а перед святою Софиею, перед попами». Далее следуют имена 12 «послухов»-свидетелей, в присутствии которых происходила сделка. Завершается надпись словами: «А перед эти-

ПНЩАНЪ УЛА ВЪД
ВЪДЪ НА ТЪХЪ ДМЪ
ВЪДЪ ОУЧЕНИКОМЪ

Надпись «Пищан писал, к дьяку ходил выучеником» (прорись)

ми свидетелями купила княгиня землю Боянову всю, а дала за нее семьдесят гривен собольих, а в том дралиць на семьсот гривен».

Особенно следует отметить упоминание в надписи имени Бояна. Оно встречено в виде притяжательного прилагательного *бояню*. Словосочетание «купила землю княгини бояню» позволяет думать, что речь в надписи идет не о топониме от имени Боян, а о каком-то живом Бояне — владельце земли. Имя Боян зафиксировано среди свидетелей в псковской грамоте Тишаты и Якима конца XIII века, в Новгородской летописи под 1300 годом упоминается «Боянья улка», но на киевской почве оно встречено впервые. Возможно, что упоминаемая в надписи земля имела какое-то отношение к Бояну «Слова о полку Игореве». Память о нем и местах, связанных с его именем, могла долго сохраняться в народе.

Местоположение Бояновой земли, к сожалению, остается неизвестным. Ее стоимость — семьсот гривен собольих, одна десятая часть этой суммы — семьдесят гривен — была внесена княгиней в Софийский собор как церковная десятина.

Мы привели несколько примеров граффити, напоминающих летописные записи. Большинство же надписей собора очень кратки. Чаще всего это имена самих авторов: Иван, Жизнобуд, Димитр, Войнята. Иногда имя дополнено словом *писал*: Никон писал; Матей писал. Некоторые надписи содержат краткие сведения об авторе: Иван — дьяк Давыдов; Иаков писал чернец. Интересна запись из южной галереи: Пищан писал, к дьяку ходил выучеником.

Кроме надписей, среди граффити Софийского собора встречается много разнообразных рисунков. Это разные магические знаки, кресты, княжеские знаки, изображения воинов и особенно домашних животных и птиц: коней, коров, петухов, голубей. Встречаются при рисунках и пояснительные надписи: Один из авторов, выпарапав крест, нарисовал рядом: Жадко писал крест.

Обычай писать на стенах построек был очень распространен в Древней Руси. Граффити известны не только в Софийском соборе в Киеве, но и в архитектурных памятниках других городов: Чернигове, Новгороде, Владимире. Однако в древности писать на стенах церковей официально было запрещено. До сих пор сохранились в Софийском соборе надписи, старательно зачеркнутые церковными цензорами. Так называемый Устав князя Владимира приравнивал «резание» на стенах церковей к таким преступлениям, как разрытие и осквернение могил, за что полагалось строгое наказание. Несмотря на эти меры, обычай делать памятные записи на стенах построек прочно укоренился на Руси. Во время исследования древнерусских граффити в Софийском соборе в Киеве на протяжении 1957—1972 годов открыто около 300 граффити XI—XVII веков. Большое количество надписей, выпцарапанных на стенах собора, несмотря на запрещение, свидетельствует о распространении письменности на Руси.

Софийские граффити написаны кирилловским письмом, которое является основой современной русской, украинской и белорусской письменности.

Кто же были авторы граффити Софийского собора? Софийский собор в Киеве был крупным культурным центром Руси. Как сообщает летопись, в 1037 году там велась переписка книг, делались переводы с иностранных языков, находилось большое книгохранилище. При митрополии, каковой являлся собор, несомненно, имелись канцелярия и архив, где хранились государственные документы: договоры, дарственные и духовные грамоты. Сказанное о Софийском соборе свидетельствует, что значительная часть авторов граффити находилась в культурной среде, определявшейся деятельностью митрополии. Первое место среди них занимали попы, отроки, дьяки-писцы, монахи, купцы. Другую группу представляли лица, для которых письменность не была повседневным занятием. Их записи не отличаются красотой и грамотностью, но именно они представляют большой интерес для исследователей, являясь «живым голосом народа».

Для современных историков граффити архитектурных памятников представляют большой интерес как исторический источник, дополняющий летописные известия. Не меньшую ценность древнерусские граффити имеют и для ученых-палеографов и лингвистов. Они дают возможность судить о развитии графики древнерусской письменности, о языке древних киевлян. Настенные граффити архитектурных памятников пополняют наши знания о начальных этапах истории нашей Родины, поэтому они могут быть причислены к важнейшим культурно-историческим источникам.

С. А. ВЫСОЦКИЙ

Древние и средневековые рукописные книги собирались учреждениями, обществами, отдельными лицами. Раньше других начали их собирать монастыри, поэтому в хранилищах библиотек, музеев и архивов есть собрания Троице-Сергиевой лавры, Иосифо-Волоколамского монастыря, Оптиной пустыни и других. Некоторые научные общества накопили интересные собрания рукописных книг, в частности, Общество истории древностей российских, основанное в 1804 году, и Общество любителей российской словесности (1811). Владельцы книжных магазинов Т. Ф. Большаков, Д. В. Пискарев собирали рукописи не только для продажи. Работая много лет с книгой, они становились знатоками палеографии и истории русской книги. Иногда после смерти владельцев книг наследники передавали собрания в государственные хранилища. Среди лиц, имевших прекрасные собрания рукописных книг, были также меценаты, любители старины Н. П. Румянцев, А. С. Норов, В. М. Ундольский. Очень часто собирателями рукописных книг были ученые, в том числе профессора Московского университета Ф. И. Буслаев, М. П. Погодин, Н. С. Тихонов, в наше время — академик М. Н. Тихомиров и многие другие.

К сожалению, мы до сих пор очень мало знаем о людях, которые собрали и сохранили для нас необыкновенные книги, знакомящие нас с замечательной историей родной страны. Как и где собирали эти люди свои коллекции книг, установить трудно. Многие, видимо, мы не узнаем никогда. Однако кое-что сохранилось в записях на книгах, рассказах, письмах современников.

Одним из собраний, где на рукописных книгах сохранились драгоценные записи о месте и времени приобретения той или иной книги, является коллекция выдающегося русского филолога Ф. И. Буслаева. Собрание его сейчас находится в трех хранилищах: в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в научной библиотеке имени А. М. Горького Московского государственного университета.

Федор Иванович Буслаев родился 13 апреля 1818 года в городе Керенске Пензенской губернии. Пяти лет он остался с матерью, которая

Ф. И. БУСЛАЕВ — СОБИРАТЕЛЬ РУКОПИСНЫХ КНИГ

после смерти мужа переехала на постоянное жительство в Пензу. Буслаев очень рано начал читать. Чтение развило в нем любовь к родному языку и русской литературе. Самые лучшие воспоминания были связаны с гимназией, где изучению литературы уделялось много внимания. В первом классе русскому языку учил Буслаева В. Г. Белинский, воспитанник той же гимназии.

В 1834 году Буслаев поступил в Московский университет на словесный факультет. Интерес к науке у Буслаева проявился уже в первые годы учебы. Занимаясь на славяно-русском отделении, он по поручению профессора И. И. Давыдова перевел «Общую грамматику» А. И. де Саси в немецкой переделке И. С. Фатера и дополнил ее примерами из русских и старославянских памятников письменности. Эта работа была одобрена и предназначена для печати. По неизвестным причинам она не была напечатана.

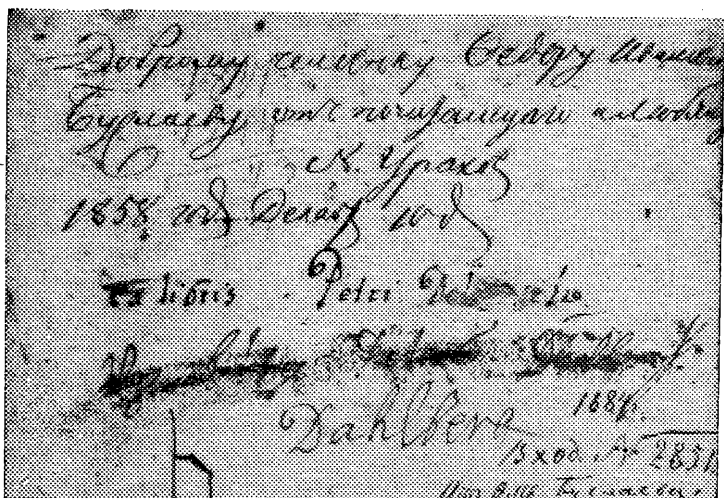
В Университете Федор Иванович начал читать и изучать древнерусские рукописи. «Погоди́ну, — писал Буслаев, — я обязан великою благодарностью... за то, что он первый научил меня читать и разбирать наши старинные рукописи, во множестве собранные в его так называемом древлехранилище...» (Мои воспоминания, М., 1897).

В 1838 году Ф. И. Буслаев окончил Московский университет, а 1846 году вторично переступил его порог уже в качестве преподавателя русского языка и словесности. В своей научной деятельности Буслаев вначале занимался проблемами языкознания, изучал историю языка в связи с преданиями и верованиями народа. В его лингвистических работах мы встречаем много примеров из древнерусских рукописей. В начале 60-х годов Буслаев отошел от проблем языкознания, занявшись изучением древнерусской литературы и историей древнерусского искусства.

Собирать рукописи Буслаев начал с 1850-х годов, отдав этому около тридцати лет своей жизни. В его собрании насчитывалось 150 рукописных книг. На книгах Буслаев делал записи о времени и месте приобретения данной книги.

Большинство записей датировано 1858—1859 годами. Есть записи 1865, 1868, 1879 годов. Что же касается указания на место приобретения рукописи, то в записях чаще всего упоминаются Москва и Кунцево. В воспоминаниях Буслаев пишет: «Я покупал их за бесценок на Толкучем рынке у Пискарева и на Варварке в Кожевенном ряду у старика Большакова, который в своей лавке, при опойковом и подошвенном товаре, торговал и древними рукописями, а также старопечатными книгами».

Т. Ф. Большаков был одним из старейших книгопродавцов в Москве. Собранные им книги хранятся в настоящее время в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. О его лавке и торговле есть интересный рассказ П. Бессонова: «С Варварки вы спускаетесь под горку к грязному Зарядью, поворачиваете в узенький Юхотный ряд, где вас обдает запахами всякой кожи, и входите в маленькую лавочку, где в правой, большей половине развешано и разбросано множество кожаных товаров, или скорее обрезков... Но с левой стороны, у небольшого прилавка, встречаете вы ученого, в особенности библиографа... Здесь по стенкам две-три картины, портрет Погодина, приглашение от ученых обществ содействовать их трудам. За прилавком в этой левой стороне, и во всей глубине лавочки, драгоценные древние рукописи... Посреди всего этого высокий, маститый, с пожелтевшей сединой старик, с необыкновенно умным и строгим лицом, с неспешною, серьезною речью...» (газета «День», 1863, № 52). Здесь многие ученые и приобретали рукописные собрания. Покупал книги у Т. Ф. Большакова и Буслаев. К сожалению

Дарственная надпись Николая Уракова Федору Ивановичу Буслаеву на рукописи «Сатиры Кантемира» (список середины XVIII века)

нию, о торговле Д. В. Пискарева сведений почти не сохранилось.

Записи Буслаева, свидетельствующие о покупках книг в Кунцеве, ведут к книгопродавцу и издателю Д. Е. Кожанчикову, который также работал в Петербурге. Часть его магазинов была и в других городах. В знак уважения Кожанчиков иногда дарил рукописи Буслаеву. В «Житии Ефросинии Суздальской» (конец XVII — начало XVIII в.) есть такая запись: «Рукопись была подарена Ф. И. Буслаеву Д. Е. Кожанчиковым 18 мая 1861 г. в Кунцеве». Аналогичные записи сделаны еще на двух рукописях.

Есть данные и о других путях появления рукописей в собрании Буслаева. В записи на «Русском летописце» первой половины XVII века сказано, что рукопись была привезена в Москву из Казани и куплена под Сухаревой башней А. Е. Викторовым, а Буслаев приобрел ее 18 декабря 1877 года. «Слово о прельщении от бесов отрока» (первая половина XVIII в.) подарено Федору Ивановичу братом жены В. А. Сиротининым 7 июня 1860 года в Сокольниках. Сборник первой половины XVIII века получен в подарок от студента Московского университета П. Ф. Истрина 3 июня 1859 года.

Немало в собрании Буслаева и рукописей, переписанных для него писцами и студентами с подлинников, хранящихся в Румянцевском музее, в Синодальной библиотеке. Есть и такие записи, по которым можно проследить историю возникновения рукописи. Так, в «Истории краткой о вольных каменщиках...» (1785) есть запись писца: «Сию книгу о вольных каменщиках перевел живущий в Стародубе коллежский протоколист Василий Данилович Рогинский и прислал мне. Я в свободные часы, списавши ее собственноручно, полагаю в мою библиотеку 1785-го года декабря месяца. Андреян Чепа». Рукопись поступила к библиофилу Е. В. Судовщикову, а он подарил ее Буслаеву с подписью: «Федору Ивановичу Буслаеву от Е (?) В (?) Судовщикова».

Из записей мы узнаем, что некоторые рукописи были собственностью купцов, священников, крестьян. В «Лицевом апокалипсисе» 1721 года есть запись середины XVIII века: «Сия книга крестьянина деревни Арипина Якова Микитина вотаги Кузмичевой».

Постепенно Буслаев собрал большое и ценное собрание рукописных книг. Помимо книг, он собрал и значительную коллекцию документов 1611—1768 годов по городу Керенску и Керенскому уезду: договорные и указные грамоты, челобитные (просьбы или жалобы, подававшиеся властям), выписки из книг писцовых (сводные описания хозяйственного положения города или села) и межевых (описание границ земельных владений).

Рукописные книги, собранные Буслаевым, представлены по содержанию историческими материалами, литературными произведениями, памятниками древнерусской письменности, сборниками смешанного содержания, материалами учебного и естественнонаучного характера, нотными рукописями. Вошли в собрание и книги «священного писания», богослужебные рукописи, богословская и житийная литература.

В 1861 году им была издана «Историческая хрестоматия», в которую вошли тексты из многих древних рукописей собрания Буслаева и рукописей московских библиотек. В работе «Русский лицевой Апокалипсис» опубликован ряд списков Апокалипсиса из собрания Буслаева.

Буслаев не только сам изучал собранные им рукописи, но и давал их для самостоятельных занятий своим коллегам-преподавателям и студентам. Прививая студентам лю-

бовь к русской старине, он подчас определял дальнейшую судьбу своих учеников.

Крупнейший знаток древнерусской рукописной книги академик А. И. Соболевский получил у Федора Ивановича первые навыки работы с рукописями. В воспоминаниях он пишет: «Мы, студенты, получили приглашение приходить к нему по воскресеньям, часу в двенадцатом, для занятий и переговоров» («Четыре речи о Ф. И. Буслаеве». СПб., 1898). У себя дома Буслаев предоставлял в полное распоряжение студентов все книги, в том числе и редкие рукописи. «Обыкновенно наши занятия переходили сначала в беседу Буслаева с одним из студентов, а потом в общий разговор на какую-нибудь тему по поводу того или другого вопроса, той или другой книги» (А. А. Танков. — «Исторический вестник», сентябрь 1897).

Понимая важность старинных памятников письменности для науки, Буслаев в последние годы своей жизни распорядился передать все рукописные книги в государственные учреждения.

Большая часть рукописей Буслаева поступила в 1893 году в Петербургскую публичную библиотеку, несколько рукописей Федор Иванович безвозмездно передал в библиотеку филологического факультета Московского университета, где он много лет работал, и 28 рукописей перешло в библиотеку Румянцевского музея для составления собрания книг в память о А. Е. Викторове, хранителе Румянцевского музея.

В настоящее время составлена опись всех рукописей собрания Ф. И. Буслаева. И благодарные потомки, занимаясь историей русского языка, русской литературы, палеографией, историей древнего книжного искусства, обращаются к сокровищам, собранным кропотливым трудом выдающегося русского ученого-патриота.

*Г. И. ДОВГАЛЛО,
старший научный сотрудник
Государственной библиотеки СССР
имени В. И. Ленина*

ПРЕДИКАТИВЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

бособление предикативов как особого лексико-грамматического разряда слов началось еще в глубокой древности. Даже при сравнительно неполном исследовании памятников древнерусского языка можно выделить значительную группу слов, выступавших в роли безличного сказуемого со значением состояния. Показательно, что *дивно*, *тяжко*, *обидно*, *морочно*, *бременно*, *горько* и мн. другие, выражавшие безличное сказуемое, не встречаются в памятниках в функции обстоятельства, не имеют омонимов среди качественных наречий. «Среди случаев с наречием находим такие, когда наречие, употребляемое в грамотах в качестве сказуемого, не выступает в тех же грамотах в роли признака сказуемого. Таким образом, эти наречия можно отнести к *безлично - предикативным формам категории состояния*» (подч. авт.) (В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 58).

Правда, в тех же памятниках, наряду с безличным, встречается употребление слов *дивно*, *тяжко*, *обидно* и др. в функции сказуемого личного предложения, причем роль подлежащего в этом случае обычно выполняет местоимение «се». Для нас важно отсутствие в разряде качественных наречий форм, омонимичных предикативам, так как это свидетельствует об *именном* происхождении слов этой категории (во всяком случае — на ранних ступенях ее развития). В XI—XIV вв. категория наречий еще находилась в стадии формирования, а разряд качественных наречий только намечался и не мог, естественно, служить источником пополнения какой-либо другой лексико-грамматической категории.

Уже в памятниках древнерусского языка предикативы были представлены значительным количеством форм, охватывающих почти

все лексико-семантические разряды этой категории слов, которые могут быть выделены в современном русском языке. Однако соотношение между лексико-семантическими разрядами предикативов в древнерусских памятниках совершенно иное, чем в современном состоянии языка. В современном русском литературном языке особенно широко распространены предикативы со значением психического, психофизического и физического состояния субъекта. В древнейших памятниках эти лексико-семантические разряды представлены небольшой группой слов. Более же многочисленны предикативы со значением модально-этической оценки состояния.

Это обстоятельство в значительной мере объясняется тематикой памятников, определившей их стиль. До нас дошла, главным образом, житийная и документальная литература, где почти не уделялось места анализу эмоционально-психических состояний и настроений субъекта. Именно поэтому даже те, сравнительно немногие, случаи употребления предикативов, встречаемые в памятниках, свидетельствуют о достаточно широком распространении этих форм уже на ранних стадиях развития языка.

живой речи предикативы, по всей вероятности, были распространены значительно шире, чем это отражено в памятниках. Характерно, что в надписях на полях, где писец выражал свои чувства, передавал свое психическое или физическое состояние, где он не был связан каноническим текстом, немедленно появляются предикативы. «Устав от долгого переписывания, писец ... изливает свои чувства на полях рукописи — так, как он сделал бы это устно: «охъ зноино» — находим мы на полях «Шестоднева»; «охъ тошьно» — на полях «Пролога». ... «уже ночь... тъмно» (Пролог, первая четверть XIV в.) (И. С. Улуханов. О языке Древней Руси. М., «Наука», 1972, стр. 60—62).

Важно и то обстоятельство, что большая часть предикативов встречается в диалогической речи, являющейся в известной степени воспроизведением живого разговорного языка Древней Руси. Говоря даже о давно минувших событиях, писец использовал современные ему формы речевых построений, особенно в диалогах.

Можно выделить разряд предикативов, которые преимущественно употреблялись для выражения эмоционально-психического и психофизического состояния субъекта; бѣдно (бѣдьно) — 'тяжело, трудно'.

«Любо» передавало психическое состояние субъекта, выступая в значении 'хорошо, приятно': «А кнѣгыни моа по моемъ животѣ.

оже восхочеть в черницѣ поити, поидеть, аже не восхочеть ити, а како ей любо» (Грамм. Влад. Вас. Вел. 1288 г.).

«Радостно» — «отраднo, весело» выступало в значении психического состояния субъекта: «Всѣмъ бысть радостно о миру» (Псков. I л., 6973 г.)

«Страшно» — обычно в сочетании с инфинитивом: «Придоша пружи... и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно» (Новг. л., 6603 г.)

В памятниках XI—XIV веков можно выделить и группу предикативов, выражавших эмоционально-этическую оценку состояния, например, «угодно» (угодно) — «угодно, желательно, по праву»: «И не годно бы^с людемъ и послашася Переяславлю к Изяславу рекуще поити княже хочемъ тебе» (Сузд. л., 6654).

Преимущественно в значении эмоционально-этической характеристики состояния выступало «люто» — «скверно, тяжело, тяжко».

В значении общей оценки состояния (без отнесения этого состояния к определенному субъекту) выступало «лѣпо» — «прилично, годится, следует».

Психофизическое состояние субъекта передавалось формами *притрано, тяготно, трудно, тяжко, истомно, ноужно*: «Аще ли сии со онѣми сложатся, то намъ будетъ тяготнѣе». (Никон. л., 6733 г.); «А се другая рать перед нами Гюрги, ...то нам, бра^те, буде^т трудно» (Ипат. л., 5658 г.); «Прииха митрополить Феогнасть, родомъ гричинъ, в Новъгородъ со многими людьми, тяжко же бысть владыцѣ и монастыремъ кормомъ и дары» (Новг. I л., 6849, по Арх. сп.); «Тяжко» встречается в памятниках как сказуемое личных предложений при подлежащем «се»: «Иже имета исполнвати се, спасени будете, и не тяжко есть се» (Грамм. Алекс. Митр., 1356).

«Нужно» употреблялось в значении «трудно», «тяжело» и передавало психофизическое состояние: «Тоя же зимы бысть нужно християномъ: как свѣжна была силно, так и бурна» (Псков. I л., 6979 г.); *истомно* — «тяжело, тягостно»: «...а Новугороду было истомно силно кормы и вологою и великими дарми» (Псков. I л., 6979 г.).

Физическое состояние субъекта выражалось в древнерусском языке предикативами типа «варно», «тепло»: «А ѣздить порты своя с плечь споустя, а петли ростегавъ, аки распрѣли. бѣаше бо имъ варно» (4 Новг. л., 6886 г.).

Предикативы со значением состояния природы и окружающей среды образуют особую лексико-семантическую группу, куда входят слова *мирно, тихо* в значении «спокойно» — «И бысть мирно» (I Новг. л. по Син. сп., 6476 г.).

Зноино, морочно, сухо, студено, вѣдряно, солнечно, красно, варно, вѣтрено, свѣтло обычно выступали в значении состояния природы: «Бы^с таково знамение: тма бы^с въ солнци съ запада,

акы мѣ бы^о нѣ е ночи, а съ востока свѣтло» (Новг. I л., 6745 г.). «По Велицѣ дни съ з недѣли бысть вѣдряно и солнечно и красно и потом бысть студено» (Псков. II л., 6993 г.). «Того же лѣта бысть сухо велми, а хлѣба много Богъ дал» (Псков. I л., 6911 г.). «...бѣ бо в то время *зноино*» (4 Новг. л., 6886 г.).

Морочно — 'мрачно, темно' — «Бысть знаменье въ солнци и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти челоувѣкомъ въ очю яко зелено бяше». (Лавр. лет. 6694 г.) «В сере^д на ве^чрни. Бы знаменье въ слнци и морочно (РА мрачно) бы^о велми». (Сузд. лет., 6694)

остояние среды и обстановки уже на ранних стадиях развития языка дается иногда в *восприятии*, в оценке субъекта: «Сташа дньє зли, мразъ. выалица, страшно зѣло» (Новг. I л., 6642 г.). Зѣло страшно бы^о, громъ и мълнии». (Новг. I л., 6666 г.).

Оформление, лексико-грамматическое обособление разряда предикативов *происходит в тесной связи с развитием и расширением изобразительных средств языка*. Грамматическая природа слов *грустно, страшно, зноино, нужно* и др. оформляется под влиянием и при непосредственном участии глагола, но «глагольные» категории времени, наклонения и безличности присутствуют в безлично-предикативных словах в измененном, модифицированном обличье.

Широкое распространение и постепенное грамматическое обособление этой категории вызвано тем, что многие оттенки значения **б е з л и ч н о г о** сказуемого не могут быть переданы вообще никаким глаголом, в том числе и безличным.

Прибавление инфинитива конкретизирует, выделяет данное состояние в отношении причин его возникновения, определяя, таким образом, *данное* состояние в ряду подобных: «И бяше видѣти дѣло стыдно и велми страшно. и хлѣбъ во уста не идяшетъ отъ страха». (Лавр. л., 6791 г.)

Уже в древнерусском языке наметилось употребление предикативов со значением пассивного состояния.

Дальнейшее совершенствование изобразительных возможностей русского языка (постепенная «психологизация» языка, развитие в нем всевозможных средств передачи тончайших оттенков самых разнообразных эмоционально-психических состояний субъекта) вызвало бурный рост категории предикативов, структурно-семантическое и лексико-грамматическое обособление которой в системе языка продолжается и в наше время,

Л. И. ЕРЕМИНА

В редакцию приходят письма учителей русского языка с просьбой осветить на страницах журнала проблему многоаспектности предложения. Данный вопрос является не только актуальным в чисто теоретическом плане, но и важным в практическом отношении, в работе учителя при изучении синтаксиса в школе.

Отвечая читателям, редакция сочла целесообразным опубликовать две статьи о многоаспектности предложения. Авторы статей П. А. Лекант и В. В. Бабайцева, хотя и солидарны в своих основных положениях, однако по-разному освещают некоторые стороны этой проблемы.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение — важнейшая единица речи. Нельзя овладеть речью, не умея строить предложения. «Всякая речевая деятельность заключается в образовании предложений» (Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960). Только с помощью предложения оформляется и выражается мысль. Сообщение мысли собеседнику, выражение вопросов и ответов, передача побуждения — общение людей друг с другом, невозможны без предложения.

Предложение занимает центральное место в грамматической системе языка; слово с его лексическими и грамматическими значениями и формами служит для построения предложений.

Основная мысль современного учения о предложении — это утверждение его сложного, многоаспектного, многопланового характера. При изучении предложения можно обращать внимание на его отдельные стороны, например на форму главных членов, на порядок слов, на интонацию и т. д. Но в каждом предложении все его стороны неотделимы друг от друга, неразрывны. Остановимся более подробно на этом положении.

Предложение выполняет в речи две важные роли. Во-первых, оформляет мысль — это функция выражения.

Во-вторых, с помощью предложения мысль передается — это функция сообщения (коммуникативная). В определенных условиях употребления конкретного предложения одна из функций может оказаться более важной, чем другая. Так, при выражении побуждения на первый план выдвигается коммуникативная: «Пролетарии, стройтесь к последней схватке! Рабы, разгибайте спины и колени!» (Маяковский. В. И. Ленин). Напротив, размышления человека наедине с собой (оформленные устно или письменно) определяют преобладание функции выражения: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни? Что день грядущий мне готовит?» (Пушкин. Евгений Онегин). Однако и в указанных случаях другая функция только отодвинута, заслонена либо представлена потенциально: нельзя сообщить мысль, не выразив ее; выражение в предложении мысли «для себя» означает и возможность восприятия ее другим человеком, то есть потенциальное сообщение.

Любое предложение представляет собой единство конкретного содержания и абстрактной грамматической формы. Содержание определяется отбором слов, соотношением их смысла, для каждого предложения оно индивидуально, неповторимо. Грамматическая форма является общей для множества предложений, повторяется в них, воспроизводится. Предложения *День был пасмурным; Море было спокойным; Встреча была короткой* имеют различное содержание, но тождественны по форме. Между содержанием и грамматической формой нет органической связи. Не только разные по содержанию предложения могут иметь одинаковую форму, но и, наоборот, одно и то же содержание может быть передано предложениями различной формы: *Волна опрокинула лодку; Волной опрокинуло лодку; Лодка была опрокинута волной.*

Содержание предложений бесконечно разнообразно, поэтому конкретные предложения нельзя перечислить, установить их существующее или возможное количество. Содержание предложений не рассматривается в грамматической науке. Грамматика, синтаксис изучают структуру, форму предложения.

Таким образом, в каждом предложении прежде всего нужно видеть две стороны: содержание (высказывание) и грамматическую форму.

Обобщенный, абстрактный характер грамматической формы позволяет изучать эту сторону не в каждом отдельном предложении, а устанавливая типы предложений.

Тип предложения — это тождественная грамматическая форма, которая проявляется, реализуется во множестве конкретных предложений. *В небе прогремело; Пахло цветами; В щель дуло; Ветром повалило сосну* относятся к типу безличных предложений.

При отнесении конкретных предложений к тому или иному типу не учитываются, игнорируются частные, особенные черты их строения. Анализируя форму предложения «Я не скоро, не скоро вернусь» (Есенин. Я покинул родимый дом...) — предложение двусоставное, глагольное, с обстоятельством времени, — можно не придавать значения повтору *не скоро, не скоро*, а для содержания высказывания этот лексический повтор очень важен.

Сложный, многосторонний характер предложения, наличие в нем конкретного и абстрактного, отдельного и общего, выполнение предложением двух важнейших функций — все это показывает, что в предложении проявляется несколько аспектов. Основными, на наш взгляд, являются: а) грамматический, б) логический, в) актуальный.

Грамматическая сторона предложения — это его форма, структурный тип, синтаксическое членение (наличие членов предложения, определенным образом связанных друг с другом). Грамматический аспект предложения имеет свою внутреннюю (грамматическое значение) и внешнюю сторону (грамматические показатели).

Основное грамматическое значение предложения — **п р е д и к а т и в н о с т ь**. Она складывается из трех частных значений — времени, модальности, лица.

Синтаксическое время — это отнесенность высказывания к моменту речи. С помощью грамматических показателей выражается совпадение высказывания с моментом речи (настоящее время: *Солнце сияет; Я молод; Мой брат — учитель; Тишина*) утверждение высказывания как предшествующего (прошедшее: *Солнце взошло; Я был молод; Отец Ломоносова был рыбак; Рассвело*) или последующего (будущее: *Солнце взойдет; Я буду учителем.*) Наконец, высказывание может быть представлено как вневременное, не соотнесенное с моментом речи: *Насильно мил не будешь; От добра добра не ищут; Курить — здоровью вредить.*

Модальность — это оценка говорящим высказывания как реального, соответствующего действительности (*Это врач; Разговор откладывается*) или нереального, не соответствующего действительности, а только предполагаемо-

го, желаемого или требуемого (*Это врач? Отложить бы разговор до вечера; Отложим разговор до вечера*).

Синтаксическое лицо — это отнесенность высказывания к говорящему (первое лицо: *Я не скоро вернусь*), к собеседнику (второе: *Ты молчишь? Тебе больно?*) или к остальным лицам, к предметам, не участвующим в общении (третье: *Она была бледна; Птицы поют; Кругом тишина*).

Предикативность как совокупность синтаксических значений времени, модальности и лица представляет собой отнесенность высказывания к действительности. Выражение предикативности грамматическими средствами (формами слов, интонацией) есть грамматическая форма предложения.

Предикативность может быть выражена разными способами, поэтому предложения имеют существенные различия в грамматической форме. На основании этих различий противопоставляются грамматические типы предложений.

Учение о типах предложений — особый раздел синтаксической науки, рассказать о нем в этой статье нет возможности. Ограничимся одним примером.

Основные грамматические типы предложений в русском языке — двусоставные и односоставные. В двусоставных предложениях опорой предикативности являются два главных члена — подлежащее и сказуемое (*Огни зажглись; Море было спокойно; Я пионер*). В односоставных предложениях один главный член, употребление второго невозможно (*В доме зажгли огни; В комнате было тихо; Здесь не пройти*).

Логический аспект предложения — выражение основных элементов формы мысли. Бесконечное разнообразие мысли проявляется в содержании ее. Формы мысли универсальны. В строении мысли повторяются общие черты. Здесь главные элементы — субъект и предикат (иначе: предмет мысли и высказывание о нем).

Между основными элементами грамматической формы предложения (членами предложения) и основными элементами логической формы мысли нет тождества, нет постоянного и строгого соответствия. В одних случаях грамматическая схема «подлежащее — сказуемое» и логическая «субъект — предикат» в конкретном предложении совпадают: «Грушницкий — юнкер» (Лермонтов. Герой нашего времени). В других — одна и та же грамматическая форма предложения может быть использована в

конкретных предложениях для выражения разных мыслей и одни и те же члены предложения будут соответствовать разным элементам формы мысли. В предложении *Отец приехал* подлежащее *отец* обозначает субъект, сказуемое *приехал* — предикат, однако в ином контексте (Кто приехал? *Приехал отец*) субъект соответствует сказуемому; предикат — подлежащему (суждение: «Приехавший есть отец»).

Основные средства выделения в предложении элементов формы мысли — интонация (логическое ударение, паузы) и порядок слов. Эти средства могут варьировать грамматическую форму в разных конкретных предложениях. Самый типичный пример варьирования — перемещение логического ударения в пределах предложения. При этом основные черты грамматической формы не меняются (члены предложения, их отношение друг к другу), изменяется только интонация. Но для логического членения, для выражения основных элементов формы мысли изменение интонации является решающим средством. Перенос логического ударения на новое слово позволяет выразить новое суждение, изменить предмет мысли и высказывание о нем.

В предложении *Отец вернулся вчера утренним поездом* при основном, нейтральном строении интонации, без резкого выделения отдельных слов, субъект представлен подлежащим *отец*, остальной состав предложения выражает предикат, то есть содержит высказывание о предмете мысли. С помощью логического ударения можно изменять логическую форму мысли: выделяемое слово будет соответствовать предикату. Логическое выделение подлежащего *отец* в качестве предиката создает суждение «Приехавший вчера утренним поездом есть отец». Соответственно изменится форма мысли при переносе логического ударения на слова *вчера, утренним, поездом*.

Таким образом, на вопрос, изменяется ли предложение при перемещении логического ударения, ответ не может быть однозначным. Одна сторона предложения — грамматическая форма — не изменяется. В другом отношении (в логическом аспекте) получаемые единицы будут различными, будут соответствовать разным суждениям.

Логический аспект предложения до сих пор мало изучен. Многие вопросы очень сложны. Например, трудно установить особенности выражения формы мысли (в частности, субъекта и предиката) в таких односоставных предложениях, как *Светает; Тишина; От судьбы не уй-*

дешь. Сложность вопроса усугубляется тем, что он затрагивает две науки — лингвистику и логику. Лингвисты охотно уступают его философам, логикам, а философы — лингвистам.

Актуальный аспект — это та сторона предложения, которая отражает употребление его в речи, в определенной обстановке, в окружении других предложений, это выделение в предложении той части, того элемента высказывания, которые говорящий считает основными для передачи сообщения, содержащими новое, неизвестное собеседнику. Эта часть обычно выделяется в предложении относительно другой, которая является основой для выражения нового, содержит уже известное. «Да уж чего хорошего, коли любимое забыл. В *любимом* — *вся душа...*» (Горький. На дне). В выделенном предложении первая часть (*в любимом*) содержит известное (о нем говорилось в предшествующем предложении), вторая (*вся душа*) — новое.

Расчленение предложения по указанному принципу получило в лингвистике название «актуального членения» («коммуникативного», «смыслового членения»), а представление части предложения как несущей новой называют «актуализацией». Принципы актуального членения, впервые сформулированные чехословацкими лингвистами (В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения. — «Пражский лингвистический кружок», М., 1967), сейчас получили широкое признание и изучаются многими. Для обозначения двух элементов актуального членения предложения употребляется несколько терминов: *основа* — *ядро*, *тема* — *рема*, *данное* — *новое* и другие.

«Данное» и «новое» — являются соотносительными, предполагают друг друга. Это необходимые звенья высказывания в речи: сообщение (коммуникация) идет от известного («данного») к неизвестному («новому»). Предложение как единица общения обязательно несет в себе новое, без этого не может быть осуществлена коммуникативная функция (сообщения). Поэтому любое предложение или членится на «данное» и «новое», или содержит только «новое».

В изучении актуального аспекта особенно важны два вопроса — о способах, средствах актуального членения и о соотношении его с грамматической формой предложения.

Актуальное членение определяется условиями употребления предложения в речи, главным образом окружением (контекстом) и обстановкой речи, ситуацией. То, что в предложении является «данным», как правило, было упомянуто в предшествующих предложениях. «За городом — поле. *В полях* — деревеньки. *В деревнях* — крестьяне» (Маяковский. Хорошо!). При отсутствии показателей контекста или ситуации может быть использована специальная конструкция — «именительный представления», которая устанавливает «данное». *Инспектор госпиталей Езерский* — у этого // было свое дело» (Вересаев. На Японской войне); непосредственно в структуре предложения «данное» представлено компонентом *у этого*.

Средства актуального членения — интонация и порядок слов. Обычно группы «данного» и «нового» разделяются паузой (в примерах мы обозначаем границу этих групп значком //), причем «данное» предшествует «новому»: «Кривые переулки Арбата // были засыпаны снегом» (А. Н. Толстой. Для чего идет снег); «Мне // хочется остаться одной» (А. Н. Толстой. Буря).

Актуальное членение предложения не совпадает с грамматическим. В предложении, состоящем только из подлежащего и сказуемого, мы можем в различных условиях получить: а) подлежащее — «данное», сказуемое — «новое» (Где отец? *Отец // вернулся*); б) сказуемое — «данное», подлежащее — «новое» (Кто вернулся? *Вернулся // отец*); в) предложение не расчленено, заключает только «новое» (Что случилось? *Вернулся отец*).

Жесткими условиями актуального членения обладают только одноставные нераспространенные предложения: они выражают и могут выражать только «новое». «Ах, какой ветер, какой ветер, — повторяла Елена, наклоняясь к окошку» (А. Н. Толстой. Буря).

Чем больше состав предложения, тем разнообразнее условия и возможности его смыслового членения. Второстепенные члены могут входить в состав «данного» или «нового» вместе с главными, но могут и сами выражать один из элементов, в то время как главные члены оба входят в другой. «Внизу // играла музыка»; Василию Васильевичу // с пригорка была видна вся его рота» (А. Н. Толстой. Буря).

Поскольку актуальное членение осуществляется теми же средствами, что и логическое (интонация, порядок слов), часто наблюдается соответствие частей предложе-

ния, заключающих «данное» и «новое», субъект и предикат. Однако в проявлении этих двух аспектов нет полного и последовательного соответствия или совпадения. Особенно ярко их специфика проявляется в тех двусоставных предложениях, которые актуально не расчленяются, выражают только «новое». «Тянуло сыростью и болотными цветами. Кричал дергач. И жалобно скрипел колодец на селе» (А. Н. Толстой. Утоли мои печали). Предложение, нерасчлененное в актуальном аспекте, обозначает оба элемента логической формы мысли — субъект (*дергач*) и предикат (*кричал*).

Все три основных аспекта предложения представляют разные стороны одной целостной единицы. Они неделимы. Всякое конкретное предложение может существовать, проявляться только во всех трех аспектах. В предложении органически слиты грамматическая форма, логическая форма мысли и элементы актуального членения высказывания. Однако это не исключает возможности отдельного изучения основных аспектов предложения.

*Доктор филологических наук
П. А. ЛЕКАНТ*

О СИНТАКСИ- ЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Системное описание языка, сопровождающееся классификацией его единиц, с развитием языкознания все более усложняется. Необходимость усложнения диктуется прежде всего желанием вскрыть и показать более глубоко и разносторонне явления языка с учетом многоаспектности и многомерности языковых единиц, выделяемых на разных уровнях.

Возможность различных подходов к изучению языковых явлений, к классификации их покажем следующей аналогией.

Представьте себе кучу яблок, разных по размеру, форме и цвету, разных по вкусу и запаху и т. д. Как их можно разложить по ящикам? Один человек выберет в качестве принципа сортировки размер яблок, другой — их цвет, третий — их свежесть. Возможно, лучший критерий в данном случае — отбор фруктов с учетом их сорта, так как при этом учитываются какие-то общие свойства яблок. Однако в иной ситуации самыми существенными могут быть частные свойства, например свежесть яблок...

Эта аналогия позволяет наглядно показать возможность изучения языковых явлений (с классификацией их) с разных сторон, каждая из которых может быть в центре внимания исследователя.

Самые сложные единицы языка — синтаксические; центральное место среди них занимает предложение. Язык служит средством формирования, выражения и сообщения мысли. Эти основные свойства языка воплощаются в предложении.

Как изучается предложение в современной лингвистике? Какие его стороны в центре внимания исследователей? Как отражается «новое» в синтаксической теории предложения в новом учебном пособии для VII—VIII классов? (С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, Л. А. Чешко. Русский язык. Учебное пособие для VII—VIII классов. М., 1973).

В современных исследованиях предложение рассматривается в разных аспектах, из которых выделим логический, структурный, коммуникативный и семантический. Каждому из них соответствует определенное направление. Характерно также большое количество терминов и индивидуальных осмыслений их. Отметим в каждом из названных аспектов его особенность.

Логический аспект исследования предложения связан с традициями русской классической лингвистики. Логико-синтаксическое (логико-грамматическое) направление в русском языкознании опирается на диалектическую взаимосвязь языка и мышления. Значительным вкладом в теоретическую разработку этой сложнейшей проблемы в последние годы являются работы В. Г. Адмони, В. З. Панфилова, П. В. Чеснокова и др.

Язык и мышление, по характеристике В. З. Панфилова, «образуют такое диалектически противоречивое единство, в котором язык, при определяющей роли мышления, представляет собой относительно самостоятельное явление,

в свою очередь оказывающее определенное обратное воздействие на мышление» (Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971).

С точки зрения рассматриваемого направления наиболее существенной чертой предложения признается способность его формировать и выражать мысль. Философы и лингвисты различают три вида мысли: «мысль-сообщение» (мысль-суждение), «мысль-вопрос» и «мысль-побуждение». Смысловые и структурные различия этих видов мысли отражаются в особых свойствах предложений, выделяемых обычно по цели высказывания: повествовательных, вопросительных и побудительных.

В новом учебном пособии как один из признаков предложения отмечается то, что оно «служит или для сообщения, или для вопроса, или для побуждения» и «обязательно характеризуется интонационной и смысловой законченностью» (§ 6).

Степень членимости мысли и характер компонентов структуры выражаемой мысли определяют виды простого предложения: двусоставные, односоставные и нечленимые. В новом учебном пособии они рассматриваются под названиями: «предложения с двумя главными членами», «предложения с одним главным членом» и «слова-предложения».

Субъект и предикат в лингвистической литературе имеют значения не только логических терминов. *Субъект* нередко используется как синоним следующих слов и словосочетаний: *деятель, производитель действия, лицо, говорящий, предмет мысли, носитель признака*. Слово *предикат* иногда выступает как синоним термина *сказуемое*. Прилагательное *предикативный* встречается в выражениях «предикативные сочетания», «полупредикативные сочетания», «предикативные определения». С логическим термином *предикат* связано синтаксическое понятие «предикативности».

Совершенно очевидно, что на современном этапе развития синтаксической теории нельзя сводить логико-синтаксическое направление исследования предложения к отождествлению предложения и суждения, как это было у Ф. И. Буслаева. Негативное отношение к этому аспекту лишает синтаксистов реальной почвы при решении проблемы структурной типологии простого предложения и вопроса о синтаксической семантике предложения.

Логический аспект тесно связан со структурным, так как мысли «отливаются» в те или иные структурные схемы предложения, степень членимости мысли определяет степень членимости предложения.

Структурный аспект (иногда его называют также «конструктивно-синтаксический», «статический») в изучении предложения привел к появлению особого направления в современной лингвистике, которое называется «конструктивным синтаксисом».

Специфику этого направления составляет внимание к структуре предложения, к выделению тех строевых элементов, которые образуют структурную схему предложения. (У некоторых авторов «структурная схема» соответствует «предикативной основе», «ядру», «модели».) «Структурная схема предложения — это тот отвлеченный образец, по которому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение» («Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970). (Она рассматривается в конструктивном синтаксисе как первая существенная черта предложения.) Компоненты — строевые элементы структурной схемы — занимают обычно синтаксические позиции подлежащего и сказуемого.

Основные структурные схемы, по которым строятся в русском языке двусоставные предложения, это *имя + спрягаемый глагол* и *имя + имя*. Позицию именного компонента может занимать существительное, прилагательное, местоимение, числительное, инфинитив, причастие, количественно-именное сочетание и т. п.

Сравним следующие предложения, в которых выделены слова, реализующие их структурные схемы:

Поздний час. Корабль и тих и темен,
Слабо плещут волны за кормой.
Звездный свет да океан зеркальный —
Царство этой ночи неземной.

Б у н и н. Поздний час. Корабль и тих и темен...

Структурная схема односоставного предложения *Поздний час...* включает имя существительное, в двусоставных предложениях реализуются оба вида отмеченных выше схем.

В следующих примерах при стабильной схеме предложений со сравнением различно их речевое содержание (наполнение): «И сосны, как *хоругви*, замерли под глубоким снегом» (Бунин, Сосны); «Повсюду, как *мачты* огром-

ного флота, двигались башенные краны» (Гранин. Иду на грозу).

Одной из задач конструктивного синтаксиса является составление полного («конечного») списка структурных схем предложения. Синтаксис не может изучать все конкретные предложения, которые могут быть созданы в речи по имеющимся в языке моделям. Закономерно поэтому стремление выявить структурные образцы предложения.

Внимание к структурной стороне предложения отразилось в новом учебном пособии как в теоретической (§ 6 «Строение и грамматическое значение словосочетаний и предложений»), так и в практической части: в упражнениях по конструированию предложений по заданным моделям. В школьной практике при составлении схемы предложения в нее включаются все члены предложения, так как учащимся трудно отграничить обязательные и необязательные (факультативные) члены предложения.

Коммуникативный аспект исследования проявляется прежде всего в актуальном членении. (В советской лингвистике вопросы теории актуального членения освещаются в работах И. П. Распопова, И. И. Ковтуновой, О. А. Лаптевой и др.) Для сторонников этой теории наиболее существенным свойством предложения является способность его выступать в качестве средства общения (коммуникации).

При наличии актуального членения в предложении выделяются «данное», известное собеседникам, «новое» — коммуникативный центр высказывания. (В лингвистической литературе «данное» называется также «темой» и «основой высказывания», а «новое» — «ремой», «предупреждаемой частью».) «Новое», наиболее важное в сообщении, выделяется логическим ударением, порядком слов, частицами и другими средствами.

«Новое» может быть выражено как главными, так и второстепенными членами предложения. В предложении *Славно пахнет березка, славно!* коммуникативный центр высказывания выделен и логическим ударением, и порядком слов, и повтором. Самое важное в сообщении заключено в обстоятельстве образа действия. Обычно «данное» заключено в подлежащем, «новое» — в сказуемом или в его составе. Это создает особую смысловую значимость сказуемого.

При обучении русскому языку в VII классе учащиеся, в соответствии с требованиями новой программы, должны

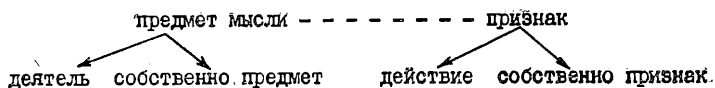
усвоить роль интонации, логического ударения и порядка слов в оформлении актуального членения — в выделении главного, самого важного в сообщении.

В последние годы лингвисты самых различных направлений обратились к исследованию семантической стороны языка. Проблема языковой семантики — одна из самых злободневных и дискуссионных.

Семантический аспект исследования предложений вызвал к жизни ряд научных направлений, представители которых по-разному решают вопрос о семантике предложения. Общим для всех направлений является разграничение языковой (синтаксической) и речевой (информативной) семантики предложения («Русский язык в VII классе». М., 1973).

Речевая семантика предложения проявляется в рамках языкового значения, речевое содержание переменное, оно зависит от наполнения структурной схемы конкретными словами и словосочетаниями, содержащими нужную информацию. Различные по речевой семантике предложения *Ветром снесло крышу; Грозой сломило дерево; Иванова ранило миной; Землю подняло взрывом* имеют одинаковую языковую семантику — в них говорится о стихийном действии, о действии без активного деятеля. Косвенная характеристика деятеля содержится в указании на орудие действия. По речевой семантике сближаются два первых и два последних предложения.

В наиболее общем виде языковая семантика двусоставного предложения может быть представлена следующим образом:

Лес темнел на фоне заката (деятель и действие); *Воздух был сухой и теплый* (собственно предмет и его временной признак).

С логическим аспектом связано разграничение «предмета мысли» и «признака» (субъекта и предиката, определяемого и определяющего). Отношения предмета мысли и признака основываются на двучленной структуре мысли, выражаемой в предложении. Под воздействием языкового материала предмет мысли конкретизируется выделением деятеля (производителя действия, действующего

лица и т. д.) и собственно предмета (носителя признака). Признак конкретизируется выделением действия и особенно признака.

В семантической структуре односоставных предложений действие оторвано от деятеля, признак предмета представлен как его состояние (В. В. Бабайцева. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968). Сравните: *Снег занес дорогу* (деятель и действие); *Снегом занесло дорогу* (действие, оторванное от деятеля); *Комната просторна* (собственно предмет и его временной признак); *В комнате просторно* (состояние).

Речевая семантика конкретного предложения богаче его языковой семантики: она включает, кроме общезыковых свойств предложения, нужную информацию, определяющую выбор слов с данным лексическим значением. Речевая семантика связана с речью, языковая — с системой языка. Следовательно, конкретное предложение является единицей языка и речи.

Понятие о языковой семантике предложения впервые вводится в практику школы в новом учебном пособии. Оно трактуется здесь как «грамматическое значение предложения» (§ 6).

Таковы в самых общих чертах важнейшие направления исследования предложения, отразившиеся в новом учебном пособии.

Подводя итоги, отметим, что предложение — многоаспектная синтаксическая единица, для которой характерно единство различных, но взаимосвязанных и взаимопроникающих сторон. Это и позволяет вычленить представителям различных направлений разные свойства предложения: при логическом аспекте — способность предложения формировать и выражать мысль, при структурном — наличие структурной схемы, при коммуникативном — свойство предложения быть средством общения, при семантическом аспекте — языковую и речевую семантику предложения.

Выделенными аспектами не исчерпывается все разнообразие подходов к изучению синтаксических единиц. Возможно и появление других аспектов, которые позволят с новых позиций дать анализ каких-то свойств предложения.

Исследование предложения в одном аспекте дает одностороннюю картину, хотя с точки зрения поставленных задач может быть очень интересным, теоретически и практически важным и нужным.

Строгому разграничению направлений исследования мешает и сам объект анализа — предложение, сочетание свойств которого является не механическим сцеплением элементов, а органическим сплавом, в котором трудно отграничить одно свойство от другого. Известный русский лингвист и методист Л. В. Щерба писал, что «в языке вообще, а тем более в литературном языке, являющемся сложной системой, все настолько связано, что ничего нельзя затронуть, не приведя в движение целого ряда других колесиков» (Современный русский литературный язык).

Этой теснейшей связью сторон и свойств предложения объясняется непоследовательность отдельных концепций. Логико-синтаксический аспект у ряда авторов вбирает в себя коммуникативный, а логический нередко растворяется в конструктивном или коммуникативном.

Актуальнейший вопрос о семантике предложения не может быть решен в узких рамках какого-то одного аспекта.

Выбор научной концепции, связанной с тем или иным направлением исследования, несомненно должен определяться целями и задачами изучения языка. В теоретическом плане решения проблем языка и речи основным объектом исследования могут быть те свойства предложения, которые принадлежат системе языка и обобщают частные значения и структурные свойства синтаксических явлений. Поэтому в центре внимания современной грамматической теории — вопросы системы языка, его структуры и языковой семантики.

Центральная задача при обучении русскому языку в школе — развитие устной и письменной речи учащихся. Этим определяется и необходимость изучения как структуры языка и языковых значений, так и конкретных предложений, в которых общие свойства их дополняются, «расцвечиваются» индивидуальным своеобразием отдельной, частной синтаксической единицы.

В практике преподавания русского языка в школе многоаспектность языковых явлений вообще, и предложений в частности, диктует выбор такого направления, которое позволило бы дать объемное, комплексное описание языковых явлений в их системных связях и отношениях. Таким направлением является структурно-семантический подход к изучению языка, продолжающий и развивающий традиции русского языкознания, пленительная сила кото-

рого кроется в объемном исследовании предложения, позволяющем учитывать все стороны предложения.

Выдающиеся русские лингвисты А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов и другие подвергали предложение не одноаспектному, а многоаспектному анализу. При изучении и классификации единиц языка в традиционном русском языкознании использовались формальный и смысловой критерии. На современном этапе развития синтаксической теории эти термины входят в синонимические ряды: формальный — грамматический, структурный; смысловой — логический, информационный, коммуникативный, семантический. (Условно сведя эти слова-термины в данные синонимические ряды, мы должны отметить наличие глубоких, иногда принципиальных различий в их значениях во многих концепциях.) В настоящее время доминантой в этих рядах являются термины *структурный* и *семантический*, что соответствует названию направления.

Структурно-семантическое направление и составляет теоретическую основу трактовки синтаксических явлений в новом учебном пособии, в котором лучшие традиции русского языкознания обогащаются достижениями современной синтаксической теории.

Богатство и выразительность русского языка могут быть восприняты учащимися только через речь, через внимание к семантике и строению конкретных предложений. Схемы не должны заслонять семантико-стилистических свойств конкретных предложений.

Учет многоаспектности языковых явлений при тактичном выделении той или иной стороны в целях обучения позволит реализовать эпиграф, предпосланный новому учебному пособию: «Перед вами громада — русский язык! Наслаждение глубокое зовет вас, наслаждение погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его» (Гоголь).

Профессор В. В. БАБАЙЦЕВА,
заведующая сектором
обучения русскому языку
НИИ школ МП РСФСР

ЛИСТАЯ УЧЕБНИК

В нашем языке много слов, первоначальное значение которых исчезло с веками. Старые названия с такими словами часто малопонятны и нуждаются в историческом пояснении. Вот несколько замечаний к словам и названиям, знакомым школьникам из учебников обществоведения, истории, литературы.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Почти у каждого, говорящего по-русски, остается ощущение, что это название каким-то образом связано со словом *голова*. Это, в общем, верно, но характер связи не так очевиден, как может показаться с первого взгляда.

В древние времена убитого называли *голова*. Уже в XI веке сыновья князя Ярослава „отложиша убиение за *голову* и ввели денежный выкуп. Если убийца не найден, денежный штраф платила та община, на земле которой было найдено тело: „Аще кто убиеть княжа мужа в разбои, а *головника* [убийцу] не ищуть, то вирьвную платити, въ чьей же верви *голова* лежитъ” (Русская Правда. Список XIII в.). В Смоленской грамоте после 1230 года сказано: „Аще убьютъ мужа вольного, то выдати разбойники... не будетъ розбойниковъ, то дати за *голову* 10 гривен серебра”. В Новгородской судной грамоте 1471 года говорится „о татбе [воровстве] и о разбое, и о грабежи, и о пожозе [поджоге] и о *головщине*”. В той же грамоте в значении ‘убийство’ встречается и слово *поголовщина*. *Головник* в значении ‘убийца’ отмечено в памятнике XVII века: «И бысть котора велика [и случилась ссора большая], и муж жену ударил... и жена назва мужа своего *головником*» (Слово о купце и сыне).

Таким образом, термин *уголовное право*, по-видимому, связан не со смертной казнью преступника, а с названием самого преступления. Это законодательство о *головниках*, то есть убийцах, и тех преступниках, которые приравнивались к ним: ворах, разбойниках, грабителях, поджигателях.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

„Не лепо ли ны бяшеть,
братие, начати старыми
словесы трудныхъ пове-

стии о полку Игореве...» — так начинается самое прекрасное из произведений древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Оно широко известно: созданы его поэтические переводы, на его сюжет написаны опера, картины. Его изучение входит в школьную программу.

Статья, посвященная «Слову» в Учебнике русской литературы для VIII класса С. М. Флоринского (М., 1970), имеет тот недостаток, что в ней нет перевода названия памятника на современный язык.

Произведение названо *словом*, а не *сказанием*, *повестью*, *песнью*. Это не мешает правильному пониманию. Не только в древности, но и теперь так называют свои сочинения писатели, скажем «Слово о словах» Льва Успенского.

Иное дело слово *полк* в названии и тексте этого памятника. Оно созвучно нашему *полк* и часто *полком* переводится. «Не пора ли нам, братья, начать на старинный лад печальную повесть о *полке* Игоря, Игоря Святославича?» — так переводит начальную строку Л. Н. Макеев в статье «Читая былины...» («Русская речь», 1972, № 3).

Как и в современном языке, древнерусское *полк* (*пѣлкѣ*) действительно имело значение 'войсковое подразделение'. Кроме того, у него было значение 'войско'. Много примеров тому в самом «Слове»: «А Игорева храброго *плькю* не кресити» [а Игорева храброго войска не воскресить]. Слово *полк* в древнерусском языке означало также 'война, поход'. Это значение есть в памятниках того же времени, что и „Слово“: „Дивно ли, оже мужь умерь *въ полку*...» — пишет Владимир Мономах в Поучении к детям. Та же мысль есть в Ипатьевской летописи под 1254 годом, только там слово *полк* заменено словом *рать*: „Аще мужь убьенъ есть *на рати*, то кое чюдо есть, — иные же и дома умирають без славы, си же со славою умроша” [Что же удивительного, что мужчина убит на войне, — иные ведь и дома умирают, но без славы, эти же со славой умерли]. Именно это значение 'война, поход' представлено в начальной строке „Слова”: „Не пора ли нам, братья, начать на старинный лад печальную повесть о походе Игоря”. По последним словам этой строки стали называть все произведение, только *повесть* заменили *словом* (Пушкин, например, называл его *песнью*).

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

По начальным словам получил название еще один памятник древнерусской письменности, известный школьникам, — „Повесть временных лет“: „Се повести времяныхъ лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача перве княжити и откуда Руская земля стала есть“. Так начинается древнейшая наша летопись. Заметим, что летописец употребил *повести* (множественное число), а не *повесть*. *Повестью* этот памятник стали называть позднее.

В Учебнике С. М. Флоринского в разделе о летописях и летописании есть объяснение слова *лето*: оно в древнерусском языке означало ‘год’. Это верно, но этого мало. Как раз слово *лето* в названии „Повесть временных лет“ понимается правильно: в современном языке тоже не *год*, а *лет*. Слово же *временных* нуждается в пояснении.

Ученые полагают, что первые записи в Киеве и Новгороде составлялись уже в начале XI, а может быть, даже в конце X века. На рубеже XI—XII веков они были обработаны Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря и получили то название, под которым этот памятник известен нам. Начало летописи, таким образом, не является свидетельством современника, в отличие от записей, которые делались по годам. С изложения сведений, известий, сказаний, повествований прошлых времен и лет начинает свой труд летописец: „Вот повести *минуших* лет...“.

«РУССКАЯ ПРАВДА»

Несколько слов еще об одном памятнике древнерусской письменности — „Русской Правде“, известной школьникам из курса истории. Это древнейший из дошедших до нас сводов законов, первый письменный документ в истории русского законодательства.

Название памятника ассоциируется у нас с современным значением слова *правда* — ‘истина, правильность, справедливость’. Для древнерусского же человека оно звучало менее метафорично, в общем, укладываясь в понятие «русское право».

Списков „Русской Правды“ известно более ста. Они возникли в разное время в разных областях Руси и различны по количеству статей, порядку и характеру их. Все тексты находятся в составе каких-либо сборников или летописей.

Один из списков (из числа так называемой Краткой Правды) содержится в Новгородской летописи, возникшей в первой половине XV века на основе более древних документов. В ней под 1016 годом сказано, что князь Ярослав, вернувшись в Новгород после победы над Святополком, одарил новгородцев деньгами и отпустил по домам, „и давъ имъ правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сеи грамоте ходити [живите, руководствуясь этой грамотой], яко же списахъ вамъ, тако же держите. А се е правда руская”. Дальше идет текст самого документа.

Другой список „Русской Правды” (из числа так называемой Пространной Правды, по Троицкому сборнику XIV века) начинается словами: „Суд Ярославль Володимерича. Правда русьская».

Как видно из текстов, слово *правда* употребляется в одном ряду со словами *устав*, *грамота*, *суд* в общем для всех четырех слов значении ‘предписание, устав, закон’.

Чтобы дать читателю представление об этом памятнике, приведем с небольшими сокращениями первую статью „Русской Правды”, упомянутую нами выше в замечании о слове *уголовный*. Текст берется по Троицкому сборнику XIV века: „Аже убить мужь мужа, то мстити брату брата, либо отцю, ли сыну... аще ли не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ... По Ярославе же паки совкупившеся сынове его... и отложиша убиение за голову но кунами ся выкупати”. Перевод такой: „Если убьет человек человека, то мстить брату за брата, или отцу за сына, или сыну за отца... Если не будет того, кто должен мстить [например, когда у человека нет родственников!], то платить за убитого 80 гривен... После смерти Ярослава [в 1054 году] собрались сыновья его... и отменили убийство за убитого, утвердив денежный выкуп”.

Эта статья «Русской Правды» отменяла на Руси кровную месть.

ИВАН КАЛИТА

В русской истории много имен деятелей, получивших прозвища от их современников или потомков по какому-либо событию в их жизни или по особенностям характера: Ярослав Мудрый, Святополк Окаянный, Всеволод Большое Гнездо, Дмитрий Донской, Василий Темный, Иван Грозный. Есть в нашей истории московский князь Иван Калита.

Калитой назывался мешок, кошель, сумка, иногда прикрепляемые к поясу. По-видимому, *калита* заменяла карман или кошелек. Слово это есть в памятниках XIV века. „Сыну моему князю Петру... поясъ зодоть съ *калитой*” — сказано в Духовной грамоте князя Дмитрия Ивановича (1389). В. Даль приводит много пословиц с этим словом, что само по себе уже говорит о его древности: „Скупой собирает, а черт калиту шьет”. Есть свидетельства о слове *калита* и в XX веке.

Один из исследователей Белоруссии в начале века писал о том, что простолюдины добывают огонь при помощи огнива, кремня и трута. Все эти принадлежности мужчины носят при себе «в особой маленькой сумочке, которую называют „огневицею”, „магалею” и „калитой»» (журнал „Живая старина”. СПб., 1909).

Князь Даниил, сын Александра Невского, оставил пятерых сыновей: Юрия, Ивана, Александра, Бориса и Афанасия. Иван Данилович при старшем брате долго оставался в тени. Он имел обыкновение носить при себе калиту — кошелек с деньгами для раздачи милостыни, за что и получил прозвание *Калита*. Став у власти, Иван Калита показал себя умным и хитрым правителем. Вот что говорит о его княжении летописец: „Перестали поганые воевать Русскую землю, перестали убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости и от насилья татарского; и с этих пор наступила тишина по всей земле”.

Н. В. ЧУРМАЕВА

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯМ

В № 3 за 1973 год журнала «Русская речь» была опубликована статья Б. П. Ардентова «Сила солому ломит». Толкование пословицы вызвало отклики читателей. Доцент Борисоглебского педагогического института В. Т. Шкляров и аспирантка Института русского языка АН СССР Л. Ю. Астахина предлагают другие точки зрения на происхождение этой пословицы.

СИЛА СОЛОМУ ЛОМИТ

Б. П. Ардентов пишет: «[Пословица] первоначально связывалась с единоборством, с состязанием в силе и... первоначально звучала так: „Сила с лому ломит“...». Однако если обратиться к старинным сборникам пословиц, то можно обнаружить факты, не подтверждающие точку зрения Б. П. Ардентова.

Эта пословица впервые зарегистрирована В. Н. Татищевым в следующем виде: «Силой и солому ломать» (20—30-е годы XVIII в.). Н. Курганов в «Письмовнике» (XVIII в.) фиксирует эту пословицу в несколько измененной форме: «Силою и солому ломить». А. И. Богданов дает такой вариант: «Силою и соломину надобно переломить» (30—40-е годы XVIII в.) (сборники пословиц В. Н. Татищева и А. И. Богданова опубликованы в книге «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков». М.—Л., 1961).

В форме этой пословицы были заложены возможности для каламбурного ее переосмысления. Сочетание слов *сила* и *солома* в сознании крестьян могло ассоциироваться также с тяжелым физическим трудом на жатве, во время которой необходимо было «ломить» (в значении ‘валить’, ‘крушить’) солому при помощи серпа. Для этого действительно нужна была немалая сила.

Так мог появиться вариант: «Сила и солому ломит», отмеченный в сборнике А. И. Богданова. Смысл этого варианта, вероятно, можно объяснить так: только сила способна (в состоянии) «ломить» (одолевать) солому, или: сила даже солому ломит. С исчезно-

вением союза *и* в словарях стала фиксироваться современная форма: «Сила солому ломит». Значение этой поговорки хорошо объясняется В. П. Жуковым в «Словаре русских пословиц и поговорок» (М., 1966): «Сила, власть и т. п. заставляют смириться, покориться, отступить. Говорится тогда, когда кто-л. вынужден подчиниться обстоятельствам, власти и т. п.».

В. Т. Шкляр

Зачем *ломить* солому? Ее можно пригнуть, согнуть. Ломят что-то непокорное, неподатливое. В «Сказке о царе Салтане» Пушкин так рассказывает об изготовлении князем Гвидоном лука:

Ломит он у дуба сук
И в тугой гибает лук,
Со креста снурок шелкóвый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил..

Дубовый сук для *тугого* лука Гвидон *ломит*, а тонкую тросточку — *сломил*. В первом случае чувствуется прилагаемое князем большое усилие, во втором — действие нетрудное, совершаемое в один прием. Соломину можно *сломить* без особых усилий. Соломинки податливы, сами гнутся под тяжестью спелых колосьев. В это время даже легкий ветер будет склонять их «до самой земли, тучные зерна купая в пыли»; при дожде хлеб полегает. Даже малый ребенок без труда *надломит*, *сломит* соломинку.

В стихотворении «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова, который знал народный быт и мастерски владел русским языком, от имени няни произносятся такие безнадежные, печальные слова:

Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротинчке
Беспечально век прожить.
Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

Экспрессивный суффикс в слове *соломушка* исключает возможность толкования поговорки как «Сила с лому ломит». Сила, о которой поет няня, представляется настолько беспощадной в своей жестокости, что даже податливую, готовую всегда склониться солому — *ломит*. Почему ломит? Да расходилась она, сила эта, нет ей предела, нет удержку. И именно перед такой непонятной силой «надо голову клонить». Она даже слабейшего не оставит, лежачего добьет, что во все времена считалось делом недостойным истинно сильного.

Пословица приобретает у Некрасова глубокий социальный смысл. Недаром в песне, которую спел мальчику «проезжий, городской», есть строки об иной, новой, разумной силе, которая уничтожит в своем справедливом порыве угнетение и «лукавую неправду», а не слабых и терпеливых. А пока что — ломит сила солому, несмотря на то, что та и сама легко покоряется. *Ломить-то и не нужно...*

В пословице речь идет именно о большой, неистовой, неразборчивой силе того, о ком иногда говорят в народе: «Сила есть — ума не надо».

Л. Ю. Асташина

О ПУНКТУАЦИИ

На страницах журнала «Русская речь» (1974, № 1) Л. Т. Григорян в статье «Обучение пунктуации в школе» был поднят чрезвычайно важный вопрос о методике обучения пунктуации в школе. Пробелы, допущенные в обучении пунктуации в младших классах, дают знать о себе в последующих. На среднем уровне обучения, когда учащиеся уже знают в основном пунктуационные правила и умеют делать анализ предложений, но тем не менее допускают массу пунктуационных ошибок, значительный эффект приносит знакомство детей с фотокопиями черновых вариантов рукописей великих русских писателей.

Главная задача, которую ставит при этом учитель, — убедить учеников в том, что в упорной и кропотливой работе над рукописью наши мастера слова уделяют значительное внимание пунктуационным знакам. Мы убедились в этом, когда на уроках русского языка поделились с учениками своими наблюдениями над рукописями А. П. Чехова.

Известно, какое большое значение придавал Чехов интонации как одному из важнейших средств передачи всей сложной гаммы чувств и настроений героев. Пунктуационный знак в конце предложения — важнейший указатель его интонационного звучания.

Мы сравнили рукопись пьесы «Вишневый сад» с первым изданием этой пьесы и проследили на отдельных примерах, как в процессе авторской правки менялись интонационные знаки, указывающие на различную интонационную окрашенность реплик Ани, Любови Андреевны.

Рукопись пьесы: «А н я. Какой ты, хороший, дядя Леня, какой умный... (*обнимает дядю*). Я теперь покойна... Я покойна»; и текст печатного издания: «А н я (*спокойное настроение вернулось к ней, она счастлива*). Какой ты хороший, дядя, какой умный! (*Обнимает дядю*). Я теперь покойна! Я покойна! Я счастлива!».

Ученики вспомнили, что многоточие ставится при перерыве речи как в конце, так и в середине предложения, а восклицательный знак после слов или предложений, выражающих радость, восторг, удивление, призыв. Отметим, что реплика Ани в рукописном варианте прерывиста, произносится как бы в раздумье, а в печатном издании — полна радости, восторга, эмоций. Обратили внимание и на вставку ремарки, которая помогает глубже понять целенаправленный характер авторской правки.

Следует отметить, что время, затраченное на уроке на подобные наблюдения, с лихвой окупается в дальнейшем. И не только на уроках русского языка, но и на уроках литературы, когда учащиеся сталкиваются с характеристикой персонажей пьесы «Вишневый сад». Ведь восклицательная интонация в репликах Ани не только передает ее настроение, но и отражает такие черты характера этой поэтичной и чистой натуры, как восторженность, личность.

А. Е. Ярмолинская,
учительница русского языка и
литературы
село Грушевица Ровенской области

СМОРОЗИТЬ

О выражении *сморозить* в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера сказано следующее: «*Сморозить*, *сморбжу* 'сказать глупость', *морозить* — то же (Даль). Связано чередованием гласных с *mъгз- (см. *мързкий*): *mogz- По мнению Преображенского (II, 339), непосредственно от *морозить* в обычном значении. Он предполагает происхождение из семинаристского жаргона от греческого *μωρός* 'глупый', что, однако, остается абсолютно недостоверным». Здесь не объяснено метафорическое значение рассматриваемого слова. Ссылаясь на А. Преображенского, М. Фасмер, очевидно, соглашается с тем, что *сморозить* по корню то же самое, что и *морозить* в исконном значении. А отчего оно приобрело фигуральный смысл, то есть именно то, что подлежит этимологизации, М. Фасмер не объясняет, отвергая догадку А. Преображенского о семинаристском жаргоне.

Между тем догадка эта как раз вероятна, если вспомнить, что в русский язык проникло большое число семинарских выражений. А. Преображенский в своем Словаре дает такое объяснение: «*Сморозить*: собств. *дать, заставить замерзнуть*; откуда указанное переносное значение, сказать трудно; может быть, это семинарское выражение, явившееся под влиянием гр. *μωρός глупый*...».

Думается, что объяснение переносного значения можно найти в Толковом словаре В. Даля. В статье *мороз* приведены два выражения: «Такое прозвание, что с морозу не выговоришь» и «Это так, с морозу совралось». Они подтверждают переносный смысл слова *сморозить*.

У очень озябшего человека мерзнут и губы, а посему речь его становится невнятной. Он невольно говорит невпопад, а иногда и не то, что хочет. Отсюда становятся понятными в выражении *сморозить* глупость и ложь: они возникают помимо воли говорящего.

Следует заметить также, что в предположении А. Преображенского учитывается только одно значение — ‘сказать глупость’, а не два — ‘сказать невпопад и солгать’, как на это указывает выражение «Это так, с морозу совралось».

С. В. Петров,
член Союза писателей СССР
Новгород

МЕНДЕЛЕВИЙ ИЛИ МЕНДЕЛЕЕВИЙ?

Научный сотрудник Института элементоорганических соединений АН СССР И. Г. Филатов (Москва) пишет о том, что написание элемента № 101, названного в честь творца Периодической системы — Д. И. Менделеева, в «Орфографическом словаре русского языка» дано как *менделевий* (через *е* в предпоследнем слове). Причем в учебниках (в том числе и вузовских) в настоящее время дано именно это, неправильное написание, а в специальной литературе прежних лет было правильное — *менделеевий*. Один из минералов, названный тоже в честь Д. И. Менделеева, в том же «Орфографическом словаре» пишется с двумя *е* — *менделеевит*. И. Г. Филатов предлагает исправить написание элемента № 101: оно должно быть *менделеевий*, а не *менделевий*.

Этот вопрос ставится не впервые. Известно, что название 101-му элементу дали американские ученые в виде *Mendelevium*. Принимая эту латинскую форму, специалисты-химики считают, что по-русски надо писать это название *менделеевий*.

И. А. Реформатский и А. В. Суперанская в статье «Как назвать новый химический элемент?» (сб. «Вопросы культуры речи». VII. М., 1966) доказывают правомерность написания *менделевий*, а не *менделеевий*. Основа фамилии *Менделеев* — «менделей» сохранена в названии: *й* (*и* неслоговое) заменено *е*. По традиции, даже русские названия — обозначения химических элементов латинизируются. От *Mendelevium* русское название следует образовывать путем замены *-ium* на *-ий* — *менделевий*.

«Таким образом,— пишут И. А. Реформатский и А. В. Суперанская,— согласно традиции, национальная форма названий строится на латинской основе, которая обеспечивает их международность».

КУЛЬТУРА РЕЧИ — ПОКАЗАТЕЛЬ ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА

«Завязывай — я уже балдею» — эту реплику из диалога между студентами я услышал случайно. В переводе на «нормальный» русский язык, насколько я понял из речевой ситуации, она означала: «Прекрати (хватит) — я умру от смеха». Извлеченное из грубого просторечия, слово *балдеть* в обиходе молодых людей, в том числе и студентов, употребляется в самых различных и неожиданных значениях: восхищаться, удивляться, смеяться, влюбиться, опьянеть..., лень мыслить! и других.

Жаргонизмы и просторечия составляют незначительный пласт в речи молодежи, но, безусловно, не украшают речевое общение, так как даже случайно оброненное слово, какой-то маловажный поступок говорят о качествах человека, о его культуре.

Культура речи в узком лингвистическом значении — это владение языковыми нормами, умение пользоваться выразительными средствами языка в конкретно взятых условиях речевого общения в зависимости от цели и содержания высказывания, это степень владения неистощимыми богатствами языка. Культура речи в более широком смысле — это часть общей культуры человека, народа, говорящего на том или ином языке.

Современный русский язык — один из богатейших языков мира: он дает широкие возможности для говорящего или пишущего на нем выбирать нужные и точные слова для передачи мысли конкретно, ясно и выразительно. При отборе средств языка нужно подбирать слова так, чтобы они наиболее точно выражали данные понятия.

Язык сам отбрасывает все уродливое, наносное, «модное», усваивая наиболее содержательное, образное и красивое, но и нам следует беречь его от всего грубого, малосодержательного, временного и помнить слова выдающегося мастера русского слова М. Горького: «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры».

*М. М. Урумов,
доцент Северо-Осетинского
государственного университета*

ЗНАТЬ, ЧТОБ НЕ УПОТРЕБЛЯТЬ

Интернациональные слова — элемент общей культуры в русском языке. Однако они же при поверхностном их знании часто затрудняют смысл и становятся просто лишними в предложении, внося манерность и ложную ученость. Можно услышать: «Он будет *фигурировать* в суде в качестве свидетеля», вместо того чтобы сказать: «Он будет в суде свидетелем». Ученик говорит: «Надо учесть все факторы случайности, готовясь к экзамену», не желая сказать просто: «Надо предвидеть все случайности, готовясь к экзамену»; или: «С будущего лета *начнет функционировать*» (вместо: откроется) в нашем лесу пионерский лагерь.

Необходимо вести борьбу против засорения речи. Для этого надо выработать навык в упражнениях, сочинениях, в каждом предложении устной речи пользоваться сокровищницей русского языка — изучать синонимы.

Надо точно знать значения иностранных слов, входящих в русский язык. Знание русских синонимов к ним спасет от неумеренного их употребления, в ущерб ясности речи.

А. А. Ульянин,
учитель русского
языка школы № 42
Ульяновск

О ЯЗЫКЕ СПОРТСМЕНОВ

Пресса, литература, радио, телевидение, кино стали достоянием широких масс, прочно вошли в быт советского человека. Вполне понятно поэтому стремление к тому, чтобы речь как средство общения была образцовой, правильной, точной и выразительной, чтобы не было в ней всего того, что мешает общению и обедняет язык.

Постоянно находясь среди спортсменов, болельщиков, я часто слышу от них спортивные выражения, в которых встречаются слова, давно утратившие свою актуальность, но еще почему-то употребляемые не только среди спортсменов и болельщиков, но и в печати.

Не успели мы порадоваться, что *голкипер* вытеснен *вратарем*, он снова замелькал в заметках о футболе и хоккее. А между прочим, в среде болельщиков и футболистов в настоящее время слово *голкипер* звучит иронически в адрес вратаря, неудачно защищавшего свои ворота. Вновь нападающего, хорошо владеющего мячом, теснит *форвард* с прекрасным *дриблингом*. «Это интересный форвард с хорошим дриблингом...» («Футбол-хоккей», 25 апреля 1971);

«А вот когда дело доходит до обороны, то здесь, как говорится, сплошь и рядом можно увидеть, как после потери шайбы *нападающие* [!] не спеша возвращаются на свою половину площадки, а два защитника в это время ведут неравную борьбу с тремя *форвардами* [!] соперников» («Советский спорт», 20 октября 1973).

*В. Ф. Попов,
преподаватель
Ленинград*

ОБРАЗНАЯ РЕЧЬ ТРЕНЕРА

Тренеры по спорту и преподаватели физической культуры давно уже заметили, что дополнения стандартных спортивных терминов при объяснении упражнений образными выражениями помогают спортсменам и физкультурникам быстрее и лучше усваивать сложные движения. Хотя существующая спортивная терминология создана на базе большого опыта специалистов и содержит много установившихся единых понятий о движениях, все же она носит общий характер, так как не учитывает индивидуальных особенностей обучаемого, его запаса двигательных навыков, представлений и т. д.

У тренера по плаванию, обучающего пловца дыханию, можно услышать: «При вдохе как будто кусаешь воздух»; «При выдохе дуй на горячий чай»; «При плавании руки — это весла, ноги — мотор, туловище — корпус лодки». Разучивая движения ног при плавании кролем на спине, рекомендуют: «Слегка подбивай воображаемый мяч, плавающий на поверхности воды».

Правильно подобранные профессиональные образные указания могут раскрывать существенные стороны изучаемого двигательного действия, останавливать внимание обучаемого на наиболее важном, опираться на его опыт, вызывать интерес к наиболее активному изучению техники движений.

По нашему мнению, необходимо обобщение опыта применения образной речи, создание специального сборника профессионально-образной речи преподавателей по отдельным видам спорта.

*Кандидат педагогических наук
В. В. Пыжов
Львов*

О ГРЕЧЕСКИХ КАЛЕНДАХ

В опубликованной в «Известиях» (20 января 1974) корреспонденции «Привычное амплуа» есть такая фраза: «Кремь начищает от „греческих календ“». Как видно из дальнейшего текста, автор

хочет этим сказать, что Крмп начинает свою статью со ссылок на древнюю историю: «Ссылается на скифов и Пунические войны, Александра Македонского и Диоклетиана».

Но уместно ли здесь упоминание о греческих календах? Ведь выражение это употребляется лишь в значении 'отложить (отсрочить, ждать) до греческих календ'. Календы — название первого дня месяца у древних римлян. У греков календ не было, поэтому выражение *отложить до греческих календ* значит: 'отложить надолго, на неопределенный срок; никогда не сделать' (Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1955). В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» в статье о календах значится: «*До греческих календ; отложить до греческих календ*. И р о н. Отложить на неопределенно долгий срок; никогда не сделать (так как счет по календам у греков не применялся)».

Таким образом, в приведенном тексте сочетание *от греческих календ* употреблено неправильно.

А. Г. Кац
Саратов

●

Авторы писем часто обращаются к вопросам культуры русской речи, делятся своими мыслями, наблюдениями. Ф. Е. Киселев (Иваново-обл.) пишет об ошибках в произношении дикторов радио; А. А. Шамаров (Куйбышев) — о неправильных ударениях в разговорной речи; член общества «Знание» Грузинской ССР Г. Кобешавидзе (Махарадзе) прислал свои наблюдения о родстве русских и болгарских слов; учителя В. Г. Гомазков (Волгоград), Е. И. Комиссарова, Д. А. Комиссаров и А. У. Андреев (Ульяновск) сообщают свое мнение, критические замечания о прочитанных статьях в нашем журнале и других изданиях; член литобъединения В. Куприн (Павлодар) прислал стихотворение, которое назвал «Родная речь»; учитель А. Г. Мсерьян (Ленинакан) сообщил интересные примеры из речи своих учеников; и много других писем.

«РУССКАЯ РЕЧЬ»

СОВЕТУЕТСЯ

В № 1 за 1974 год редакция опубликовала вопросы (стр. 97), на которые просила ответить читателей «Русской речи». Редакция получила большое количество писем. В них высказаны пожелания, предложения, критические замечания об опубликованных материалах. Авторы писем предложили много тем, задали вопросы, ответы на которые они хотели бы получить.

Нам написали: доцент Киргизского женского пединститута И. Н. Бажина, В. С. Буряков (Рязань), Н. И. Воронин (Краснодарский край), А. Н. Иванова (Кременчуг), студент-филолог М. Карелин (Улан-Удэ), Н. М. Квитинский (Нальчик), И. Д. Коваль (Харьков), Ю. А. Куля (Кишинев), Е. Мурадпур (Баку), А. А. Никитин (Пермь), член Союза писателей СССР П. Дудочкин (Калинин), тов. Парамонов (Жданов), В. Ф. Сукманов (Иваново), профессор М. Чезаро из Италии, москвичи А. и Т. Грачевы, школьник Б. Елизаров, И. А. Карамышев, Н. Ф. Лапичев, персональный пенсионер Б. Горбовицкий и многие другие.

Вот предложения, критические замечания, высказанные в некоторых письмах.

Говоря о проблемах литературного языка в научно-популярном журнале, хочется, чтобы редколлегия обратила внимание на следующее обстоятельство, многие люди по разным причинам не пользуются всем богатством родной речи, лексикон их художочен и нищ, стандартен и сер, без народной живинки и красочности, без простоты и мудрости, без философской и деловой емкости фразы. Поговорки, шутки народные почти исчезли в речах, докладах, что очень снижает психологическую убедительность слова. Желательно, чтобы в каждом номере журнала «Русская речь» выступали писатели и видные деятели. Весьма важны темы нравственного значения культуры речи. Не будет вреда, ежели по несколько страниц в номере будет отводиться коротким художественным произведениям, отличающимся лучшими достоинствами родного языка. Тут уместны и отрывки из произведений, и цитаты (П. И. Дудочкин).

Одна из главных задач журнала — это вести непримиримую борьбу за чистоту, певучесть и музыкальность русского языка... Было бы не лишним побольше уделить внимания разговорной речи (А. А. Никитин).

Публикуйте больше материалов в помощь учащимся в изучении русского языка (В. С. Буряков).

Необходимо расширить раздел «Поступающему в вуз» (А. и Т. Грачевы, Б. Елизаров).

Мне кажется, что в журнале недостаточно освещаются вопросы взаимодействия родственных языков: русского, украинского и белорусского. В журнале, на мой взгляд, недостаточно материала для школьников (И. Д. Коваль).

О поэзии надо включать больше материала: разборы стихотворений современных поэтов (Н. Ф. Лапичев).

Меня больше всего интересуют такие рубрики: «Язык художественной литературы», «Культура речи», «Этимологические этюды» (И. Н. Бажина).

Мне очень хочется, чтобы в журнале в основном освещались бы три вопроса: язык художественной литературы, слово писателю, культура речи (Н. И. Воронин).

Меня интересуют разделы «Язык газеты» и «Старая письменность» (А. Н. Иванова).

Более серьезное внимание следует обратить на рубрики «Язык газеты» и «Культура речи». Думаю, потому, что газета очень активно влияет на язык и мышление современников. Я, например, часто обнаруживаю в газетах языковые и стилистические ляпсусы. Но ведь многие читатели не знают, что так писать нельзя. Наоборот, они думают, что в газете не может быть ошибок, и зачастую неправильные обороты речи, почерпнутые из периодики, вводят в свой лексикон (В. Ф. Сукманов).

Как видно из этих выдержек, рекомендации самые разные. Редакция и редколлегия внимательно ознакомились со всеми письмами, изучили все предложения и мнения. Это поможет нам определить темы и вопросы, представляющие наибольший интерес для читателей нашего журнала.

ЧИТАТЕЛИ СПРАШИВАЮТ

ОБ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Особенно много писем в «Почте „Русской речи“» за 1974 год с просьбой рассказать об истории и происхождении разных слов, фразеологических сочетаний, фамилий, русских имен. Об этом нам написали: К. И. Зайцева (Свердловск), И. П. Павлов (Кали-

нинград Московской обл.), А. Матковский (Узловая Тульской обл.), И. И. Комар (Пермь), Е. Мурадпур (Баку), тов. Нарский (Ростов-на-Дону), А. И. Зимин (Ленинград), И. Г. Сикал (Таганрог), С. Д. Карабут (Сумская обл.), москвичи В. С. и Е. А. Князевы, Б. З. Павлова, И. И. Силаев и другие.

В журнале постоянно помещаются статьи на эти темы в разделах «Из истории слов и выражений», «По карте России», «Школа», «Почта „Русской речи“». О фразеологизмах можно прочитать в статье Д. Д. Проценко (1972, № 6), об образовании фразеологизмов *красная суббота, человек в футляре, нулевой цикл* рассказывает Ю. А. Гвоздарев (1974, № 3). Об истории фамилий мы неоднократно писали: о фамилиях Потебня и Васнецов (1969, № 4); о происхождении фамилий на *-ых, -их* (1969, № 2); об истории русских фамилий тюркского происхождения (1970, № 6); о некоторых русских фамилиях (1974, № 2). Статьи о происхождении русских фамилий будут печататься и в дальнейшем.

Ю. Куля (Кишинев) просит чаще писать о новых словах и выражениях, которых нет еще в толковых словарях русского языка. Г. А. Анисимова (Пермская область), И. М. Хавин (Уфа), А. К. Бородина (Ленинград), А. и Т. Грачевы (Москва), Т. И. Гвинадзе (Тбилиси) тоже интересуются новыми словами и сочетаниями. Они спрашивают: когда впервые в русском языке появилось сочетание *встречный план*, которое часто употребляется в газетах в последнее время? какое значение имеет слово *акселерация*? кто такой *постижер*? кто такие *пластунь*? что значит *универсам*? Н. С. Иванов (Магнитогорск) спрашивает, что такое *бульотка*? Это слово он увидел на этикетке спичечной коробки.

На эти и многие другие вопросы читателей редакция постарается ответить в текущем году.

О СКЛОНЕНИИ ФАМИЛИЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Много вопросов в письмах читателей о склонении разного типа фамилий. Об этом мы писали в разделе «Почта „Русской речи“» в 1967 году (№ 4), о склонении фамилий на *-ых* (1968, № 3), о склонении фамилий на *-ю* (1974, № 3).

Н. В. Закаблучная (Архангельск), инженер Р. С. Камень (Москва), А. И. Белый (Киев), М. М. Германова (Витебск), К. И. Горохов (Воркута), интересуются склонением таких фамилий, как Бакунец, Кобец, Волчек, Медведь, Камень, Жук, Гриб, Берестень. О склонении такого типа фамилий была опубликова-

на статья (1967, № 4). Помещать ответ еще раз в журнале вряд ли целесообразно, поэтому ответим коротко.

Общее правило такое: если окончание фамилии совпадает с основными типами окончаний, свойственных словам русского языка, то фамилия склоняется. Русские и иноязычные мужские фамилии, оканчивающиеся на согласный, склоняются: товарищу Бакунецу, Кобецу, Волчеку, Берестеню; женские — не склоняются: товарищу Бакунец и т. д.

Однако могут быть отклонения от этого правила, если фамилии созвучны с названием животного или предмета неодушевленного, а также во избежание непривычной или неблагозвучной формы. В таком случае у мужских фамилий допустима несклоняемая форма: товарищу Камень, Жук, Гриб, Медведь.

Н. Н. Северин (Одесская область) пишет: «В нашей местной газете географические названия употребляются только в именительном падеже: в поселке Сарата, горжусь селом Фараоновка, дорога к селу Плахтеевка, в городе Белгород-Днестровский и т. д., а в областных газетах: в селе Фараоновке, из села Зари и др. Хотелось узнать по этому поводу мнение редакции». «Как следует говорить и писать: в городе Махачкала или в городе Махачкале?» — спрашивает М. Каландаров (Дагестанская АССР); «В городе Красный Луч или Красном Луче?» — интересуется В. А. Целовальников (Ворошиловград).

О склонении некоторых географических названий был ответ в «Почте „Русской речи“» (1968, № 4). О склонении сложносоставных географических названий читайте в одном из ближайших номеров.

Вопросов в письмах читателей очень много: об орфографии и пунктуации, о словообразовании и словоупотреблении. На большинство из них мы отвечаем непосредственно авторам. Ждем новые вопросы, предложения, замечания о публикуемых статьях в нашем журнале.

Материал подготовила Ю. Ф. Хаустова

«РУССКАЯ РЕЧЬ» ОТВЕЧАЕТ

● АКСЕЛЕРАЦИЯ

И. М. Хавин из Уфы спрашивает, какое значение имеет новое слово *акселерация*.

Слово *акселерация* не новое в русском языке. В переводе с латинского *acceleratio* означает 'ускорение', Термин *акселера-*

ция употреблялся еще в XIX веке в механике применительно к изменению скорости движения тела. Это «физическое» значение слова сохранилось сейчас в названиях приборов, регулирующих или регистрирующих ускорение: «Ванюшка до отказа выжимает акселератор, чтобы на большой скорости выскочить на крутой берег» (Липатов. Зуб мудрости).

Сравнительно недавно появился новый прибор для измерения ускорения, возникающего на космических летательных аппаратах, ракетах, самолетах и других движущихся объектах — *акселерометр* (от латинского *accelero* 'ускоряю' и греческого *metrēō* 'измеряю'): «Смертельный враг всех акселерометров — приборов, измеряющих ускорения на ракетах и космических станциях — трение» («Знание — сила», 1968, № 7).

В последние годы мы столкнулись с новым значением слова *акселерация*, которое не имеет никакого отношения к механике, но выражает тоже ускорение, хотя совсем в другой области — в биологическом развитии. «Советская культура» (7 января 1973) пишет: «Акселерация стала одной из загадок нашего века. Ее проблемы интересны не только с медико-биологической, но и с социальной точки зрения, они затрагивают многие стороны общественно-экономической и культурной жизни».

Ленинградский педагог и писатель Н. Долинина начинает свою статью «Дети как дети», опубликованную в «Ленинградской правде» (1 апреля 1973), с разъяснения этого слова, вошедшего уже в жизнь и разговорный обиход: «Мудреное слово *акселерация* все чаще появляется на страницах газет и журналов, звучит в разговорах, приобретает смысл то обвинительный, то, напротив, оправдательный: „Что вы хотите от моего сына? — спрашивает учительницу обиженная мать. — Они все теперь такие: акселерация!“ Другая мать кричит дочери: „Чтоб у меня в доме был порядок! Я этой вашей акселерации у себя не допущу!“». И далее автор пишет: «Перебрав несколько словарей (в том числе справочник „Новые слова и значения“), я не обнаружила никакой акселерации».

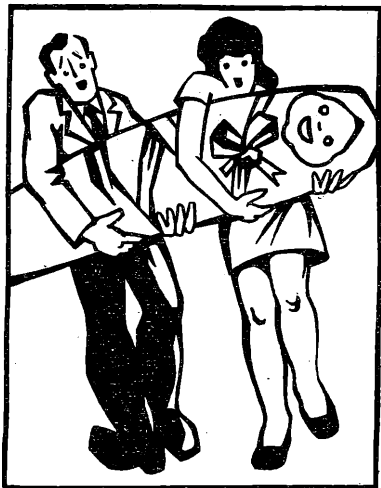
Действительно, в словарь-справочник «Новые слова и значения», составленный по материалам прессы и литературы 60-х годов и изданий в 1971 году, слово *акселерация* еще не вошло, что объясняется задачами этого словаря: в него включена только та (может быть, старая) лексика, которая, «через прессу и литературу массового пользования стала (или становится) достоянием литературного языка» (От издательства). Значит, слово *акселерация* в новом значении — 'ускорение роста и развития детей и подростков' — еще не было достоянием литературного языка 60-х годов, хотя было известно специалистам и

встречалось в специальной литературе задолго до этого времени. Большая Советская Энциклопедия в 3-м издании (1970) включила это слово в написании *акцелерация*. Русский ученый-биолог академик А. Н. Северцов (1866—1936) обозначил термином *акцелерация* более раннее развитие того или иного органа, ускорение формирования отдельных частей зародыша на определенной стадии развития.

В наши дни слово *акселерация* перестает быть узкоспециальным термином, потому что об этом явлении сейчас говорят и пишут многие — врачи, учителя, тренеры. Теперь так называется отмечаемое за последние 100—150 лет ускорение физического развития, физиологического и умственного созревания детей и подростков.

Вот несколько примеров из современной литературы: «С конца XIX и начала XX века во многих странах, в том числе и у нас, ученые отмечают заметное ускорение роста, созревания и психического развития детей — *акселерацию*. Действительно, ускорение роста можно наблюдать уже на стадии внутриутробного развития. По данным В. Ленца, вес детей при рождении сейчас на 100—133 грамма выше, чем сто лет назад. Подобные изменения отмечаются и в более старшем возрасте» («Учительская газета», 10 октября 1970); «Нынешнее молодое поколение заметно выше своих матерей и отцов. Это хорошо видно на любой городской улице. Как объяснить „вспышку роста“, получившую название акселерация?» («Комсомольская правда», 14 марта 1971).

То, что слово *акселерация* освоено русским языком, свидетельствуют производные от него, уже встречающиеся в современной литературе: «Акселерация тут ни при чем. И Дина, и Люся — *акселеранты* [те, на ком проявляется акселерация], как и Юра, и многие в 10-м „В“, но опыт их, как видим, различен» («Комсомольская правда», 31 мая 1973); «„*Акселерированные*“ дети в течение всей своей жизни сохраняют повышенную работоспособность, утомляются намного меньше, чем остальные, меньше болеют, и у них выше физические возможности» («Комсомоль-

ская правда», 13 января 1972); «Возможно, животные и рады бы *акселерироваться*, но им мешают свои пневмонии» («Химия и жизнь», 1970, № 9).

Большой интерес к проблемам биологии, разговоры об акселерации на страницах печати, в быту и уже полная освоенность этого слова русским языком сделали возможным создание в живой речи нового производного (правда, не получившего пока широкого распространения). Слово это — *аксельрат*, синоним биологического термина *акселерант*, употребленное (а может быть, и созданное) Р. Рождественским в стихотворении «Аксельраты, аксельратки...», которое впервые опубликовано в «Неделе» (1969, № 35):

Силой мышечной богаты,
бродят по проспекту праздному
малолетние гиганты,
рост которых — не по разуму...
Во дворах играют в прятки,
оккупируют парадные
молодые *аксельратки*
с молодыми *аксельратами*.

В статье Э. Черепуховой «Сколько весит долг» («Неделя», 1969, № 49) опять встречаем *аксельратов* и *аксельраток* уже как повторение заглавия стихотворения Р. Рождественского: «Необходимость воспитывать не только не отпала, но, кажется, даже возросла, потому что нередко наши „аксельраты и аксельратки“, рано постигнув разные премудрости наук, считают себя, совершенно ошибочно, взрослыми».

«Не нужно бояться мудреного слова *акселерация*, — пишет Н. Долинина. — Это хорошее слово: оно значит, что дети наши могут больше, чем люди предыдущих поколений».

В. П. Фелицына

● ОДИССЕЙ И ОДИССЕЯ

Что такое слово *одиссея* и связано ли оно с именем героя поэмы Гомера Одиссеем? — спрашивает нас Н. П. Липатова из Куйбышева.

В любом современном языке есть немало древних слов, при первом знакомстве с которыми перед нами встают целые эпохи и народы, их древняя быль. Таково, например, древнегреческое слово *одиссея*, пришедшее к нам как название знаменитой античной эпопеи Гомера.

Слово *Одиссей* (*Одисс*) появляется в переводах в начале XVIII века, хотя гомеровские творения были известны на Руси уже с XV века. Название поэмы «Одиссея» (*Odysseia*) произошло от имени ее героя Одиссея (*Odysseus*).

Современное нарицательное слово *одиссея* идет от названия поэмы. Оно содержит в себе общее понятие любых странствий, приключений, скитаний, сопряженных с разного рода препятствиями, трудностями, невероятными испытаниями... У народов Западной Европы слово *одиссея* обрело новую жизнь, такую же богатую, как и сами приключения героя поэмы Одиссея. Но вошло оно в литературные языки этих народов в разное время и разными путями, в зависимости от условий формирования того или иного литературного языка.

Первые употребления слова *одиссея* на русской почве встречаются уже в начале XIX века: «Вы не будете требовать от меня целой одиссеи, т. е. описания моих походов и странствий: для этого не достанет у меня бумаги, а у вас терпения» (Батюшков. Письмо Д. В. Дашкову, 25 апреля 1814); «Милая женка, вот тебе подробная моя одиссея» (Пушкин. Письмо Н. Н. Пушкиной, 20 августа 1833).

В приведенных примерах слово *одиссея* приобретает своеобразную бытовую окраску. Впоследствии стилистически оно все больше и больше тяготеет к книжной лексике, выражая «героические» приключения: «Его грудной голос... разгонял мою дремоту, и в воображении одна за другой вставали картины его одиссеи» (Короленко. Соколинец) — здесь уже вырисовывается и новый оттенок значения слова (не просто приключения, а сама жизнь, прошедшая в трудных условиях и скитаниях). Слово употребляется в произведениях советских писателей: «С тех пор я не встречал Алексея Мересьева, но повсюду, куда ни бросала меня военная судьба, возил я с собой две ученические тетрадки, на которых еще под Орлом записал необыкновенную одиссею этого летчика» (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке); «Давай лучше поговорим. Надо же мне рассказать тебе мою одиссею» (Шолохов. Они сражались за Родину); на газетной полосе: «Так закончилась беспримерная боевая одиссея разведывательной группы „Джек“ в логове врага» («Комсомольская

правда», 23 марта 1967). Все более расширяются сфера употребления, семантические границы слова, оно получает негативную, ироническую окраску: «В роли содержанки Керенский совершил бурную одиссею по белогвардейским притокам Берлина, Парижа, Лондона» («Известия», 31 декабря 1967); «Здесь же график пробега „Антилопы-Гну” и вообще вся география предпринимательской одиссеи Остапа Бендера» («Известия», 18 апреля 1967).

И все-таки слово чаще употребляется в своем первоначальном значении — «странствия, приключения, сопряженные с препятствиями, трудностями, испытаниями»: «Северная одиссея» («Правда», 2 июня 1967); «И вот сегодня завершается космическая одиссея семерых отважных» («Красная звезда», 19 октября 1969); «Итак, звездная одиссея, взволновавшая весь мир, завершена» («Правда», 20 октября 1969); «Третий день лунной одиссеи продолжается» («Известия», 10 января 1972).

Имя *Одиссей* в современном литературном языке встречается в переносном значении: «И Борису Спасскому весной будущего года предстоит очень нелегкая „работа” с тем Одиссеем, который, благополучно миновав все рифы, выйдет навстречу чемпиону мира» (М. Таль. Кто он, шахматный Одиссей?) — «Советский Союз», 1971, № 7). В данном случае автор возвращает нас к первооснове — легендарным приключениям гомеровского героя. Оказывается, и в наш век могут быть такие ассоциации.

Слово *одиссея* отмечают как книжное с переносным значением Украинско-русский словарь (Киев, 1970), Русско-белорусский словарь (М., 1953). По всей вероятности, оно проникло в украинский и белорусский недавно из русского литературного языка. Отмечается оно также в большинстве словарей западноевропейских языков, в словарях литературных языков западных и южных славян.

И. К. Марковский

● ДО ИЛИ ПО?

Группа сотрудников Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина обратилась с вопросом о том, как употреблять предлог *до* и как понимать, что включается в понятие предел, на который он указывает.

Вопрос этот не такой простой, каким кажется на первый взгляд. Ни в словарях, ни в грамматиках ответа на него нет.

Предлоги *до* и *по* в современном русском литературном языке, как и другие первообразные предлоги, многозначны. Одним из их основных значений является указание на предел. Этот предел

может быть пространственным, количественным и временным. Главная трудность в понимании отношений этих предлогов при указании на предел — понимание объема самого предела.

При пространственном пределе предлог *до* с родительным падежом указывает на тот объект (предел), ранее которого, ниже которого, не считая которого или вровень с которым что-либо происходит: до верха полон вагон; наполнить чайник до краев; «Привезенные сюда семена... пробуют на опытных полях института от Полярного круга до границ Афганистана и от Владивостока до границ Литвы» (Паустовский. Погоня за растениями).

Предлог *до* может указывать на временной предел, ранее которого что-либо происходило: «Свет в пасмурный день до дождя совершенно иной, чем в тот же день после дождя» (Паустовский. Поэзия прозы); «До водонасосной Вортинов со своей бригадой работал по оборке железной марты Круппа» (Паустовский. Соль земли).

При временных и количественных отношениях объект, управляемый предлогом *до*, может и сам включаться в состав предела: прожить до ста лет (сто лет исполнится); прием заявлений с шести до восьми часов (в восемь часов прием прекращается). Предлог *до* может указывать и на предел, который как бы вовсе исключается из исчисления: «Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его» (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву) (а во время деятельности Ломоносова?), до революции — после революции (а во время революции?).

Следовательно, при временных отношениях предел с предлогом *до* может быть истолкован по-разному: 1) когда объект не входит в состав предела; 2) когда объект входит в состав предела; 3) когда объект стоит вне времени и исключается из предела.

Основная трудность для понимания отношений с предлогом *до* возникает тогда, когда предел, которым управляет предлог *до*, включает в себя некий срок, протяженный во времени: Билеты будут продаваться до 25-го числа (куда входит сам день 25-е: будут ли билеты продаваться весь день 25-го или как только настанет 25-е число, продажа прекратится?); Командировка в Москву до 5 мая (считается ли 5 мая днем командировки или нет?). Предлог *до* может включать в предел и нижнюю и верхнюю его границу, поэтому в толковании подобных случаев может возникнуть двусмысленность.

В современном русском литературном языке предлог *до* с временным пределом синонимичен предлогу *по* с винительным падежом количественно-именного сочетания или объекта, обозначающего пространственный предел: ноги по колено в грязи; волосы по пятые; погрузился в воду по уши.

Из истории русского литературного языка известно, что предлоги *до* и *по* в указанном выше значении были синонимами еще в XVIII веке, когда выражения *по сию пору* и *до сих пор*, *по гроб* и *до гроба*, *по смерть* и *до смерти*, *по то время* и *до того времени* и другие имели одинаковые значения и одинаковую частоту употребления. Следует заметить, что частота употребления предлога *по* по сравнению с *до* в современном русском языке снизилась (это отмечают и авторы академической «Грамматики русского языка»).

В официально-деловой практике нашего времени делается попытка различать употребление этих предлогов, а именно с предлогом *по* в предел включать весь срок: командировка по 5 мая (включая весь день 5 мая), а с предлогом *до* — исключать его: командировка до 5 мая (кончая 4-м). Однако такое разграничение не помогало, поэтому появилось при них наречие *включительно*, которое может употребляться при обоих синонимах: «От альфы по омегу включительно» (Третьяковский. Тилемахида); «С первого по третье января (включительно) я буду дома» (Чехов. Письмо Горбунову-Посадову, 31 декабря 1894).

Приведенные примеры показывают, что предлоги *до* и *по* в современном русском литературном языке при указании на временной предел являются синонимами.

В. В. Замкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОМОВ**,
В. А. ЕРЕМИН, **Л. П. ЖУКОВСКАЯ**, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **А. И. ОВЧАРЕНКО**,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**,
Ю. С. СОРОКИН, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**, **Ф. П. ФИЛИН**

Отв. секретарь **О. А. ХАМИЦАЕВА**

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2.

Телефон: 202-65-25

Зав редакцией *И. М. Беспалова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев*, *Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 14/X-1974 г. Подп. к печ. 25/XII-1974 г. Т-20860 Тир. 64000 экз.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂ Усл. печ. л. 8.4. Бум. л. 2.5 Уч.-изд. л. 10.1 Зак. 1222

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

РУССКАЯ ФИЛИГРАНЬ

Ю

Филигрань, предлагаемая читателям в настоящем номере, принадлежала бумажной мельнице И. Г. Торопова, крепостного крестьянина графа П. Б. Шереметева.

Граф Петр Борисович, сын сподвижника Петра I, Бориса Петровича Шереметева (1652—1710) — сенатор, один из богатейших людей своего времени. Ему принадлежали имения во многих губерниях России. Одно из них, находящееся в Угличском (впоследствии Рыбинском) уезде Ярославской губернии, называлось Юхотское по названию реки Юхота, на которой

оно было расположено. Это имение П. Б. Шереметев и сдавал в аренду своему крепостному Ивану Григорьевичу Торопову.

В 1780 году П. Б. Шереметев разрешил И. Г. Торопову построить бумажную мельницу, которую также сдал ему в аренду за 1200 рублей в год. В 1794 году мельница выпускала около 4000 стоп (стопа = 480 листов) бумаги писчей, печатной и почтовой. И. Г. Торопов умер в 1797 году, и арендатором стал его сын Николай. В 1800 году мельница выработала 2450 стоп на сумму 7825 рублей. Известно что в 1814 году мельница еще работала.

И. Г. Торопов мотил бумагу гербом Шереметевых (два вертикально расположенных равнобедренных креста на фоне солнца) в окружении литер ЕСГНБШ (Его сиятельство граф Петр Борисович Шереметев), с одной стороны, и литерами ЮФСТ (Юхотская фабрика содержателя Торопова) — с другой. Иногда внизу ставили год отлива бумаги.

После смерти П. Б. Шереметева И. Г. Торопов изменил литеры, окружающие герб, на ЕСГННШ (Его сиятельство граф Николай Петрович Шереметев).

(Продолжение следует)

